

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ
НА ЮГЪ РОССІИ.

Т. О. Булашева.

Съ портретомъ Пушкина и 28-ю фото-цинкографіями.

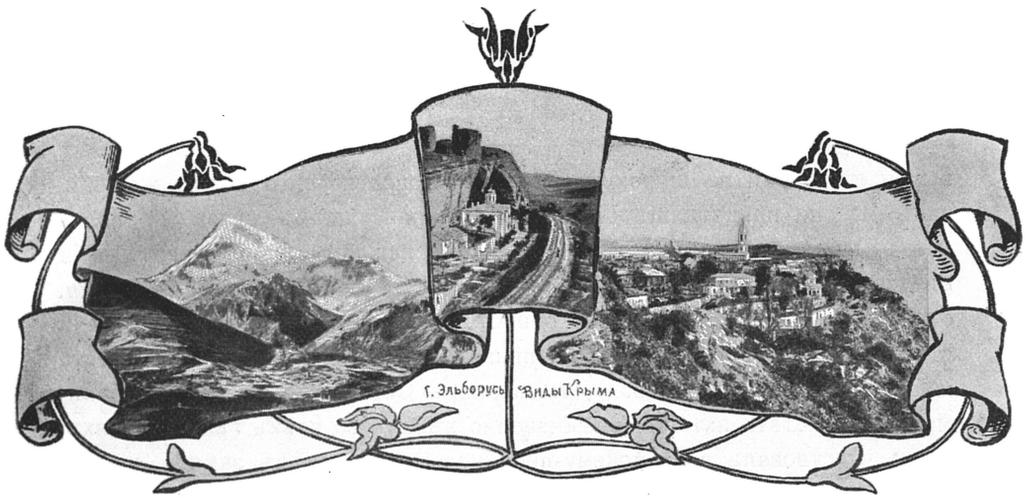
КІЕВЪ.
Тип. С. В. Кульженко. Ново-Елисаветин. ул., д. № 4.
1899.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 22 Мая 1899 г.

Александр Пушкин

А. С. Пушкинъ

НА ЮГЪ РОССІИ.

I.

Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ:
 Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша смиренный.
 Пока живется намъ—живи

И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Киеерой, съ Портикомъ, и съ книгой
 и съ бокаломъ;
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

(Къ П. П. Каверину).

ервые шаги А. С. Пушкина на поприщѣ самостоятельной жизни, какъ извѣстно, были далеко не изъ удачныхъ. Окончивши курсъ во второмъ разрядѣ, онъ былъ прикомандированъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 700 руб. асс. въ годъ, и этимъ—крайне скуднымъ даже для того времени—жалованьемъ вынужденъ былъ довольствоваться вплоть до самой ссылки своей въ с. Михайловское, въ 1824 г. Сергѣй Львовичъ былъ настолько не практиченъ въ веденіи своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, что никакъ не могъ сводить концы съ концами и однажды, на просьбу сына купить ему модные тогда бальные башмаки съ пряжками, наивно предложилъ свои старые, еще *Павловскіе*. Между тѣмъ, и происхожденіе изъ древней дворянской семьи, и воспитаніе въ привилегированномъ лицейѣ, среди роскошной, можно сказать, обстановки, развили въ Александрѣ Сергѣевичѣ при-

вычки къ жизни на широкую ногу, къ удовлетворенію всѣхъ желаній, какъ бы они прихотливы ни были. И вотъ Пушкинъ сразу же попадаетъ на скользкую дорогу и чуть не на каждомъ шагу ставитъ себя въ довольно ложное положеніе. Онъ всюду льнетъ къ *золотой молодежи*, съ которой такъ мало имѣетъ общаго, и которая и сама въ недоумѣннн сторонится отъ невѣдомаго пришельца. Близкіе лицейскіе пріятели часто журили его по этому поводу; Александръ Сергѣевичъ начиналъ обнимать и щекотать ихъ, что обыкновенно дѣлалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда чувствовалъ себя почему-либо неловко и хотѣлъ замять не со всѣмъ пріятный для него разговоръ.

Желаніе вести жизнь на широкую ногу встрѣчало непреодолимое препятствіе въ крайней ограниченности жалованья, которого онъ не могъ пополнить литературнымъ заработкомъ, такъ какъ въ то время не платили еще за печатаніе произведеній въ журналахъ и альманахахъ; попытки войти въ кругъ „золотой молодежи“ сталкивались съ вѣковыми предрасудками аристократизма. Эти неудачи заронили первую искру недовольства окружающимъ и окружающими въ душу пылкаго юноши, имя котораго дѣлалось въ обществѣ довольно уже популярнымъ, какъ имя подающаго большія надежды поэта. Внутренняя неудовлетворенность, уязвленное самолюбіе поэта, считавшаго себя въ правѣ вездѣ и во всемъ первенствовать и вообще играть одну изъ главныхъ ролей, въ связи съ „вѣтренностью“ и „рѣзвостью“ по свидѣтельству лицейскихъ аттестацій, ¹⁾ не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ чисто школьническихъ шалостей и выходокъ. Увлечшись свѣтскою жизнью, онъ болѣзненно торопился насладиться ею вполне, не отдавая себѣ почти ни въ чемъ отчета, какъ одинъ изъ самыхъ задорныхъ членовъ общества *зеленой лампы*, какъ ревностный поклонникъ *Вакха* и *Киприды*. Александръ Сергѣевичъ при этомъ заставилъ служить имъ и музу, взявъ за образецъ для себя *Тибула*, *Мура*, преимущественно же *Парни*.

Сначала все сходило ему съ рукъ: ожидали, что пылъ страстей у юнаго поэта уляжется, и самъ онъ мало-по-малу угомонится и остепенится. Но шалости и выходки Пушкина, въ особенности же его нецензурные памфлеты, сатиры на высокопоставленныхъ лицъ, чѣмъ *дальше*, тѣмъ становились все болѣе и болѣе вызывающими и, наконецъ, переполнили чашу долготерпѣнія смотрѣвшаго раньше сквозь пальцы начальства его. Когда доведено было обо всемъ до свѣдѣнія Императора Александра I, то, говорятъ, не смотря на всю благосклонность къ Пушкину Государя, живо интересовавшагося произведеніями такъ блистательно начинавшаго поэта, его предположено было сослать, *для охлажденія и вразумленія*, въ отдаленныя и суровыя Соловки. Друзья Пушкина заволновались: *П. Я. Чаадаевъ* тотчасъ же отправился къ знаменитому

¹⁾ Шляпкинъ. „Малоизвѣстныя и неизвѣстныя свѣдѣнія къ біографіи А. С. Пушкина“. Спб. 1899.

историку *Н. М. Карамзину* съ просьбою походатайствовать за Пушкина предъ имп. *Маріей Ѳеодоровной* и непосредственнымъ начальникомъ его по службѣ графомъ *И. А. Каподистрію*. Самъ же Пушкинъ отнесся къ стряшейся надъ нимъ бѣдѣ, повидимому, съ полною беззаботностію и чисто дѣтскимъ добродушіемъ. Когда С.-Петербургскій генераль-губернаторъ гр. *Милорадовичъ*, для производства дознанія, пригласилъ Пушкина къ себѣ и въ его присутствіи отдалъ приказаніе полиціймейстеру опечатать его квартиру и всѣ бумаги, Александръ Сергѣевичъ, по словамъ *П. Бартенева*, сказалъ: „Графъ! вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.“ Графъ, тронутый такою непринужденною откровенностію, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevalersque!“ и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ *контрабандные* стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Затѣмъ Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшихъ приказаній. По другимъ же рассказамъ, въ то время какъ Пушкинъ, сидя за столомъ, писалъ стихи, графъ ходилъ по комнатѣ, исподоволь прочитывалъ ихъ и помиралъ отъ смѣху. Императоръ, встрѣтившись послѣ этого какъ-то въ царско-сельскомъ саду съ директоромъ лицея *Е. А. Энгельгардтомъ*, пригласилъ его пройтись съ собою.—„Энгельгардтъ!—сказалъ Государь: Пушкина надо сослать... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный поступокъ его съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла“.—„Воля Вашего Величества,—отвѣчалъ на это Энгельгардтъ,—но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, Государь, лучше вразумитъ его.“¹⁾ Ходатайство указанныхъ выше лицъ и въ особенности ручательство *Н. М. Карамзина*, что *Пушкинъ* не станетъ больше писать памфлетовъ, сатиръ и эпиграммъ подобнаго рода, сдѣлали свое дѣло. вмѣсто ссылки въ Соловки, Пушкинъ былъ только удаленъ изъ С.-Петербурга и переведенъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края генераль-лейтенанта *И. Н. Инзова*, состоявшую въ вѣдѣніи того же министерства иностранныхъ дѣлъ.

Такъ неожиданно закончились для *А. С. Пушкина* первые шаги самостоятельной жизни его. Изъ круговорота шумной столицы судьба бросала теперь поэта на глухую окраину Новороссіи, гдѣ едва только еще зарождалась настоящая гражданская жизнь.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1096, 1898.

II.

ая 5-го дня 1820 года Пушкинъ получилъ видъ на проѣздъ и прогонныя деньги изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и оставилъ столицу. На перекладныхъ, въ красной рубахѣ и опояскѣ, въ поярковой шляпѣ, пустился онъ въ далекій и долгій путь по такъ называемому *Бѣлорусскому тракту*, на Могилевъ и Кіевъ. Изъ друзей только баронъ *А. А. Дельвицъ* и *М. Л. Яковлевъ* проводили его до Царскаго Села; съ нѣкоторыми же Александръ Сергѣевичъ, слишкомъ мало придававшій значенія происшедшей въ жизни его крутой перемѣнѣ, не простился даже. „Милый мой!—писалъ онъ П. Я. Чаадаеву на дружеской упрекъ послѣдняго въ этомъ: я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы?“ Начиная отъ Царскаго Села, Пушкину оставалось дѣлиться дорожными впечатлѣнiями только развѣ съ вѣрнымъ, преданнымъ старикомъ *Никитой*, котораго дали ему въ *дядьки* родители при разставаньи.

Около половины мая Пушкинъ былъ уже въ Екатеринославѣ и представлялся новому своему начальнику, вручивши ему при первомъ же свиданіи письмо отъ гр. Каподистріи. Шумъ и кутежи столичной жизни смѣнились однообразнымъ коротаньемъ времени въ грязной, „гадкой жидовской избенкѣ“.

Вскорѣ же по приѣздѣ въ Екатеринославъ Пушкинъ сильно затосковалъ, „соскучился и поѣхалъ кататься по Днѣпру и схватилъ горячку“ (лихорадку) ¹⁾. Но судьба жалилась надъ своимъ избранникомъ и послѣ,—хотя и короткаго, но довольно суроваго все же—урока подарила ему не мало счастливейшихъ минутъ, о которыхъ онъ такъ любилъ потомъ вспоминать.

¹⁾ Письмо къ Л. С. Пушкину отъ 24 сент. 1820 г.

19 мая того же 1820 г. выѣхалъ изъ Кіева на кавказскія минеральныя воды славный герой 12 года генералъ *Н. Н. Раевскій*, командовавшій въ описываемое время 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Ген. Раевского сопровождали въ этой поѣздкѣ: бывшій въ отпускѣ младшій сынъ его ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка *Николай Николаевичъ*, двѣ младшія дочери—15 лѣтняя *Марія* и совсѣмъ еще маленькая *Софья*, состоявшія при нихъ—англичанка миссъ *Мятень* и компаньонка татарка-выкрестка *Анна Ивановна* и военный врачъ *Рудыковскій*. Молодой Н. Н. Раевскій близко сошелся въ свое время съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Петербургѣ и даже оказалъ ему какія-то „важныя, вѣчно незабвенныя услуги.“¹⁾ Едва онъ вышелъ изъ коляски въ Екатеринославѣ, какъ почти тотчасъ же пустился въ поиски за пріятелемъ, и не успѣлъ еще Рудыковскій расположиться, послѣ дурной дороги, на отдыхъ, Раевскій уже вбѣжалъ, запыхавшись, въ комнату доктора со словами:

— Докторъ! я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна скорая помощь,—поспѣшите со мною!

„Нечего дѣлать,—разсказываетъ Рудыковскій,—пошли.

Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на дощатомъ диванѣ, сидитъ молодой человекъ—небритый, блѣдный и худой.

— Вы нездоровы? спросилъ я незнакомца.

— Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался: кажется, простудился.

Осмотрѣвши тщательно больного, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ предъ нимъ лежала бумага.

— Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?

— Пишу стихи.

— Нашелъ,—думаю я,—и время и мѣсто.—Посовѣтовавши ему на ночь выпить чого-нибудь теплаго, я оставилъ его до другого дня.“²⁾

Молодой Раевскій этимъ не ограничился. Онъ уговорилъ отца взять Пушкина съ собою, для поправленія здоровья, на кавказскія минеральныя воды, и на другой день поутру Александръ Сергѣевичъ былъ уже въ домѣ Екатеринославскаго губернатора К., гдѣ остановился генералъ Раевскій. Инзовъ съ полною готовностью далъ отпускъ. Это вообще былъ человекъ весьма образованный, мягкій, уважавшій личность каждаго и понимавшій требованія и запросы молодой природы. Онъ сразу же вникнулъ въ тяжелое положеніе молодого поэта, присланнаго къ нему подъ надзоръ за *вредное* направленіе, и безъ труда угадалъ, чѣмъ именно можно лучше всего помочь увлекавшемуся юношѣ, вся вина котораго зависѣла главнымъ образомъ отъ черезчуръ уже горячей крови.

¹⁾ Письмо къ Л. С. Пушкину отъ 24 сент. 1820 г.

²⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1841 г., № 1.

„Разстроенное здоровье (Пушкина) въ столь молодья лѣта,—писаль Инзовъ *Булакову*,—и неприятное положеніе, въ какомъ онъ, по молодости, находится, требовали, съ одной стороны, помощи, а съ другой—безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ..... я надѣюсь, что за сіе меня не побранятъ и не назовутъ баловствомъ; онъ малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется всегда скорлупою.“¹⁾

За обѣдомъ у губернатора Александръ Сергѣевичъ былъ веселъ и безъ умолку говорилъ съ сыномъ Раевского по-французски. Послѣ обѣда у него вновь начался ознобъ, жаръ и другіе признаки пароксизма. Рудыковскій сѣлъ за прописку рецепта.

— Докторъ, дайте что-нибудь получше,—дряни въ ротъ не возьму.

„Что будешь дѣлать?—продолжаетъ въ своей любопытной замѣткѣ Рудыковскій: прописаль слабую микстуру. На рецептъ нужно написать кому. Спрашиваю.

— „Пушкинъ.“—Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лѣчу, какъ самаго простого смертнаго, и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится.“²⁾

Непредвидѣнныя обстоятельства эти, благодаря которымъ Пушкинъ введенъ былъ въ семью Раевскихъ, были для него по истинѣ величайшимъ счастьемъ и кто знаетъ?—быть можетъ, создали намъ Пушкина именно такимъ, какимъ мы его имѣемъ. Семьѣ Раевского суждено было сыграть въ жизни Пушкина и ходѣ развитія его поэтическаго творчества выдающуюся роль.

И прежде всего, въ высшей степени важно уже было то, что Пушкинъ сразу попалъ въ совершенно иную сферу жизни, которая показала ему непроходимую бездну между безшабашными кутежами высшей петербургской молодежи и чистыми наслажденіями созерцанія чудной природы. Спустя всего лишь какихъ-нибудь два съ небольшимъ мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Петербурга, изъ глубины души поэта, умиротворившейся на нѣкоторое время подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ семьи Раевскихъ, вылились слѣдующіе сердечные искренніе стихи, имѣющіе громадную біографическую важность:

Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,

¹⁾ В. А. Яковлевъ. „Знач. нашего (южнаго) края въ жизни и дѣятельности А. С. Пушкина,“ стр. 11.

²⁾ „Русск. Вѣстн.,“ 1841 г., № 1.

Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, отечески края,
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покою, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
 Подруги тайныя моей весны златыя,
 И вы забыты мной

Сближеніе Пушкина съ семействомъ Раевскихъ отводитъ и Екатеринославу не послѣднее мѣсто въ біографіи нашего великаго поэта, не говоря уже о томъ, что побѣгъ арестантовъ, скованныхъ вмѣстѣ, переплывшихъ чрезъ Днѣпръ и такимъ образомъ спасшихся, „ихъ отдыхъ на островѣ и потопленіе одного изъ стражей“ дали богатый и благодарный сюжетъ для поэмы—„Братья разбойники,“ ¹⁾ о которой Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 14 окт. 1823 года: „Замѣчанія твои на счетъ моихъ *Разбойниковъ* не справедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ.“

г. Мичеть.

¹⁾ Письмо къ кн. П. А. Вяземскому отъ 11 ноября 1823 г.

III.

Дь Екатеринославѣ Пушкинъ прожилъ всего только двѣ недѣли. Генераль Раевскій не сталъ откладывать поѣздки, и на слѣдующій день послѣ описаннаго выше обѣда у екатеринославскаго губернатора Раевскіе, въ двухъ каретахъ и коляскѣ, отправились далѣе, черезъ Землю Войска Донскаго. Лихорадка у Пушкина прошла, и онъ съ восторгомъ мчался въ открытой коляскѣ, коротая съ Раевскимъ—сыномъ скучные часы пути въ дружеской бесѣдѣ и воспоминаніяхъ о веселой петербургской жизни. Всѣ остальные ѣхали въ каретахъ.

Имя генерала Раевского, какъ славнаго героя 12-го года, который вывелъ въ дѣло при Салтановкѣ, 11 іюля, даже двухъ подростковъ—сыновей, слишкомъ хорошо было извѣстно всѣмъ, вслѣдствіе чего поѣздка его на кавказскія минеральныя воды отчасти напоминала собою триумфальное шествіе побѣдителя. Его вездѣ встрѣчали съ хлѣбомъ и солью и старались доставить всѣ возможныя удобства при остановкахъ. Благодаря этому, никто изъ путешественниковъ не чувствовалъ особеннаго утомленія, не смотря на южную жару. Въ Ростовѣ на Дону нашихъ путешественниковъ встрѣтилъ и принялъ атаманъ *Денисовъ*. За обѣдомъ Пушкинъ не послушался Рудыковскаго: поѣлъ бламанже—и снова заболѣлъ.

— Докторъ, помогите!—взмолился онъ къ Рудыковскому, изнемогая во время сильнѣйшаго приступа пароксизма.

— Пушкинъ, слушайте!

— Буду, буду!

Опять микстура. Во время дальнѣйшаго пути Пушкинъ уже ѣдетъ въ каретѣ съ старикомъ Раевскимъ; но пароксизмъ повторяется.

— Не ходите, не ѣздите безъ шинели,—убѣждаетъ Рудыковскій.

— Жарко, мочи нѣтъ.

— Лучше жарко, чѣмъ лихорадка.

— Нѣтъ, лучше ужъ лихорадка,—капризно замѣчаетъ Пушкинъ.

Пароксизмъ съ каждымъ новымъ приступомъ становится сильнѣе, мучительнѣе. Пушкинъ опять къ Рудыковскому.

— Докторъ, я боленъ.

— Потому что упрямы. Слушайте!

— Буду, Буду!

Благоразуміе, наконецъ, беретъ верхъ, и лихорадка прекращается.

Въ Пятигорскъ путешественники наши пріѣхали въ первыхъ числахъ юня. Здѣсь ихъ встрѣтилъ пріѣхавшій раньше въ Пятигорскъ старшій сынъ генерала Раевского—отставной полковникъ Александръ Николаевичъ. Для Пушкина началась жизнь совершенно необычная, полуазиатская, о которой раньше зналъ онъ только развѣ по наслышкѣ. Ночи подъ открытымъ чарующимъ южнымъ небомъ, жизнь въ кибиткахъ и шалашахъ, лѣпящихся у обрывовъ скалъ сакли, восхожденія на горы, своеобразные нравы черкесовъ, величественная природа и т. п.—все это подавляло Пушкина массою новыхъ впечатлѣній настолько, что онъ никакъ не могъ взяться за перо. Вотъ какъ описываетъ жизнь свою и свое душевное состояніе въ этотъ пріѣздъ на Кавказъ самъ онъ:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми

И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній,
Она погасла, пора стиховъ.....

И дѣйствительно, лира Пушкина замолкла почти совсѣмъ на два мѣсяца пребыванія его на Кавказѣ. Онъ какъ бы набирался новыхъ впечатлѣній, не могъ сразу справиться съ непрестаннымъ наплывомъ ихъ, не могъ, такъ сказать, тотчасъ же переварить ихъ. Съ Кавказа онъ послалъ въ печать только два дополненія къ „Руслану и Людмилѣ“ и эпилогъ къ этой поэмѣ, изъ котораго мы только-что привели не-

большую выдержку, и гдѣ, между прочимъ, о сближеніи своемъ съ Раевскими и поѣздкѣ съ ними на кавказскія минеральныя воды онъ говоритъ въ слѣдующихъ сердечныхъ стихахъ:

Я погибъ.... Святой хранитель	Ты умолила непогоду;
Первоначальныхъ бурныхъ дней,	Ты сердцу возвратила миръ;
О дружба, нѣжный утѣшитель	Ты сохранила мнѣ свободу,
Болѣзненной души моей!	Кипящей младости кумиръ!

„Два мѣсяца,—писалъ онъ потомъ брату отъ 24 сент. 1820 г.,—жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не ѳидаль великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мной на острый верхъ пятихолмнаго Бештау, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишни. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградой въ будущихъ войнахъ,—и, можетъ быть, сбудетъ для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи.“

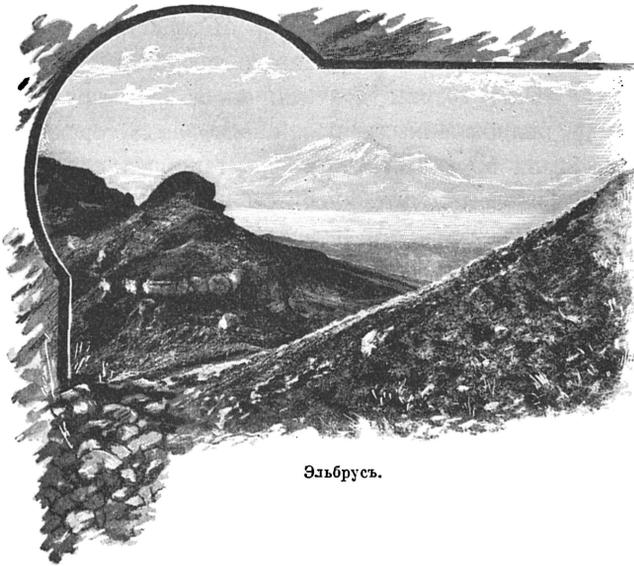
Благодушное настроеніе, въ какомъ теперь находился Пушкинъ, заставило его совершенно забыть недавнія невзгоды, и онъ не замедлил выкинуть чисто школьническую—невинную, впрочемъ—продѣлку. Дѣло было въ Горячеводскѣ, куда путешественники наши прибыли всѣ здоровыми и веселыми. Узнавши о пріѣздѣ генерала Раевского, комендантъ поспѣшилъ лично засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, а вскорѣ послѣ того прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. „Всѣ читали, любопытствовали,—разсказываетъ докторъ Рудыковскій: послѣ нужно было книгу возвратитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ, но ничего и не подозрѣвалъ. Книгу и списокъ отослали къ коменданту. На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ.“

- Вы лейбъ-медикъ? пріѣхали съ генераломъ Раевскимъ?
- Послѣднее справедливо, но я не лейбъ-медикъ.
- Какъ не лейбъ-медикъ? Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта;
- бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выйти дурныя послѣдствія.

Бѣгу къ коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: тамъ въ свитѣ генерала вписаны—двѣ его дочери, два сына, *лейбъ-медикъ* Рудыковскій и *недоросль* Пушкинъ. Насилу убѣдилъ я коменданта все это исправить, доказывая, что я не *лейбъ-медикъ*, и что Пушкинъ не *недоросль*, а *титულлярный совѣтникъ*, выпущенный съ этимъ чиномъ изъ Царско-сельскаго Лицея. Генераль порядочно пожурилъ Пушкина за эту шутку.

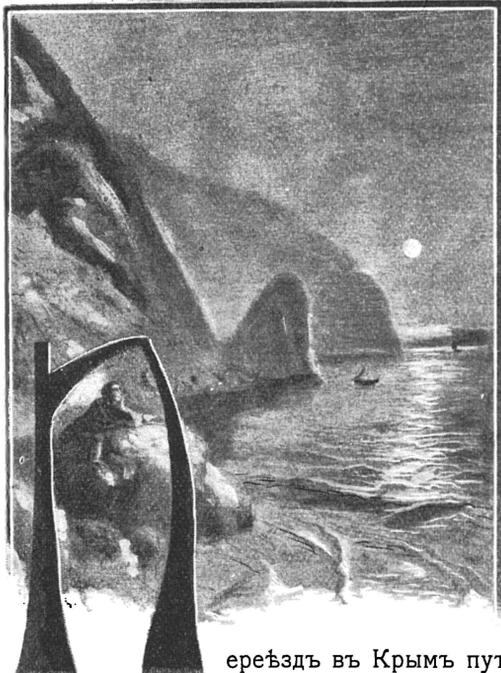
Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались“. 1)

Въ первыхъ числахъ августа Раевскіе закончили курсъ лѣченія на минеральныхъ водахъ и рѣшили отправиться для морского купанья на южный берегъ Крыма, кромѣ А. Н. Раевскаго, оставшагося въ Пятигорскѣ. Поѣхалъ, разумѣется, съ ними и Пушкинъ, при чемъ въ это свое посѣщеніе Кавказа онъ не видалъ ни Казбека, ни Терека и вообще ничего дальше лѣчебныхъ курортовъ. Отъ болѣзни его осталась только бритая голова, вслѣдствіе чего онъ носилъ красную феску, которая на первыхъ порахъ такъ смущала потомъ кишиневское „высшее общество“.

Эльбрусъ.

1) „Русскій Вѣстникъ“, 1841 г., № 1.

у Чернаго
мора.

А. С. ПУШКИНЪ

— НА ЮГЪ РОССІИ.

IV.

ереѣздъ въ Крымъ путешественники наши совершили черезъ Землю Черноморскихъ Казаковъ, по Кубани, о-бокъ съ воинственными и очень опасными въ то время *немирными* черкесами. Вотъ какъ описываетъ этотъ переѣздъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату отъ 24 сент. 1820 г.: „видѣлъ я берега Кубани; любовался нашими казаками; вѣчно верхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ъхалъ въ виду непріязненныхъ полей *свободныхъ* горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фителемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный генералъ легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутараканскаго княжества, отрылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи,—думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груды камней, утесовъ, грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней; дѣла рукъ человѣческихъ. Городъ ли это, древнія ли основанія башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*. Ряды кам-

ней, ровъ, почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнїя, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то французъ прїѣхалъ для разысканїй, но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣнїй. Изъ Керчи прїѣхали мы въ Кефу (Ѳеодосїю), остановились у *Броневскаго*, ¹⁾ чело-вѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города: виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый чело-вѣкъ, имѣетъ большія свѣдѣнїя о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда отправились мы моремъ, мимо полуденныхъ береговъ Тавриды, въ Юрзуфъ“ (Гурзуфъ).

Раевскому предоставленъ былъ въ полное распоряженіе военный бригъ для переѣзда отъ Керчи до Гурзуфа. Сначала Пушкина какъ будто мало занимало море, тѣмъ болѣе, что бригъ шель отъ Керчи до Ѳеодосїи вдали отъ береговъ, которые, къ тому же, въ этой части Таврическаго полуострова не представляютъ рѣшительно ничего особеннаго. Всю ночь отъ Ѳеодосїи до Гурзуфа Пушкинъ не спалъ, бродилъ по палубѣ и, по свидѣтельству одной изъ спутницъ, что-то бормоталъ про себя: такъ появилась прекрасная элегія—„Погасло дневное свѣ-тило“, которую Пушкинъ въ сентябрѣ переслалъ брату съ просьбой передать ее *Гречу* для напечатанїя, но безъ подписи. Вскорѣ бригъ поплылъ ближе около береговъ, въ виду горъ, покрытыхъ тополями, виноградомъ, кипарисами и лаврами. Тамъ и сямъ мелькали татарскїя деревушки.—„Вотъ Чатыръ-дагъ“, сказалъ Пушкину капитанъ брига, указывая на одну изъ самыхъ высокихъ крымскихъ горъ, стоящую какъ будто особнякомъ отъ другихъ и гордо поднимающуюся къ облакамъ въ видѣ продолговатаго шатра. Но Александръ Сергѣевичъ и при этомъ не обнаружилъ особаго любопытства. Передъ разсвѣтомъ Пушкинъ уснулъ. „Между тѣмъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ барону А. А. Дель-вигу отъ 1824 г.,—корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ (Медвѣдь-гора; вдается въ самое море, на серединѣ пути между Алуштой и Гурзуфомъ, вблизи этого послѣд-няго)... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный“.

Въ Гурзуфѣ нашихъ путешественниковъ ожидала жена генерала Раевского *Софія Алексѣевна*, урожденная *Константинова*, внучка М. В.

¹⁾ Броневскїй, литераторъ и мартинистъ своего времени, находившійся съ Сперанскимъ въ религіозно-мистической перепискѣ, занималъ передъ тѣмъ должность Ѳеодосїйскаго градоначальника.

Ломоносова, и двѣ прекрасно образованныя дочери—старшая *Екатерина Николаевна*, вышедшая впослѣдствіи замужъ за кн. *М. О. Орлова*, и 16—17—лѣтняя *Елена Николаевна*. Для Пушкина началась здѣсь жизнь, о которой онъ всегда потомъ вспоминалъ не иначе, какъ съ величайшимъ восторгомъ.

Раевскіе поселились на прекрасной дачѣ, принадлежавшей въ то время Одесскому генераль—губернатору дюку *Ришлье*, любезно предложенной имъ Раевскимъ (впослѣдствіи Гурзуфъ составлялъ владѣніе *И. И. Фундукля*, а въ настоящее время—*П. I. Губонина*). Большой двухъ—этажный домъ утопалъ въ зелени роскошнаго сада. Съ одного балкона открывался видъ на безграничное море, съ другого—на утопающія въ синевѣ неба горы. И по сію пору еще уцѣлѣли въ Гурзуфѣ *Пушкинскій* высокій и стройный *кипарисъ* и *Пушкинскій* громаднѣйшій *платанъ*, подъ которыми Александръ Сергѣевичъ любилъ предаваться по цѣлымъ часамъ блаженному *far niente*. Раскидистыя, широколиственныя нижнія вѣтви платана касаются до земли, образуя непроницаемую для солнечныхъ лучей и дождя чудную бесѣдку; кипарисъ же хотя и гордо возвышается среди прочихъ своихъ собратьевъ, но въ нижней части ствола онъ совершенно уже лишень вѣтвей, усердно отламываемыхъ на память о посѣщеніи Гурзуфа почитателями поэта. Въ нижнемъ этажѣ дома владѣльца можно также видѣть комнату, въ которой жилъ и написалъ лучшія свои стихотворенія о Крымѣ Пушкинъ; въ ней, впрочемъ, ничего не сохранилось отъ пребыванія поэта въ Гурзуфѣ. Среди мѣстныхъ татаръ, по словамъ Евгеніи *Туръ*, жила еще въ 50-хъ годахъ легенда, будто, когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ (осенью!) съ нимъ вмѣстѣ; посѣщенія соловья возобновлялись и потомъ каждое лѣто; но съ тѣхъ поръ, какъ поэтъ умеръ, соловей болѣе не прилетаетъ ¹⁾.

Между Пушкинымъ и Раевскими установились самыя теплыя отношенія. Онъ чувствовалъ себя, какъ въ родной семьѣ. Съ Екатериной Николаевной онъ велъ самыя оживленныя бесѣды, переходившія нерѣдко въ горячіе споры, о литературѣ. Подъ руководствомъ Николая Николаевича (сына) продолжалъ ревностно изучать англійскій языкъ и Байрона, въ особенности когда узналъ, по секрету отъ пріятели, что Елена Николаевна занимается переводомъ Байрона и Вальтеръ—Скотта.

Три недѣли жизни Пушкина въ Гурзуфѣ, среди такой обстановки и въ кругу такихъ людей, имѣли громадное значеніе и для развитія его творческаго генія и для его самообразованія, такъ какъ къ услугамъ

¹⁾ „Крымскія письма“, „Спб. Вѣдомости“, 1854 г., письмо 5-ое.—Съ указанною легендою мы еще встрѣтимся въ этой же главѣ.

любезнательнаго поэта была довольно богатая старинная бібліотека Ришилье въ Гурзуфскомъ его домѣ. „Счастливейшія минуты жизни провель я посреди семейства почтеннаго Раевского,—писалъ онъ все въ томъ же письмѣ къ брату отъ 24 сент. 1820 г.: я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-года, человѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ; свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства,—жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море! Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

О самой жизни своей въ Гурзуфѣ Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго: (въ дек. 1824 г.) „въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго *lazzaroni*. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дому росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщаль его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество“.

Въ творествѣ Пушкина замѣчается въ это время довольно важный переломъ. „Холодные, хотя и блестящіе, образы обычныхъ спутницъ всякой молодости, которыми занималась муза Пушкина до 1819 года, теперъ,—по словамъ П. В. Анненкова,—совсѣмъ пропадаютъ, и мѣсто ихъ заступаютъ образы антологическихъ его стихотвореній, полныя жизни и чувства. Нельзя не согласиться, что большая часть ихъ навѣяна чтеніемъ Андрея *Шенье*, но есть между обоими поэтами и существенная разница. Пушкинъ сокращаетъ представленія Шенье, когда беретъ его за образецъ, и даетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемая подлинникомъ. Качества эти еще сильнѣе выступаютъ въ собственныхъ его созданіяхъ, и тогда къ аттической граціи очертаній присоединяется у него тонкій психологическій анализъ. Таковы стихотворенія: *Нереида*, *Дориды*, *Дориды* и проч., написанныя въ это время. Мы имѣемъ полное право сказать, что красота формы, гармонія внѣшнихъ линій были первымъ навѣяніемъ классической Тавриды, первымъ ея подаркомъ поэту—странствователю“.¹⁾

¹⁾ П. В. Анненковъ. „А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній“, изд. 2, стр. 62.

Съ этого же времени начинается и вліяніе на Пушкина британскаго „гордости поэта“ Байрона, котораго онъ усердно изучалъ въ Гурзуфѣ. Теплота же лиризма и его задушевность объясняются тѣмъ, что Пушкинъ влюбился въ одну изъ Раевскихъ—и притомъ влюбился безъ взаимности. Нѣкоторые изъ біографовъ думаютъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Екатерину Николаевну, другіе—что въ Елену Николаевну; по нашему же мнѣнію—вѣрнѣе всего въ Марію Николаевну, вышедшую замужъ за кн. *С. Г. Волконскаго*. Отправляясь въ Сибирь къ сосланному мужу, она встрѣтилась впослѣдствіи съ Пушкинымъ въ Москвѣ, въ домѣ родственницы своей кн. *З. А. Волконской*, у которой собрались многіе проводить уѣзжавшую въ далекіе края. *Некрасовъ* такъ передаетъ воспоминанія ея при этомъ:

И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ.
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы и Черное море.
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ 16-й годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью, я стрѣлюю впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ.
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла,—и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала;
Когда же приливъ возвращался опять,
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!...
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, но я

Ботинки мои промочила:
— „Молчите! идетъ гувернантка моя!“
Сказала я строго... (я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла
Въ „Онѣгинѣ“ чудныя строки.
Я вспыхнула вся—я довольна была...
Теперь я стара, такъ далеки
Тѣ красныя дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но по правдѣ сказать —
Въ кого онъ тогда ни влюблялся!
Но думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли
Не болѣ любви занимали его
Волненья ея и печали.
Юрзуфъ живописень...
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился,
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки;
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ,
По-англійски бралъ онъ уроки...
Окончивъ занятя, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ;
У самой террасы стоялъ кипарисъ,
Поэтъ называлъ его другомъ;
Подъ нимъ заставлялъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
„Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ—и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Пѣть соловей—повѣствуетъ народъ—
Летаетъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта.
Но умеръ поэтъ—прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... **Полный** горя,

Кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря“...
Но Пушкинъ надолго прославиль его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ.

Въ Гурзуфѣ же Александромъ Сергѣевичемъ сдѣланы и первые наброски „Кавказскаго плѣнника“.

Въ концѣ августа Пушкинъ вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ и Раевскимъ—сыномъ оставилъ Гурзуфъ. Переваливать черезъ горный хребетъ имъ нужно было по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ,—разказываетъ Пушкинъ объ этомъ пути своемъ въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго, (въ дек. 1824 г.)—взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня рѣемы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждающимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...

(см. „Посланіе къ Чаадаеву“.)

Такъ, видъ развалинъ храма Діаны (греческой Артемиды) вызвалъ въ воображеніи Пушкина древне-греческую легенду, извѣстную ему, вѣроятно, по трагедіи Эврипида—„Ифигенія въ Тавридѣ“, сюжетъ кото-

рой состоитъ въ томъ, что, преслѣдуемый Эвменидами, Орестъ приѣзжаетъ въ Тавриду съ цѣлью похитить статую Артемиды, но самъ едва не приносится въ жертву Діанѣ Скиѣской родною сестрою своею, жрицею этой богини.

Но не одна эта легенда пришла на память поэту въ Крыму. Въ дополненіи къ „Евгенію Онѣгину“, въ его путешествіи, онъ такъ воспоминаетъ о Крымѣ:

Воображенію край священный!
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ *Мицкевичъ* вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Въ Бахчисарай, гдѣ присоединились къ нашимъ путешественникамъ и остальные члены семьи генерала Раевского, оставшіеся было на нѣсколько дней еще въ Гурзуфѣ, Пушкинъ приѣхалъ вновь больной лихорадкой и едва взглянулъ на ржавую трубку знаменитаго фонтана, изъ которой по каплямъ падала вода. Ханскій дворецъ поэтъ „обошелъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полу-европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ“ его „по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище,—

Но не тѣмъ
Во то время сердце полно было!

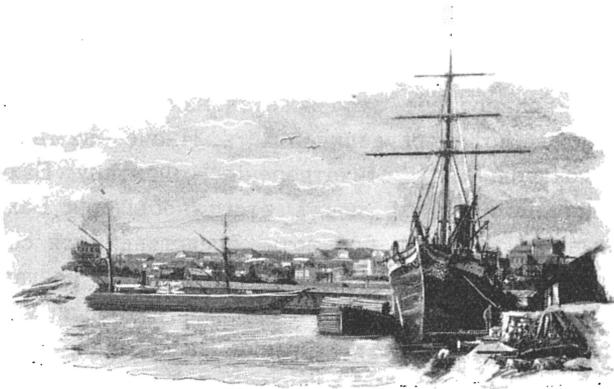
лихорадка... мучила“ поэта ¹⁾

Впрочемъ, равнодушіе это кажется намъ нѣсколько напускнымъ или, по крайней мѣрѣ, преувеличеннымъ. Иначе—чѣмъ объяснить обаятельную увлекательность стихотворенія—„Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, написаннаго вскорѣ послѣ этого посѣщенія Бахчисарая, гдѣ всѣ указаннныя въ письмѣ предметы представляются совершенно въ другомъ свѣтѣ? Чѣмъ объяснить также совершенно не гармонирующее съ общимъ тономъ всего письма къ бар. А. А. Дельвигу, въ которомъ Пушкинъ описываетъ другу посѣщеніе Бахчисарая, его заключеніе: „Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?...“ и проч.

¹⁾ Письмо къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго, отъ 1824 г. (дек.).

Искренняя сердечная привязанность Пушкина къ семейству Раевскихъ—и въ особенности, надо полагать, нераздѣленная любовь къ одной изъ дочерей знаменитаго генерала—дѣлали для поэта разлуку съ ними очень тяжелою, и онъ всячески старался оттянуть день прощанья. Пушкинъ ѣдетъ съ Раевскими въ Кіевъ, а затѣмъ и въ с. Каменку, Кіевской губ., гдѣ жила мать генерала Раевского, урожденная графиня *Самойлова*, по второму мужу *Давыдова*. Въ Каменкѣ онъ познакомился съ двумя сыновьями Давыдовой отъ втораго брака—*Александромъ* и *Василемъ Львовичами* и очень скоро довольно близко сошелся съ женою перваго, веселой и любезной француженкой гр. *Грамонъ*.

Однако, пора уже было подумать и о возвращеніи на мѣсто службы. И вотъ, во второй половинѣ сентября, Пушкинъ распростился съ Раевскими и отправился—но уже не въ Екатеринославъ, а въ Кишиневъ, такъ какъ намѣстникъ Бессарабской области *А. Н. Бахметевъ* взялъ продолжительный отпускъ для излѣченія отъ ранъ, при чемъ должность его поручена была временно И. Н. Инзову. Инзовъ, переѣхавши, въ качествѣ намѣстника Бессарабіи, въ Кишиневъ, перевелъ туда и Попечительный Комитетъ о колонистахъ Южнаго края, вслѣдствіе чего Кишиневъ уже является мѣстомъ дальнѣйшей службы Пушкина, а не Екатеринославъ.

У Чернаго моря.

г. Кишиневъ при Пушкинѣ.

V.

ъ Кишиневѣ Пушкинъ прожилъ безъ малаго три года, съ 21-го сентября 1820 г. и до весны 1823 г. Этотъ періодъ жизни Пушкина приводитъ лучшихъ біографовъ его въ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ онъ слишкомъ уже богатъ „остроумными“ и вообще различными „проказами“ неугомонившагося поэта. Дѣйствительно, жизнь Пушкина въ Кишиневѣ—и отчасти потомъ въ Одессѣ—носитъ характеръ беспорядочности и подчасъ вызывающаго ухарства.

П. В. Анненковъ, въ своей монографіи: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, кишиневскій періодъ жизни Александра Сергѣевича называетъ „самою бурною эпохою“, „періодомъ пыла и порывовъ, Sturm und Drang, какой немногіе изживали на вѣку своемъ“ (стр. 212). Это была „ночь, облежавшая сознаніе поэта“, „исторія заблужденій самаго свѣтлаго ума эпохи“ (стр. 179). Главное руководительное начало, которое заправляло жизнью Пушкина въ эту эпоху и было источникомъ всѣхъ его вольныхъ и невольныхъ *зablужденій*, Анненковъ указываетъ въ своеобразномъ *русскомъ байронизмѣ*. Исторія развитія байроническаго направленія у насъ на Руси, говоритъ онъ, и есть собственно исторія Пушкина за все время пребыванія его на югѣ Россіи. Тамъ Пушкинъ пріобрѣлъ его, и тамъ же его пережилъ и побѣдилъ. Но *байронизмъ* русскій вообще—и байронизмъ Пушкина въ особенности—имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На русской почвѣ байроническое настроеніе пріобрѣло совершенно особыя черты, совершенно особую, чисто мѣстную, національную окраску и въ крайнихъ своихъ порывахъ обнаруживалось въ совершенно анти-гуманныхъ проявленіяхъ (стр. 149). Русскій байронизмъ, напр., проповѣдывалъ безцеремонно-развязное

обращеніе съ людьми, къ какому бы полу, званію, состоянію и общественному положенію ни принадлежали они; „никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе за границей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ и ко всякому моральному и матеріальному страданію, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы, *русскій байронизмъ* уже строился на странномъ, ничѣмъ не оправдываемомъ презрѣніи къ челоуѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо-бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ подражаніемъ аристократическимъ приѣмамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно“ (стр. 170—171).

Съ байронизмомъ Пушкинъ впервые познакомился на Кавказѣ, изъ бесѣдъ съ Раевскими вообще и главнымъ образомъ съ Александромъ Николаевичемъ. А. Н. Раевскій уже въ то время пользовался прочно установившеюся репутаціею *скептическаго цма*. Долгія бесѣды его съ Пушкинымъ на берегахъ Подкумка, въ виду величаваго Бештау, о которыхъ Александръ Сергѣевичъ не безъ удовольствія вспоминаетъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“, какъ нельзя лучше подготовили почву въ вольнолюбивомъ поэтѣ къ усвоенію байронизма именно въ *рускомъ духѣ* и окружили А. Н. Раевскаго въ представленіи Пушкина какимъ-то демоническимъ величіемъ. Не даромъ нѣкоторые стихотвореніе: „Демонъ“ всецѣло относятъ къ А. Н. Раевскому, а самъ Пушкинъ, какъ мы уже знаемъ, писалъ брату, что „старшій сынъ (Раевскаго) будетъ болѣе, нежели извѣстенъ“, и, при тогдашнемъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ перемѣнъ во всѣхъ углахъ Европы, отзывался о немъ, какъ о челоуѣкѣ, „которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій“ (стр. 152). Уроки брата продолжала потомъ въ Гурзуфѣ Екатерина Николаевна Раевская, отличавшаяся такою твердостью и подчасъ рѣзкой даже прямою своего слова, что въ Кишиневѣ, послѣ выхода замужъ за дивизионнаго командира М. Ѳ. Орлова, друзья дома въ кругу своемъ обыкновенно называли ее *Миротой Посадницей*. Помощницами Екатерины Николаевны въ дѣлѣ воспитанія Пушкина въ духѣ байронизма были сестры ея—Елена и Марія. Вообще, жизнь Пушкина, съ Раевскими на Кавказѣ, въ Крыму и затѣмъ нѣкоторое время въ Каменкѣ совершенно пересоздала его.

Завершеніємъ перерожденія Пушкина подъ указаннымъ вліяніємъ Раевскихъ была поѣздка его въ январѣ—февралѣ мѣсяцѣ 1821 г. въ Кіевъ (въ оригиналѣ подъ стихотвореніемъ—„Морской берегъ“—выставлено: „8-го февраля 1821. Кіевъ“), а оттуда, въ февралѣ же, въ Каменку, съ разрѣшенія И. Н. Инзова, по случаю выхода замужъ Ек. Н. Раевской за генерала М. Ѡ. Орлова. Здѣсь, между прочимъ, Пушкинъ окончилъ своего „Кавказскаго плѣнника“, и здѣсь же встрѣтилъ онъ въ этотъ свой пріѣздъ декабриста *И. Д. Якушкина*, объѣзжавшаго южный край съ цѣлью узнать мнѣнія членовъ бывшаго „Союза благоденствія“ и вообще мнѣнія мѣстныхъ либераловъ объ упраздненіи „Союза“, рѣшенномъ московскимъ кружкомъ, а равно и относительно всякихъ тайныхъ обществъ. Наканунѣ отъѣзда Якушкина изъ Каменки составлено было нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія по этимъ вопросамъ. Пушкинъ горячо отстаивалъ необходимость тайныхъ обществъ въ Россіи и ожидалъ немедленнаго посвященія своего въ члены тайнаго общества, хотя въ заговорщики онъ менѣе всего пригоденъ былъ какъ по характеру своему, такъ и по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, а не по временнымъ, наноснымъ мнѣніямъ и взглядамъ. Самая Каменка влекла Пушкина къ себѣ и держала подъ своимъ вліяніемъ и обаяніемъ не революціонной пропагандой, которой тамъ, собственно говоря, и не было, а, какъ говоритъ П. В. Анненковъ, „тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ея усвоеннымъ“, а также—добавимъ мы отъ себя—и нераздѣленною любовью къ М. Н. Раевской. „Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой *отъ предразсудковъ*, смѣлостію выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась предъ глазами его и служила какъ бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія“ (стр. 181).

Довольно яркимъ отраженіемъ взглядовъ, вынесенныхъ Пушкинымъ изъ Каменки, является *Наставленіе* его брату на французскомъ языкѣ, при выходѣ Льва Сергѣевича въ свѣтъ, преподанное въ самый разгаръ увлеченія Александра Сергѣевича Знаменкою. „Въ твои лѣта,—пишетъ онъ,—слѣдуетъ подумать тебѣ объ избираемомъ пути... Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самаго начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ, и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостію, и тебя не будутъ раздражать мелкіе предраз-

судки и мелкія страсти, на которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ. Будь со всѣми холоденъ,—черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были они предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая. Не будь угодливъ и гони прочь отъ себя чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, наклоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ за низость, потому что всегда рады судить о другихъ по себѣ. Никогда не принимай благодѣянія: оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно поработщаетъ и унижаетъ. Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщенной дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя бесполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старой обезьяны 18-го вѣка... Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ. Коль скоро твое состояніе или обстоятельства не дозволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе. Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность. Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною изъ горькаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня, и чтобъ тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытаешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но я не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни“ ¹⁾).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта наносная мизантропическая проповѣдь вполне уживалась въ Александрѣ Сергѣевичѣ съ жаждою шумныхъ восторговъ и рукоплесканій толпы, возвращенія въ кругъ столичныхъ друзей и веселой свѣтской жизни среди нихъ,—словомъ, онъ, какъ и другіе наши доморощенные байронисты, попрежнему оставался, въ полномъ смыслѣ слова, рабомъ того самаго свѣта, презирать который учитъ брата.

Изъ письма Н. М. Карамзина къ *Дмитріеву* оказывается, что, благодаря вліянію благороднаго гр. И. А. Каподистріи, правительство ничего

¹⁾ Русск. Арх., 1866., кн. 8—9, стр. 1146—1147.

не имѣло противъ отпуска Пушкина на кавказскія минеральныя воды, ассигновало ему 1000 руб. единовременнаго пособія и въ самомъ непродолжительномъ времени предполагало совсѣмъ простить его и вернуть въ столицу ¹⁾). Съ тѣрзъ поръ Пушкинъ не переставалъ мечтать о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ, какъ это видно изъ его переписки съ друзьями, и на возвращеніе въ Кишиневъ смотрѣлъ, какъ на ненужную совсѣмъ и потому въ высшей степени досадную проволочку. Между тѣмъ обстоятельства сложились совершенно иначе. Послѣ Лайбахскаго конгресса 1821 г., на который И. А. Каподистрія сопровождалъ государя, графъ отказался отъ должности статсъ-секретаря, а въ слѣдующемъ 1822 году и совсѣмъ покинулъ Россію; Пушкинъ былъ отчасти забытъ, отчасти же—и это главное—самъ себѣ повредилъ своимъ байронизмомъ и вообще кишиневскими *дебошами*, слухи о которыхъ,—часто, можетъ быть, даже въ преувеличенномъ видѣ,—разумѣется, доходили до Петербурга. Несбывшіяся ожиданія, само собою понятно, еще болѣе раздражали Пушкина, и это раздраженіе проявлялось все въ той же безпорядочности поведенія. Съ этихъ поръ доморощенный русскій байронизмъ окончательно завладѣваетъ имъ и подчиняетъ его себѣ безраздѣльно. Съ рокового 1821 года начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и крайняго отрицанія, завершившаяся въ 1822 г., послѣ цѣлаго ряда мелкихъ, недостойныхъ нашего поэта, произведеній, „сатанинской“, „чувственной и страстной поэмой“, которой онъ сообщилъ „изумительную отдѣлку“. „Поэма эта,—по словамъ П. В. Анненкова,—нажила Пушкину много хлопотъ впослѣдствіи, а что всего важнѣе—составила для него предметъ неумолкаемыхъ угрызений совѣсти и вѣчнаго раскаянія—до конца жизни“, (стр. 176—179). Бартеневъ же говоритъ по поводу этой поэмы: „къ 1822 г. слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая впослѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ и сердился, когда ему напоминали о ней“²⁾).

Не мало пищи байронизму Пушкина давали и политическія событія того времени и въ особенности та среда, въ которой очутился онъ въ Кишиневѣ. Пушкинъ вернулся въ Кишиневъ, можно сказать, накануне бѣгства изъ города князей *Кантакузена* и мелкаго, неспособнаго и кровожаднаго *А. Инсиланти* въ Молдавію и начала греческой революціи. Возстаніе этеристовъ, во имя свободы и возстановленія попранныхъ человѣческихъ правъ, увлекло весьма многихъ въ то время и окружило этеристовъ ореоломъ героевъ; всѣ заранѣе готовили имъ

¹⁾ „Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ“, стр. 290.

²⁾ „Русск. Архив.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1179.

славное безсмертіе въ исторіи и неувядаемые вѣнцы поборниковъ и мучениковъ за свободу. Не избѣгъ этого общаго увлеченія и Пушкинъ, тѣмъ болѣе, что возстаніе этеристовъ было вполнѣ въ духѣ байронизма. Онъ съ увлеченіемъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ возстанія, ведетъ ему довольно обстоятельный журналъ, ѣдетъ, съ разрѣшенія Инзова, тотчасъ же по возвращеніи изъ Каменки, въ Одессу, шлетъ каменскимъ обитателямъ подробныя донесенія о ходѣ революціи и т. п. Но скоро Пушкинъ ближе узнаетъ главнѣйшихъ этеристовъ, разочаровывается въ нихъ и восторженный тонъ о нихъ мѣняется на сатирическій.

Кишиневское общество, среди котораго очутился Пушкинъ послѣ своего возвращенія изъ лѣтняго отпуска, было совершенно особенное. Прошло всего *восемь* лѣтъ, какъ Бессарабія находилась подъ властью Россіи, и И. Н. Инзовъ былъ только еще *вторымъ* намѣстникомъ ея. Населеніе Кишинева состояло главнымъ образомъ изъ молдаванъ, болгаръ и жидовъ; не мало можно было встрѣтить также и грековъ, турокъ, нашихъ малороссовъ, нѣмцевъ, караимовъ, арнаутовъ, французовъ, даже итальянцевъ. Сколько пестрыхъ народностей, столько же различныхъ говоровъ, внѣшнихъ нарядовъ, разнообразныхъ обычаевъ. Русскихъ еще было слишкомъ мало, если не считать солдатъ и немногочисленныхъ сравнительно чиновниковъ. „Кишиневское общество,—по словамъ П. В. Анненкова,—какъ и всякое другое, искало удовольствій и развлеченій, но, благодаря своему составу изъ помѣси греко-молдавскихъ національностей, оно имѣло забавы и наклонности, ему одному принадлежащія. Многія изъ его фамилій сохраняли еще черты и преданія турецкаго обычая, что, въ соединеніи съ національными ихъ пороками и съ европейской испорченностью, представляло такую смѣсь нравовъ, которая раздражала воображеніе и туманила разсудокъ, особенно у молодыхъ людей, попадавшихъ въ эту атмосферу любовныхъ интригъ всякаго рода.... Съ перваго раза бросалось въ глаза повсемѣстное отсутствіе въ туземномъ обществѣ не только моральныхъ правилъ, но и простого органа для ихъ пониманія. То, что повсюду принималось бы, какъ извращеніе вкусовъ или какъ тайный порокъ, составляло здѣсь простую этнографическую черту до того общую, что объ ней никто и не говорилъ, подразумѣвая ее безъ дальнѣйшихъ околичностей.“¹⁾ Пушкинъ, разумѣется, не замедлилъ окунуться въ этотъ омутъ своеобразной кишиневской жизни и ни въ чемъ не отставалъ отъ другихъ. Съ одинаковымъ увлеченіемъ онъ посѣщалъ и карточные вечера у вице-губернатора *М. Е. Крупянскаго*, и танцевальныя вечера у члена верховнаго совѣта *Е. К. Варроломея*; заводилъ любовныя

¹⁾ „А. С. Пушкинъ, Матеріалы“, стр. 188—189.

интриги въ Кишиневѣ, поддерживалъ ихъ и въ Одессѣ, куда такъ часто отпрашивался у добродушнаго И. Н. Инзова. Въ отношеніяхъ съ женщинами въ это время своей жизни онъ былъ слишкомъ развязанъ, чтобы не сказать болѣе; съ представителями же мужской части кишиневскаго общества—нахально-дерзокъ, въ особенности когда общество это, послѣ окончательнаго пораженія А. Ипсиланти турками въ Валахіи, наводилось инсургентами, разбѣжавшимися въ разныя стороны, кто куда могъ. Новые пришельцы, за исключеніемъ очень немногихъ образованныхъ греческихъ фамилій, состояли изъ фанаріотовъ, молдаванъ и бродягъ, которые принесли съ собой, вмѣстѣ съ навыкомъ къ интригамъ, коварному раболѣпству и лицемѣрію, еще свѣжія преданія своихъ полуразбойническихъ лагерей. Съ такими людьми другаго обращенія и не могло быть, чтобы удержать ихъ въ должныхъ границахъ. Но презрительное отношеніе къ личностямъ подобнаго рода укоренилось съ теченіемъ времени въ Пушкинѣ настолько, что онъ,—быть можетъ, даже самъ того не замѣчая,—позволялъ себѣ иногда такое же отношеніе и ко всѣмъ вообще, что доставляло и ему и сталкивавшимся съ нимъ въ обществѣ людямъ, нерѣдко вполне почтеннымъ и достойнымъ, не мало огорченій и непріятностей.

Всѣ указанные отрицательные „элементы, участвовавшіе въ образованіи одного изъ самыхъ мятежныхъ періодовъ въ жизни Пушкина“, по словамъ П. В. Анненкова, были причиною того, что Александръ Сергѣевичъ съ самаго же начала этого періода своей жизни „становится подверженъ частымъ вспышкамъ неукротимаго гнѣва, которыя находили на него по поводу ничтожнѣйшихъ случаевъ жизни, но особенно при малѣйшемъ подозрѣніи, что на пути къ осуществленію какой-либо, болѣе или менѣе рискованной, затѣи встрѣчается посторонній, мѣшающій челоуѣкъ. Самолюбіе его дѣлается болѣзненно чуткимъ и раздражительнымъ. Онъ достигаетъ такого неумѣреннаго представленія о правахъ своей личности, о свободѣ, которая ей принадлежитъ, о чести, которую она обязана сохранять, что окружающіе, даже при самомъ добромъ желаніи, не всегда могутъ принаровиться къ этому кодексу. Столкновенія съ людьми умножаются. Чѣмъ труднѣе оказывается провести черезъ всѣ случаи жизни своевольную программу поведенія, имъ же самимъ и придуманную для себя, тѣмъ требовательнѣе еще становится ея авторъ. Подозрительность его растетъ: онъ видитъ преступленія противъ себя, противъ своихъ неотъемлемыхъ правъ въ каждомъ сопротивленіи, даже въ оборонѣ отъ его нападокъ и оскорбительныхъ притязаній. Въ такія минуты онъ уже не выбираетъ словъ, не взвѣшиваетъ поступковъ, не думаетъ о послѣдствіяхъ. Дуэли его въ Кишиневѣ приобрѣли всеобщую извѣстность... но сколько еще ссоръ, грубыхъ расправъ, рискованныхъ предпріятій, оставшихся безъ послѣдствій и не

сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ! Пушкинъ въ это время безпрестанно ставилъ на карту не только жизнь, но и гражданское свое положеніе: по счастью, карты—до поры до времени—падали на его сторону... Самъ Пушкинъ дивился подчасъ этому упорному благо-расположенію судьбы и давалъ зарокъ друзьямъ обходиться съ нею осторожнѣе и не посылать ей безпрестанные вызовы; но это уже было внѣ его власти. Ко всѣмъ другимъ побужденіямъ нарушать обѣтъ *присоединилась* у него еще одна нравственная особенность. Онъ не могъ удерживаться именно отъ соблазна идти на встрѣчу опасности, какъ только она представлялась, хотя бы въ ней не были замѣшаны его честь и личное достоинство, хотя бы она даже не обѣщала ни славы, ни удовлетворенія какому-либо нравственному чувству. Ему нужно было только дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадавшего своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза, и не *выступила* краска на лицѣ, а передъ всякимъ дѣломъ, гдѣ нуженъ былъ рискъ, онъ становился тотчасъ же спокоенъ, веселъ, простъ. ¹⁾ Къ сожалѣнію, можно предполагать, что въ описываемый..... періодъ Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, готовый платить за каждый свой поступокъ такой цѣнной наличной монетой, какова жизнь, имѣетъ право распоряжаться и жизнью другихъ по своему усмотрѣнію.—Такимъ представляется намъ въ окончательномъ своемъ видѣ *русскій байноризмъ*,—эта замѣчательная черта эпохи,—развитый въ Пушкинѣ стеченіемъ возбуждающихъ и потворствующихъ обстоятельствъ и усиленный еще молодостью и той горячей полу-африканской кровью, которая текла въ его жилахъ.“ ²⁾

Спасеніемъ изъ этого „нравственнаго урагана,“ постигшаго Пушкина въ Кишиневѣ, онъ, по мнѣнію Анненкова, обязанъ единственно силѣ своего *поэтическаго творчества*, но творчества не *тенденціознаго*, приведшаго Пушкина только къ созданію „того цикла художественныхъ шалостей, которому французы даютъ названіе *diableries*—чертовщины“ и „сатанинской чувственной и страстной поэмы“, ³⁾ а творчества *чистаго*. Это послѣднее обнаруживало во всемъ обаяніи и величіи тайну его генія и указывало ему самому настоящія качества его ума и сердца.“ Пушкинъ перерождался нравственно, когда приступалъ къ созданію произведеній, предназначавшихся имъ для всего читающаго русскаго міра. Духъ его какъ-то внезапно свѣтлѣлъ и устраивался по-празднич-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866, кн. 10, стр. 1453—1454.

²⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 208—210.

³⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 174—178.

ному, возвышаясь надъ всѣмъ, что его сдерживало, томило и угнетало. Самыя подробности жизни, тяготѣвшія надъ его умомъ, разрѣшались въ тонкіе поэтическіе намеки и черты, сообщавшіе произведенію, такъ сказать, запахъ и окраску дѣйствительности. Онъ долженъ былъ самъ любоваться тѣмъ нравственнымъ типомъ, который вырѣзывался изъ его собственныхъ произведеній, и мы знаемъ, что задачей его жизни было походить на *идеальнаго Пушкина*, создаваемого его гениемъ. Но эти *два Пушкина* не всегда составляли одно и то же лицо, особенно въ кишиневскій періодъ.... Если бы судить о Пушкинѣ по изящнымъ, чистымъ произведеніямъ лирическаго характера, выданнымъ имъ съ 1821 по 1823 г., то никому бы не пришло въ голову, что они написаны въ самую бурную эпоху въ жизни, въ періодъ пыла и порывовъ, Sturm und Drang, какой немногіе изживали на вѣку своемъ. Но и тогда уже *чистое творчество*, которымъ они были навѣяны, служило звѣздой, освѣщавшей ему выходъ изъ жизненной смуты, и живительнымъ источникомъ, возобновлявшимъ его душевныя силы; въ немъ онъ давалъ спасительные уроки самому себѣ; въ немъ онъ обрѣталъ и создавалъ для себя созерцаніе жизни, далеко превосходившее то, которымъ отличался въ свѣтѣ. *Чистое творчество* хранило и берегло лучшую часть его нравственной природы, не позволяло ей заглубѣть, составляло прикрытіе его души, мѣшавшее ржавчинѣ порока и страстей проникнуть до нея и разложить ее. Ему—*чистому творчеству*—обязанъ онъ былъ благороднѣйшими ощущеніями и изящнѣйшими помыслами, которые однимъ своимъ появленіемъ упраздняютъ, если не на всегда, то, по крайней мѣрѣ, на все время бесѣды человѣка съ самимъ собой, чудовищныя софизмы, животныя наклонности и дикія побужденія непосредственнаго чувства. Когда задачи *чистаго творчества* стали разрастаться и умножаться предъ глазами Пушкина, когда онъ все чаще и чаще началъ относиться къ жизни, какъ художникъ,—*демоническій* періодъ его существованія кончился. Это произошло именно съ половины 1823 г., ¹⁾ со времени оставленія имъ Кишинева и перевода или перехода на службу въ Одессу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Анненкова, выходитъ, что кишиневская жизнь не внесла ничего *положительнаго* въ развитіе поэческаго гения Пушкина, напротивъ—она только губельно, болѣзненно подѣйствовала на его физическій и нравственный организмъ, и если Пушкинъ вышелъ изъ нея цѣлъ и невредимъ, то только потому, что носилъ въ себѣ отъ природы даръ *чистой поэзіи* и проявлялъ этотъ даръ независимо и помимо впечатлѣній кишиневской жизни. Самый этотъ даръ поэзіи ничего для себя положительнаго не получилъ;

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху,“ стр. 211, 212—213.

онъ сослужилъ только отрицательную службу. У г. Анненкова *Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-человѣкъ*,—не одно и то же лицо. Пушкинъ-поэтъ спасъ Пушкина-человѣка. Даръ поэзіи, даръ поэтическаго творчества сохранилъ Пушкина среди его жизненной смуты въ Кишиневѣ и вывелъ, наконецъ, *изъ мрака къ свѣту*. Г. Анненковъ хочетъ пожертвовать Пушкинымъ-человѣкомъ Пушкину-поэту. Пушкина-поэта онъ ставитъ *внѣ Пушкина-человѣка*, какъ что-то *качественно различное* отъ него.

Но не нужно забывать, по совершенно справедливому замѣчанію Л. Мацѣвича, ¹⁾ что поэзія Пушкина слишкомъ тѣсно связана съ его *человѣческой* жизнью, является *вѣрнымъ* отголоскомъ послѣдней. Его дѣйствительная, обыденная жизнь была источникомъ, содержаніемъ, *матеріаломъ* его поэзіи, насколько эта послѣдняя выражалась *внѣ*, въ стихотвореніяхъ. А потому, нельзя ставить его поэтическое творчество, какъ даръ, какъ способность, *внѣ* его жизни, *внѣ* жизненныхъ вліяній; *поэтическаго гениа его нельзя качественно различать* отъ *человѣческой* природы его и жизни, хотя бы и въ одну лишь кишиневскую эпоху. Г. Анненковъ, очевидно смѣшиваетъ даръ, чувство поэзіи съ нравственнымъ чувствомъ. Пушкинымъ-поэтомъ могъ быть только Пушкинъ-человѣкъ. *Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-человѣкъ—одно и то же лицо*. Его поэзія всегда дѣлила судьбу *человѣческой* стороны его личности. Въ его одной и той же *человѣческой* натурѣ были задатки и увлеченій крайнихъ и поэтическаго творчества дивнаго. Изъ одного и того же родника билъ потокъ страстей и заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ изливалось цѣлое море поэтическихъ, „сладкихъ звуковъ.“

Пушкина—и въ его жизни, и въ его поэзіи—нужно разсматривать и судить, какъ *цѣльную натуру*, но еще не устоявшуюся нравственно, а потому и поэтически. Въ Кишиневѣ Пушкинъ былъ въ періодѣ *нравственнаго и поэтическаго воспитательнаго опыта*. Съ такой именно точки зрѣнія и оцѣнилъ кишиневскую жизнь Пушкина Я. К. Гротъ въ статьѣ своей: „Первенцы лица и его преданія,“ помѣщенной въ сборникъ—„Складчина“—1874 г. Видимо направляя свои разсужденія противъ слишкомъ отрицательнаго взгляда г. Анненкова на *человѣческую* жизнь Пушкина въ Кишиневѣ, почтенный академикъ говоритъ въ концѣ концовъ: „на Кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть, какъ на серьезную *подготовительную школу* для дальнѣйшей, разрастающейся въ ширину и глубину, дѣятельности его могучаго таланта“ (стр. 376).

Дѣйствительно, Кишиневъ былъ именно *жизненною школою* Пушкина, школою для *человѣка*, а потому и для поэта. Кишиневъ въ это время былъ полу-азиатскимъ уголкомъ Россіи, гдѣ первобытная,

¹⁾ „Изъ Кишинева—о Пушкинѣ“ („Правда“) 1880 г., 23, 24, 27 мая; В. А. Яковлевъ. „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 14—56.

степная простота нравовъ переходила часто въ грубость и даже дикость, а свобода отношеній къ женщинамъ граничила съ распущенностью. Все здѣсь способствовало свободному, непринужденному, нестѣсненному обычными формами цивилизаціи обнаруженію жизненныхъ задатковъ, таившихся въ натурѣ Пушкина. Раздолье для нея открылось полное. Во всякой чертѣ тогдашней обыденной его жизни и отражавшей эту жизнь поэзіи такъ и чудится присутствіе свободы и молодой удали. Пушкинъ предался этой свободѣ со всею необузданностью горячей молодости. Конечно, на первомъ планѣ тогдашней бурной жизни этого намѣченного природою челоуѣка бросаются въ глаза избытки чувственной стороны его натуры. Чувственность кипитъ въ немъ,—страсти горятъ и родятъ увлеченія, беспорядочность жизни, задоръ отношеній къ людямъ.

Вся эта чувственность, во время своего процесса, отражается, конечно, и въ поэзіи, потому что „слова поэта суть его дѣла“, какъ говорилъ послѣ, по свидѣтельству Гоголя, самъ Пушкинъ по поводу извѣстныхъ двухъ стиховъ оды Державина къ Храповицкому: ¹⁾

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла сатирикъ чтить.

Въ порывѣ вдохновенія, поэтъ выворачиваетъ, такъ сказать, наружу самого себя. Поэтъ не можетъ не высказать въ словѣ того, что онъ дѣлаетъ, какъ онъ живетъ, что думаетъ и чего желаетъ. Кишиневскій періодъ представляетъ у Пушкина цѣлый циклъ такой поэзіи—поэзіи чувственной, поэзіи низшей стороны душевной жизни. Но за увлеченіемъ чувственностью слѣдовала у него непремѣнно *нравственная реакція*, работа трезваго самознанія, постепенно и воспитательно устанавливавшая его челоуѣческую личность. За горестными увлеченіями сердца слѣдовали „холодные наблюденія ума“. Такъ всегда бываетъ въ нравственномъ саморазвитіи „существа, одареннаго душею“.

Глубокая поэма: „*Цыгане*“ имѣетъ особенно драгоцѣнное значеніе въ исторіи этого нравственнаго саморазвитія Пушкина, въ этомъ процессѣ *опытной* выработки имъ здороваго нравственнаго міросозерцанія. Она знаменуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный *нравственный поворотъ* въ поэтѣ—поворотъ отъ легко увлекающейся слѣпыми эгоистическими инстинктами и пѣзывами молодой натуры къ свѣтлому, правдивому, самоограничительному взгляду на жизнь и людей, на желательныя къ нимъ отношенія нравственно-укрѣпившагося мужа ¹⁾.

¹⁾ Стихи:

Оставь насъ, *годый* челоуѣкъ!...

Ты для себя *лишь* хочешь воли...

ясно показываютъ, въ какую глубину нравственнаго и соціального міросозерцанія уже тогда проникалъ гений Пушкина... Въ то же время—это былъ поэтический *воплъ само-*

Итакъ, въ кишиневской поэзіи Пушкина выражалась какъ чувственность—эта, такъ сказать, слѣпая инстинктивная сторона его чело-вѣческой личности, опредѣлявшаяся бурною, стихійною силою его горячаго темперамента, такъ и сторона нравственная—эта *зрячая сила души*, сторона тѣхъ стремленій духа, которыя ищутъ осуществленія въ жизни и поэзіи высшихъ задачъ,—при чемъ эта послѣдняя сторона воспитывалась въ немъ, раскрывалась и укрѣплялась больше всего *отрицательнымъ путемъ*—путемъ періодической реакціи. Но въ тогдашней кишиневской обстановкѣ Пушкина нельзя отрицать и положительныхъ факторовъ, способствовавшихъ его нравственному самоукрѣпленію. Вліяніе, напр., на него такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ И. Н. Инзовъ, М. Ѳ. Орловъ и другіе, не могло быть инымъ, какъ только положительнымъ. И въ другихъ условіяхъ тогдашней кишиневской жизни было много такого рѣдкаго, невиданнаго, оригинальнаго, чтò, по выраженію *Надеждина*, гениальное „дитя суроваго сѣвера“ могло видѣть, слышать, вообще-ощущать не иначе, какъ съ положительною пользою для своего саморазвитія и самообразованія. Но все-таки нельзя не признать, что отрицательный путь самовоспитанія, путь *въдѣнія зла* выступаетъ въ кишиневской жизни Пушкина на первомъ планѣ, составляетъ основную ея фонъ.

Если Пушкинъ и терялъ что-либо въ Кишиневѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и приобрѣталъ,—и въ концѣ концовъ больше приобрѣлъ, чѣмъ потерялъ. А потому, разставшись съ Кишиномъ, Пушкинъ всегда вспоминалъ о немъ съ любовью, даже съ умиленіемъ. Вотъ, напр., что писалъ онъ къ своему кишиневскому другу *Н. С. Алексьеву* изъ Пскова въ концѣ января 1826 г.: „не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ“.

Особенно дорогую службу сослужила Пушкину въ дѣлѣ его саморазвитія и нравственнаго перерожденія та любознательность, которую возбудили въ немъ и развили въ настоящую душевную потребность Раевскіе, какъ на Кавказѣ еще, такъ, главнымъ образомъ, въ Гурзуфѣ и, наконецъ, въ Каменкѣ. Эта любознательность, можно сказать,—страсть къ самообразованію, давшему Пушкину столько, сколько, пожалуй, никому другому, начала обнаруживаться въ Александрѣ Сергѣевичѣ съ первыхъ же дней его переѣзда въ Кишиневъ и не оставляла потомъ до конца жизни.

осужденія, это было со стороны Пушкина покаянное, проникнутое глубокою скорбію, сознаніе своей *немощи* предъ высокими задачами жизни, а слѣдовательно—и поэзіи.

Въ Кишиневѣ весьма счастливымъ для Пушкина обстоятельствомъ было пребываніе въ городѣ офицеровъ генеральнаго штаба, какъ постоянно тамъ служившихъ, такъ и временно прибывавшихъ на съемку вновь присоединенной области, подъ начальствомъ полковника *Корниловича*. Офицеры нашего генеральнаго штаба, воспитанники сначала Муравьевской школы колонновожатыхъ, а впоследствии академіи генеральнаго штаба, имѣли и имѣютъ важное значеніе въ нашей цивилизаціи и, разумѣется, займутъ видное мѣсто въ будущей исторіи русской культуры. Мы не будемъ перечислять здѣсь цѣлаго ряда офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми Пушкинъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ: они указаны въ статьѣ И. П. Липранди ¹⁾. Но обратимъ вниманіе на характеръ отношеній къ нимъ нашего поэта.

Его времяпрепровожденіе съ названными лицами состояло въ постоянныхъ „диспутахъ“. Пушкинъ завязывалъ обыкновенно споръ, иногда очень горячій, „съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любознательности,—говоритъ очевидецъ этихъ споровъ: и тутъ строптивость его характера совершенно ступшевыалась. Онъ не удовлетворялся отрывочнымъ краткимъ отвѣтомъ, а за вопросомъ ставилъ вопросъ“. Иногда Пушкинъ прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостававшихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, среди людей, болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ самъ онъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для приобрѣтенія или прочтенія нужныхъ ему сочиненій. Благодаря пребыванію такого образованнаго военнаго общества, благодаря библіотекѣ И. Н. Инзова, которая впоследствии поступила въ Одесскую городскую и состояла изъ книгъ по географіи, исторіи, богословію и сельскому хозяйству на нѣмецкомъ, французскомъ и отчасти на русскомъ языкѣ, а также библіотекѣ И. П. Липранди, по Высочайшему повелѣнію въ 1856 году купленной для генеральнаго штаба и заключавшей богатѣйшій отдѣлъ сочиненій по исторіи и географіи и др. сочиненій главнымъ образомъ о Турціи, Пушкинъ имѣлъ право сказать о тогдашней своей кишиневской жизни:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размысленій:
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младости утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ ²⁾.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9 и 10.

²⁾ Кишиневское „Посланіе къ Чаадаеву“ 6—20 апр. 1821 г.

Бессарабія привлекала вниманіе Пушкина своимъ прошедшимъ еще болѣе, нежели Кавказъ и Крымъ. Онъ пишетъ по этому поводу Баратынскому:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта;
Она Державинимъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее „*Примѣчаніе*“: „Бессарабія, извѣстная съ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинимъ воспѣта
И славой русскою полна.

Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ. Но донынѣ область сія извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ ли когда-нибудь историческое и статистическое описаніе оной, составленное г. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка“.

Это прошедшее Бессарабіи, а не только личность одного Овидія, сильно занимали Пушкина. „Въ первую половину его пребыванія въ Кишиневѣ,—говоритъ жившій въ то время здѣсь только-что упомянутый поэтъ И. П. Липранди,—Пушкинъ, будучи менѣе развлеченъ обществомъ, нежели во вторую, когда нахлынули молдаване и греки съ ихъ семействами, дѣйствительно интересовался многими сочиненіями о Бессарабіи, и первое сочиненіе, имъ у меня взятое, былъ—Овидій; потомъ Валерій Флаккъ (Аргонавты), Страбонъ, котораго, впрочемъ, онъ возвратилъ на другой же день, Мальтебрюнъ и нѣкоторыя другія, особенно относящіяся до исторіи и географіи страны“. ¹⁾ Но, кромѣ изученія прошлаго Бессарабіи по книгамъ, Пушкинъ старался и самъ собирать о ней изустныя преданія и отыскивалъ въ ней остатки историческихъ памятниковъ. Тотъ же г. Липранди довольно подробно рассказываетъ о путешествіи, совершенномъ имъ въ обществѣ Пушкина

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1261.

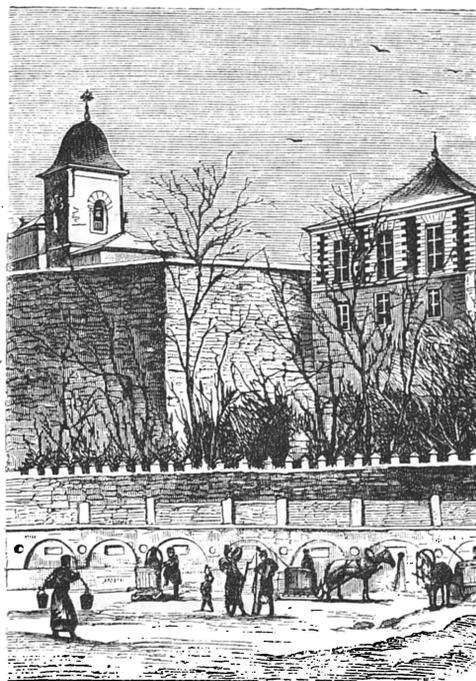
по южной Бессарабии. „Первая отъ Бендеръ станція—Каушаны,—говоритъ И. П. Липранди,—взбудоражила Пушкина: это бывшая до 1806 г. столица Буджакскихъ хановъ. Спутникъ мой никакъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, что тутъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ,—все разнесено, не то что въ Бахчисараѣ; черезъ полъ-года онъ и самъ могъ убѣдиться въ правильности того, о чемъ ему всѣ говорили, до того же времени онъ все оставался не покойнымъ“. Въ Аккерманѣ онъ со своимъ петербургскимъ знакомымъ подполковникомъ *Кюрто* ходилъ осматривать замокъ, сложенный изъ башенъ различныхъ эпохъ. Въ Измаилѣ съ негоціантомъ *Славичемъ* „обошелъ всю береговую часть крѣпости“ и, „какъ теперь помню,—продолжаетъ Липранди,—удивлялся, какимъ образомъ Де-Рибасъ во время Суворовскаго штурма могъ со стороны Дуная взобраться на эту каменную стѣну“. Кромѣ крѣпости, Пушкинъ осматривалъ церковь, въ которой были еще надписи надъ могилами нѣкоторыхъ убитыхъ при штурмѣ. Уже состоя при графѣ Воронцовѣ, Пушкинъ въ его свитѣ и съ тѣмъ же Липранди посѣтилъ Бендеры. Липранди захватилъ съ собою изъ Кишинева всѣ сочиненія, специально говорящія о пребываніи Карла XII около Бендеръ въ Варницѣ. Но Бендеры занимали Пушкина по многимъ отношеніямъ, и, конечно, Варница была не на первомъ планѣ, хотя онъ и воображалъ въ окрестностяхъ Бендеръ найти слѣды могилы Мазепы. „Пріѣхавъ въ Тирасполь,—говоритъ Липранди,—мы на второй же день поѣхали въ Бендеры и въ 8 часовъ были уже у *Бароци* (Бендерскаго полиціймейстера). *Искра* (старожиль, имѣвшій отъ роду свыше 130 лѣтъ и передававшій многія подробности пребыванія Карла XII въ Бендерахъ) былъ на лицо. Разсказъ Искры о костюмѣ этого короля поразительно былъ вѣренъ съ изображеніемъ его въ книгахъ. Не менѣе былъ изумителенъ разсказъ Искры о начертаніи окоповъ, воротъ, ведущихъ въ оныя, и нѣкоторыхъ неровностей на полѣ, которыя соотвѣтствовали мѣстамъ, гдѣ были окопы и т. п.; но не это занимало Пушкина. Онъ добивался отъ Искры своими разспросами узнать что-либо о Мазепѣ, а тотъ не только не могъ указать ему желаемую могилу его или ея мѣсто, но объявилъ, что такого и имени не слыхалъ. Пушкинъ не отставалъ, толкуя Искрѣ, что Мазепа былъ казачій генераль и православный, а не бусурманинъ какъ шведы,—все напрасно. Спрашивалъ Пушкинъ: нѣтъ ли еще такихъ стариковъ, какъ онъ—Искра, нѣтъ ли старинныхъ церквей по близости? и получилъ въ отвѣтъ, что старѣе его нѣтъ никого; что церкви еще прежде были спалены татарами“ и т. п. ¹⁾.

Извѣстно, кромѣ того, какъ Пушкина интересовали различныя народности, встрѣченныя имъ въ Бессарабии, и съ какимъ усердіемъ онъ

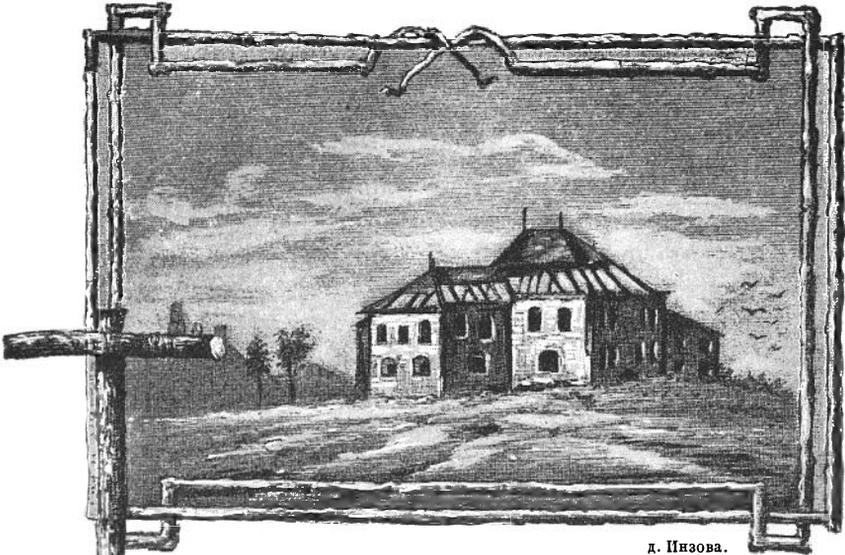
¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1460—1465.

взялся за собираніе, въ бытность свою въ Кишиневѣ, народныхъ пѣсень (между прочимъ и сербскихъ), легендъ, этнографическихъ документовъ, за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и т. п.

Такъ и подъ такими разнообразными вліяніями проходилъ Пушкинъ единственную въ своемъ родѣ *кишиневскую школу*—и вышелъ изъ нея Пушкинымъ с. Михайловскаго, гордостью Россіи, красою общеевропейской поэзіи, незамѣнимымъ воспитателемъ молодого поколѣнія какъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ и въ будущемъ, которому нельзя указать даже болѣе или менѣе приблизительныхъ предѣловъ. Безпорядочность и ухарство спали съ чистой души поэта, какъ разломившаяся у совершенно развившагося уже въ яйцѣ птенца, и отъ нихъ остались лишь особенная подвижность и заразительная веселость нрава, такъ оживлявшая всегда интимный кружокъ пріятелей, когда среди нихъ появлялся Пушкинъ. И въ то время какъ Кавказъ и Крымъ, по словамъ П. Бартенева, воспитали въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра, кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей; тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью и приобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Водопроводъ въ г. Кишиневѣ.

д. Инзова.

VI.

отчасъ по приѣздѣ своемъ въ Кишиневъ Пушкинъ остановился въ заѣзжемъ домѣ мѣщанина русскаго переселенца Ивана Николаева *Наумова*, состоявшаго при квартирной комиссiи. Но отечески расположенный къ поэту И. Н. Инзовъ отвелъ ему даровое помѣщенiе въ одномъ домѣ съ собою.—Домъ этотъ принадлежалъ молдаванскому боярину *Доничу* и стоялъ на холмѣ. Онъ нанимался городомъ для намѣстниковъ и скоро сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ „дома Инзова“ такъ какъ *Доничъ*, уѣхавши за границу, оставилъ его на произволъ судьбы; самый холмъ также сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ „Инзовой горы.“ „Инзова гора“ находится въ концѣ *старою Кишинева*. „Домъ Инзова“ стоялъ на ней почти одиноко. Сзади къ дому примыкалъ громадный роскошный фруктовый садъ съ апельсиновыми и лимонными деревьями и съ виноградникомъ, разбитымъ по скату холма. Въ самомъ саду, при домѣ же, находился птичiй дворъ съ множествомъ канареекъ и различныхъ другихъ птицъ, до которыхъ И. Н. Инзовъ былъ большой охотникъ. Домъ былъ огромный, двухъ-этажный. Верхнiй этажъ занималъ самъ Инзовъ, въ нижнемъ же онъ помѣстилъ двухъ или трехъ своихъ чиновниковъ. „Пушкину отведены были двѣ небольшiя комнаты внизу, сзади, направо отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшетками, выходившiя въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшiй въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течеть рѣчка *Быкъ*, образуя небольшое озеро. Лѣвъѣе—каменоломни молдаванъ, а еще лѣвъѣе—*новый городъ*. Вдали—горы съ бѣлѣющимися домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненiй въ стрѣльбѣ изъ

пистолета,—вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая, или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣрному и преданному слугѣ его Никитѣ, который остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ... шуточного стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:

Въ *митрополи* звонять.

Это значило: пора идти къ обѣднѣ, въ *новый верхній городъ*¹⁾ въ *крестовую церковь*, которую, вмѣстѣ съ архіерейскимъ домомъ, построилъ (въ 1813 г.) учредитель и первый архипастыръ Кишиневской епархіи Гавріиль *Бодони-Банулеско*, бывший предъ тѣмъ *митрополитомъ* Киевскимъ и удержавшій за собою титулъ *митрополита* и послѣ назначенія въ Кишиневъ. Послѣ землетрясенія 1821 г., „домъ Инзова“ далъ нѣсколько трещинъ въ верхнемъ этажѣ, вслѣдствіе чего намѣстникъ переехалъ на другую квартиру, Пушкинъ же продолжалъ жить въ своихъ двухъ комнатахъ до 1822 г., когда онъ переехалъ къ Н. С. Алексѣеву, кишиневскому задушевному другу своему, переведенному изъ Москвы на службу къ И. Н. Инзову.²⁾

Канцелярія И. Н. Инзова въ первое время службы Пушкина въ Кишиневѣ, по свидѣтельству *Елис. Францовой*, урожденной *Кириенко-Волошиновой*, помѣстившей въ высшей степени любопытныя воспоминанія свои о пребываніи Пушкина въ Бессарабіи (*изъ семейныхъ преданій*) въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ „Русскаго Обо-

¹⁾ Бартенева. „Пушкинъ въ Южной Россіи“ (Русск. Арх., „1866 г., кн. 8—9, страница 1129).

²⁾ „Домъ Инзова,“ заброшенный своимъ хозяиномъ бояриномъ Доничемъ, нѣсколько разъ подвергался разрушенію отъ землетрясеній. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ еще цѣлъ, какъ свидѣствуетъ Надеждинъ, приложившій и самый видъ этого дома къ изданному имъ на 1840 г. „Одесскому альманаху,“ при чемъ въ *Указателѣ* къ рисункамъ альманаха замѣчаетъ: онъ назначенъ къ перестройкѣ по причинѣ сильнаго поврежденія при послѣднемъ землетрясеніи. Затѣмъ преданіе о немъ дѣлается лишь преданіемъ о *развалинахъ*. Въ 50-хъ годахъ, по словамъ бывшаго въ то время учителя рисованія въ Кишиневской гимназіи Н. А. *Голынского*, уроженца Бессарабіи, снявшаго съ природы видъ *остатковъ* „дома Инзова,“ существовали еще стѣны, испещренныя разными надписями, большею частью нелѣпыми и даже пошлыми; на западной стѣнѣ показывали окно, изъ котораго Пушкинъ часто стрѣлялъ. Въ половинѣ 60-хъ годовъ губернаторъ *Гангардтъ* велѣлъ срыть развалины дома, такъ какъ въ нихъ по ночамъ скрывались воры. Въ началѣ 70-хъ годовъ Инзова гора представляла изъ себя пустынное, уединенное, глухое, забытое мѣсто; посреди нея возвышалась *куча мусора*—единственный остатокъ „дома Инзова.“ Въ 70-хъ годахъ все мѣсто это куплено городомъ у наслѣдниковъ Донича; на горѣ, гдѣ былъ домъ, утверждены топографическій снарядъ, такъ какъ этотъ пунктъ представляетъ высокую точку, съ которой открывается видъ во всѣ стороны; немного ниже стоитъ сторожевая башня-каланча; на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда великолѣпный садъ, вдохновлявшій Пушкина, построены городомъ *кокошники* для Лубенскаго гусарскаго полка, занятыя въ 1877 г., предъ началомъ послѣдней турецкой кампаніи, саперами (В. А. *Яковлевъ*. „Отзывы о Пушкинѣ съ юга-Россіи,“ стр. 14—26; 93—95).

зрѣнія“ за 1897 годъ, была наполнена исключительно одними лишь молодыми аристократами изъ враждебной русскимъ національности—чистокровныхъ молдаванъ. Такіе чиновники въ службу не вникали да и нисколько не интересовались ею, отказываясь даже отъ жалованья. Служили же они потому, что канцелярія начальника края считалась чванливыми молдаванскими аристократами единственнымъ учрежденіемъ русскаго правительства, гдѣ еще могли служить сыновья ихъ, не роняя своего воображаемаго достоинства. Самое управленіе Бессарабіей въ то время, какъ говоритъ П. В. Анненковъ, было „какимъ-то фальшивымъ подобіемъ конституціонной палаты, не оказывавшей никакого вліянія на нравы, обычаи и политическое его (Кишинева) развитіе. Послѣ присоединенія Бессарабіи тамъ учрежденъ былъ *верховный совѣтъ* изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ края, который, опираясь на особый статсъ-секретаріатъ по дѣламъ области, существовавшей въ Петербургѣ, постоянно воевалъ съ генералъ-губернаторами, отстаивалъ боярскія привилегіи и мѣшалъ устройству какихъ-либо правомѣрныхъ отношеній между сословіями. Благодаря этому *совѣту*, управленіе краемъ было вообще слабо, а при добромъ Инзовѣ его, можно сказать, и совсѣмъ не существовало. Обстоятельство это, вмѣсто того, чтобы открыть просторъ для частной дѣятельности,—хотя бы и въ духѣ мѣстнаго, провинціального патріотизма,—открыло здѣсь только дорогу дружной оппозиціи, когда надо было обличить или искоренить злоупотребленія, или помочь странѣ освободиться отъ того или другого вопіющаго обычая.“ Въ такомъ положеніи находилось дѣло управленія краемъ и послѣ того, какъ въ рукахъ И. Н. Инзова, кромѣ намѣстничества въ Бессарабской области, сосредоточено было, съ іюля мѣсяца 1822 г., за выѣздомъ гр. *Ланжерона* въ продолжительный отпускъ, управленіе всѣмъ Новороссійскимъ краемъ. Въ 1823 г., когда управленіе краемъ ввѣрено было графу *М. С. Воронцову*, послѣдній прежде всего приступилъ къ упраздненію Бессарабскаго *верховнаго совѣта*—и сдѣлалъ это безъ какихъ-либо особенныхъ затрудненій, потому что „учрежденіе это не имѣло корней въ населеніи и ничему не служило, кромѣ собственныхъ эгоистическихъ и узкихъ интересовъ.“¹⁾ Среди всѣхъ чиновниковъ въ канцеляріи И. Н. Инзова, ко времени пріѣзда Пушкина въ Кишиневъ, былъ одинъ только *истинно-русскій* чиновникъ, молодой дворянинъ, по фамиліи *Кириенко-Волошиновъ*, будущій отецъ Е. Францовой. Прибавленіе новаго русскаго чиновника въ канцелярію намѣстника уже само по себѣ доставило много неудовольствія молдаванамъ; а тутъ еще пріѣзжій систематически началъ преслѣдовать и язвительно вышучивать всѣ издавна заведенные молдаванами въ ней порядки и правила, заставлявшіе его иногда хохотать до упаду. Кромѣ того, онъ, со свойственною ему въ то время несдержанностью, громко издѣвался надъ тѣмъ свое-

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху,“ стр. 193—194.

образнымъ русско-молдаванскимъ говоромъ, который постоянно слышался въ канцеляріи. Пользуясь своимъ особеннымъ положеніемъ при Инзовѣ, Пушкинъ на первыхъ порахъ горячо принялся за введеніе иныхъ, чисто русскихъ порядковъ въ его канцеляріи, гдѣ все до тѣхъ поръ обстоило иначе. Этого уже совсѣмъ не могли ему простить молодые его сослуживцы, и не стѣсняясь всѣ отъ него отвернулись съ явною враждебностью и полнымъ презрѣніемъ. Одинъ только Кириенко-Волошиновъ, какъ тоже русскій, хотя нѣсколько и *обмолдаванившійся*, не примикнулъ къ нимъ. Пушкинъ, оказавшійся въ изолированномъ положеніи какъ бы прокаженного, долженъ былъ по неволѣ сойтись съ единственнымъ не избѣгавшимъ его сверстникомъ-сослуживцемъ. Мало-по-малу, однако, это вынужденное въ началѣ сближеніе незамѣтно перешло въ горячую, но не долгую дружбу.

Первое по пріѣздѣ время Пушкинъ, со свойственною ему горячностью, довольно усердно отдался служебному дѣлу, а въ свободные отъ занятій часы уходилъ или въ лѣсъ со своею сѣрою тетрадю въ карманѣ и книгой въ рукѣ, или же забирался въ глубь роскошнаго фруктоваго сада, откуда его вызывали къ Инзову посредствомъ большого мѣднаго колокола, висѣвшаго на перекладинѣ двора. Большею частью онъ и пріятеля своего уводилъ съ собой прямо изъ канцеляріи, или же бралъ съ него слово придти туда позже.

Такъ держалъ себя чиновникъ-поэтъ въ продолженіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ по пріѣздѣ на новое мѣсто. Затѣмъ, какъ увидимъ, все мало-по-малу измѣнилось послѣ знаменательнаго пребыванія его въ Каменкѣ.

Стола Пушкинъ въ Кишиневѣ совсѣмъ не держалъ, а обѣдалъ чаще всего, конечно, у И. Н. Инзова, затѣмъ у дивизионнаго командира ген. *М. Ѳ. Орлова*, ген. *Я. Я. Черемисинова*, бригаднаго генерала *Д. Н. Бологовскаго*, князей *А. М.* и *Г. М. Кантакузиныхъ* или же въ одномъ изъ трактировъ, гдѣ прислуживала молодая молдаванка *Маріола*, или *Маріолица*. Одну изъ пѣсенъ этой Маріолы Пушкинъ переложилъ въ прекрасные русскіе стихи, скоро облетѣвшіе всю Русь: такъ появилась на свѣтъ извѣстная молдаванская пѣсня—„Черная шаль,“ въ концѣ 1820 года. Въ концѣ этого же года Пушкинъ написалъ еще два прекрасныхъ стихотворенія: „Виноградъ“ и „Дочери Карагеоргія.“

Площадь въ г. Кишиневѣ.

Окрестности Кисловодска.

VII.

ачало 1821 года, какъ мы знаемъ уже, застало Пушкина въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Каменкѣ. Въ послѣдней написаны имъ въ это время: „Муза“, „Желаніе“, „Я пережилъ свои желанья“, и окончена поэма: „Кавказскій плѣнникъ.“

Ни у кого, кажется, изъ поэтовъ произведенія не связаны такъ тѣсно съ жизнью, какъ это видимъ мы у Пушкина. Не говоря уже о лирическихъ его произведеніяхъ, являвшихся сердечной исповѣдью Пушкина, живымъ откликомъ на тѣ или другія обстоятельства окружавшей жизни, самыя эпическія произведенія подсказаны ему тою же жизнью и служатъ только отраженіемъ, творческимъ воспроизведеніемъ ея.

„Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому плѣннику*,—по словамъ Бартенева,—¹⁾ послужилъ рассказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника *Нѣмцова*, челоѣка, страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды рассказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому. ²⁾ Можетъ быть также, образъ Петербургской актрисы

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1131.

²⁾ Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго московскаго стихотворца и остряка Алексѣя Михайловича *Пушкина*. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (урожд. *Воейкова*) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это уже по смерти Александра Сергѣевича.

Истоминной, родомъ черкешенки, за которой Пушкинъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ Онѣгинѣ, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Пльнника*.”

Въ то же время нѣкоторыя черты плѣннаго офицера несомнѣнно отражаютъ въ себѣ черты самага Пушкина. Разочарованность офицера, помимо вліянія Байрона, имѣетъ источникомъ своимъ разочарованность, вслѣдствіе нераздѣленнаго чувства къ Раевской, самага Пушкина. Въ письмѣ къ П. В. *Горчакову* отъ 1821 года Пушкинъ говоритъ: „Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой *плѣнникъ* вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ плѣнника не удаченъ. Это доказываетъ, что *я не можусь въ герои романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было назвать *Черкешенкой*; я объ этомъ не подумалъ. Черкессы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень не доволенъ и почитаю ее гораздо ниже *Руслана*, хотя стихи въ ней зрѣлѣе.“ Въ черновомъ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу читаемъ: „Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе *роману, нежели поэму*, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, не извѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны,—но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесь, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ,—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ плѣни; во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда объ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа....Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ *Кавказскаго плѣнника*, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что! *въ немъ есть стихи моего сердца*“.....

Съ возвращеніемъ въ Кишиневъ, подъ влияніемъ всего пережитаго въ Каменкѣ, Пушкинъ, внимательный въ началѣ исполнитель служебныхъ обязанностей и всякихъ порученій И. Н. Инзова, вскорѣ дошелъ до того, что уже не обращалъ никакого вниманія на понужденія и выговоры съ его стороны, или отвѣчалъ на нихъ какими-нибудь дурачливыми оправданіями, въ которыхъ явно сквозила насмѣшка надъ Инзовымъ. Рассказываютъ даже, будто бы Пушкинъ, изъ шалости и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника, выучилъ попугая, помѣщавшагося въ стоявшей на балконѣ клѣткѣ, одному нехорошему, бранному молдаванскому слову. Въ день Пасхи 1821 года преосвящ. *Димитрій (Сулма)* былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, уставленный приличными этому дню блюдами. Благословивъ закуску, преосв. Димитрій вошелъ въ открытую дверь, на балконъ; за нимъ послѣдовалъ Инзовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій подошелъ къ клѣткѣ и что-то сказалъ попугаю, а тотъ отвѣчалъ помянутымъ браннымъ словомъ, повторяя его и хохоча. Когда Инзовъ проводилъ преосвященнаго, то, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: „Какой ты шалунъ! преосвященный догадался, что это твой урокъ.“¹⁾ Все это, разумѣется, не могло нравиться Инзову и заставило его измѣнить отеческое обращеніе съ Пушкинымъ перваго времени на строго-начальническое, которому, впрочемъ, подчиненный поэтъ мало придавалъ значенія и продолжалъ все дѣлать по-своему. По нѣсколько дней сряду онъ не только не показывался въ канцеляріи, но даже и вовсе не заходилъ къ себѣ въ квартиру, заведши въ Кишиневѣ много знакомствъ и знакомыхъ, между которыми не мало было сомнительнаго достоинства личностей обоого пола. Съ этими, не принятыми нигдѣ, искателями, больше же—искательницами приключеній Пушкинъ иногда среди дня показывался на бульварѣ, переодѣтый грекомъ, туркомъ и т. п. *Н. В. Дыдицкая*, жена преподавателя Кишиневской духовной семинаріи, лично знавшая Пушкина, рассказываетъ такъ объ этой порѣ его жизни: „Пушкинъ былъ еще молодъ. Былъ онъ не то что черный, а такъ—смуглый, загорѣвшій. Былъ добрый, хорошихъ правилъ, а только шалунъ. Я, бывало, говорю ему: „Вы настоящее дитя!“ А онъ меня называлъ *розою въ шитовникѣ*. Бывало, говорю ему: „Вы будете ревнивы.“ А онъ: „нѣтъ, никогда, никогда!“ Говорить намъ, бывало, стихи экспромптомъ. Тутъ въ городскомъ саду бывало гулянье, но только до 4-хъ часовъ, а вечеромъ гулять было не принято, не такъ какъ теперь—гуляютъ и ночью. Бывало, и Пушкинъ тутъ часто гуляетъ. Но всякій разъ онъ переодѣвался въ разные костюмы. Вотъ уже смотришь—Пушкинъ сербъ или молдаванъ, а одежду ему давали зна-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866, 1264—1265.

комья дамы. Издали нельзя и узнать; встрѣтишь—спрашиваешь; „Что это съ вами, Александръ Сергѣевичъ?“—„А вотъ я уже молдаванъ.“ А они—молдаваны тогда рясы носили. Въ другой разъ смотришь—уже Пушкинъ турокъ, уже Пушкинъ жидъ,—такъ и разговариваетъ, какъ жидъ. А когда же гуляетъ въ обыкновенномъ видѣ, въ шинели, то уже непременно одна пола на плечѣ, а другая тянется на землѣ,—это онъ называлъ: *по-генеральски*. Въ митрополию также приѣзжалъ съ Инзовымъ на богослуженіе. Инзовъ станеть впереди—возлѣ клироса, а Пушкинъ сзади, чтобы Инзовъ не видѣлъ его. А онъ станеть, бывало, на колѣна, бьетъ поклоны,—а между тѣмъ дѣлаеть гримасы знакомымъ дамамъ, улыбається или машеть пальцемъ возлѣ носа, какъ будто за что-нибудь журить или предостерегаетъ. Бывало, въ большіе праздники, послѣ богослуженія, всѣ идутъ къ Димитрію на закуску—и Инзовъ, и Пушкинъ, и всякіе тамъ совѣтники, и другіе свѣтскіе, кто повыше.“ ¹⁾

Въ періодъ полнаго охлажденія своего къ служебнымъ занятіямъ Пушкинъ уже не звалъ больше Кириенко-Волошинова къ себѣ на гору, напротивъ—самъ нерѣдко проводилъ у него въ городѣ цѣлые дни, а то и цѣлыя ночи. Днемъ, впрочемъ, Пушкинъ появлялся въ квартирѣ Кириенко-Волошинова только послѣ большихъ, гдѣ-либо съ другими знакомыми, кутежей и тогда въ продолженіе долгаго времени, какъ убитый, спалъ у него на кровати. Случалось иногда, что вслѣдъ за такимъ, не достойнымъ его, препровожденіемъ времени, на него послѣ сна находили бурные припадки раскаянія, самобичеванія и недолгой, но искренней грусти. Тогда онъ всю ночь на пролетъ проводилъ въ изліяніяхъ всякаго рода и задушевныхъ бесѣдахъ съ пріятелемъ, сопровождаемыхъ однимъ только чаемъ, безъ всякаго къ нему прибавленія. Разговаривая и споря съ пріятелемъ, Пушкинъ всегда держалъ въ рукахъ перо или карандашъ, которыми въ то же время набрасывалъ на бумагу каррикатуры всякаго рода съ соотвѣтственными надписями внизу, или хорошенькія головки женщинъ и дѣтей, большею частью другъ на друга похожія. Часто случалось такъ, что онъ вдругъ въ серединѣ бесѣды внезапно смолкалъ, оборвавъ на полусловѣ свою горячую рѣчь, и, какъ-то странно повернувъ къ плечу голову, какъ бы внимательно прислушиваясь къ чему-то внутри себя, долго-долго сидѣлъ въ такомъ состояніи неподвижно. Затѣмъ, съ такимъ же выраженіемъ напряженнаго къ чему-то вниманія, снова принималъ прежнюю позу у письменнаго стола и начиналъ быстро и непрерывно водить по бумагѣ перомъ, уже, конечно, не слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокругъ. Въ такихъ случаяхъ Кириенко-Волошиновъ съ спокойной совѣстью уходилъ въ сосѣдную комнату спать, такъ какъ навѣрное зналъ, что гость

¹⁾ Л. Мацѣвичъ, „Кишиневскія преданія о Пушкинѣ“ („Истор. Вѣстн.“, 1883 г., май; см. В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи,“ стр. 72—75).

уже ни одного слова не скажетъ до свѣта и будетъ безъ перерыва писать до тѣхъ поръ, пока перо само не вывалится изъ рукъ у него, и голова не упадетъ въ глубокомъ снѣ тутъ же на столъ. Иногда на другой день, проснувшись въ обыкновенное время, Кириенко-Волошиновъ находилъ Пушкина спавшимъ; иногда же послѣдній исчезалъ раньше, унося съ собой все, за ночь написанное. Нерѣдко, впрочемъ, случалось и такъ, что—уходилъ ли Пушкинъ, или нѣтъ, но работы свои оставлялъ на столѣ, у хозяина, никогда о нихъ не упоминая впослѣдствіи. Такая небрежность къ своимъ работамъ со стороны Пушкина происходила, по всей вѣроятности, оттого, что онъ рѣдко бывалъ доволенъ сегодня тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его наканунѣ. Подобныхъ оставленныхъ Пушкинымъ произведеній всякаго рода съ теченіемъ времени накопилось не мало на столѣ у Кириенко-Волошинова, при чемъ стихотворенія были часто самага неприличнаго свойства. Пушкинъ, прежде чѣмъ уходить, нарочно громко прочитывалъ ихъ хозяину, крѣпко держа его за руку, чтобы тотъ не могъ убѣжать отъ него. Зато, едва онъ оканчивалъ чтеніе, какъ Кириенко-Волошиновъ съ досадой вырывалъ бумагу изъ рукъ Пушкина и, разорвавъ ее на мелкіе куски, раскладывалъ ихъ по всей комнатѣ. Пушкинъ нисколько этимъ не огорчался, и чѣмъ мельче становились куски разрываемой бумаги, тѣмъ громче и неудержимѣе хохоталъ онъ надъ безсильнымъ гнѣвомъ пріятеля, жестоко упрекавшаго его въ затратѣ своихъ высокихъ дарованій на такія низкія произведенія карандаша и пера. Непостижимо страннымъ является то обстоятельство, что подобныя произведенія иногда выливались у Пушкина въ ту самую ночь, начало которой онъ употреблялъ на самое искреннее раскаяніе въ напрасно и гнусно потраченномъ времени и всякихъ упрекахъ себѣ самому. ¹⁾

¹⁾ Послѣ смерти Кириенко-Волошинова всѣ бумаги его, между которыми находились и оставленные Пушкинымъ въ разное время стихотворенія, перешли къ брату Е. Францовой, внезапно умершему вслѣдъ за отцомъ. Е. Францовой въ это время уже не было въ Кишиневѣ, а потому она и не знаетъ, что сдѣлалось съ оставшимися послѣ брата вещами. „Всѣ, впрочемъ, стихотворенія эти,—говоритъ она,—я въ тѣ времена знала на-память. Но не могу не сознаться вмѣстѣ съ тѣмъ, что заучивала ихъ тогда не по собственному, такъ сказать, влеченію къ произведеніямъ Пушкина, которыхъ какъ и многія мои сверстницы полу-молдаванки, цѣнить не умѣла, а съ единственною только цѣлью сдѣлать пріятное своему отцу. Настоячиво преслѣдуя эту цѣль, я не разъ въ свое время пользовалась для заучиванія стихотвореній того же автора еще и другими источниками слѣдующаго происхожденія: по довольно странной случайности, Пушкинъ вскорѣ послѣ того, какъ разорвалъ всякую связь съ моимъ отцомъ, познакомился и также близко сошелся съ родными моей матери, тогда еще дѣвочки—подростка, понятія не имѣвшей о томъ человѣкѣ, который сдѣлался впослѣдствіи ея мужемъ. Родные эти, хотя и чистокровные молдаване-помѣщики, въ противоположность большинству туземной аристократіи того далекаго времени, не питали враждебнаго чувства къ русскимъ вообще и охотно ихъ у себя принимали. Къ Пушкину же все это большое семейство, между членами

Внѣшняя безпорядочность жизни однако нисколько не мѣшала Пушкину въ его занятяхъ поэзіею и самообразованиемъ, которымъ онъ удѣлялъ всѣ свои досуги; напротивъ, весна 1821 года должна быть отмѣчена, какъ особенно плодотворная въ этомъ отношеніи. Много Пушкинъ этою весною прочиталъ, много сдѣлалъ выписокъ, много написалъ прекрасныхъ произведеній. Кромѣ указанныхъ нами уже раньше, сюда относятся: „Дѣва,“ „Желаніе,“ „Кинжалъ,“ „Чаадаеву,“ „Къ моей чернильницѣ,“ „Наперница волшебной старины,“ „Сѣтованіе,“ „Гробъ юноши“ и нѣк. друг., не говоря о черновыхъ наброскахъ въ стихахъ и прозѣ. Кругъ этихъ произведеній заканчивается прекраснѣйшею одою: „Наполеонъ,“ написанною Пушкинымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда въ Кишиневѣ пришло извѣстіе о смерти этого „могучаго балов-
 котораго было много молодежи обоего пола, относилось особенно тепло и внимательно. Но опять-таки и тамъ симпатизировали ему, не какъ писателю, произведеніямъ котораго придавали значеніе, а только какъ умному, веселому и милому чловѣку, умѣвшему, при желаніи, всякаго обворожить въ той именно степені, какъ самъ онъ того хотѣлъ.... И вотъ, сдѣлавшись въ послѣдствіи однимъ изъ позднѣйшихъ членовъ этой семьи, я имѣла такимъ образомъ случай и тамъ получать изустныя и письменныя свѣдѣнія о покойномъ писателѣ и доставлять отцу удовольствіе декламированіемъ тѣхъ произведеній, которыя находила въ пожелтѣвшихъ заброшенныхъ альбомахъ, между всякими иными посвященіями, экспромптами, акростихами и т. п. мелкими стихотвореніями неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ. Альбомы эти валялись вмѣстѣ съ массой старыхъ разрозненныхъ книгъ въ одной изъ кладовыхъ, гдѣ, безъ всякой надобности къ тому, находились цѣлыя груды никому ненужныхъ вещей асякаго рода и вида. Это было, впрочемъ, не въ Кишиневѣ, а въ довольно большомъ, такъ называемомъ, мѣстечкѣ Каларашахъ, куда нерѣдко пріѣзжалъ Пушкинъ на праздники. Этому любимому имъ мѣстечку онъ въ одномъ изъ альбомовъ посвятилъ большое стихотвореніе, въ которомъ не мало говорилось, для сравненія, также о Кишиневѣ и его обществѣ, враждебно будто бы относившемся не только къ нему самому, но и ко всему, что только было интеллигентнаго въ городѣ. Но главнымъ, впрочемъ, образомъ въ стихотвореніи этомъ воспѣвались красоты самыхъ Каларашъ, какъ одной изъ роскошнѣйшихъ мѣстностей всей Бессарабской области, и выходящія изъ ряда вонъ достоинства ихъ обладателей. Въ памяти моей въ настоящее время осталось отъ этого стихотворенія всего нѣсколько строкъ.... Вотъ онѣ:

Тамъ (въ Кишиневѣ) всѣ поэта презирають
 И „дракуль руссулъ“ (русскій чортъ) называютъ,
 О немъ съ презрѣньемъ говорятъ,
 Его позорятъ и бранятъ
 И весь свой злобный, гнусный ядъ
 Предъ нимъ съ восторгомъ изливають.....

 Да, только здѣсь (въ Каларашахъ) „изгнанникъ ссыльный“
 Въ семьѣ чужой, любвеобильной,
 Порывы гнѣва усмирилъ,
 Души строптивость побѣдилъ,
 Отчизну—мачеху простилъ
 И васъ всѣхъ страстно полюбилъ....

ня судьбъ, „изгнанника вселенной“ (†23 апр.). Что касается внутренняго содержанія оды, то, по признанію нѣкоторыхъ, „можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ—ни тогда ни долго послѣ—не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднаго“. Пушкинъ не увлекается ложнымъ патріотизмомъ и не только примиряется съ бывшимъ нашимъ врагомъ, въ которомъ даже такіе передовые русскіе люди, какъ Г. Р. Державинъ, видѣли *апокалипсическаго змѣя*, но считаетъ позорнымъ укоры „властителю осужденному,“ даже воздастъ ему *хвалу*;

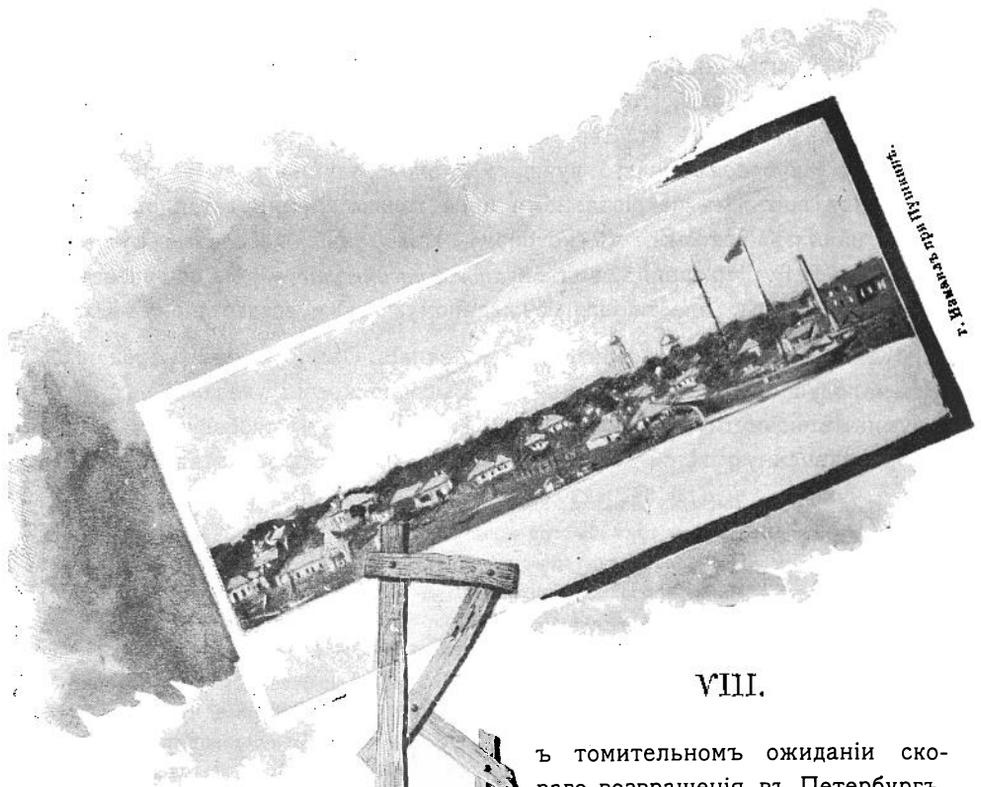
Да будетъ омраченъ позоромъ	Хвала!... Онъ русскому народу
Тотъ малодушный, кто въ сей день	Высокій жребій указаль,
Безумнымъ возмутитъ укоромъ	И міру вѣчную свободу
Его развѣнчанную тѣнь!	Изъ мрака ссылки завѣщаль!

Зачѣмъ, скажите, Калараши,
Несутъ такъ быстро кони ваши
По гладкой скатерти луговъ
Меня, кропателя стиховъ,
Который глупъ и безтолковъ,
Въ проклятый городъ Кишиневъ?...

„Сколько мнѣ извѣстно, стихотвореніе это было единственнымъ, съ котораго Пушкинъ снялъ себѣ копию въ Каларашахъ, послѣ того какъ однимъ, что называется, духомъ написалъ его въ случайно подвернувшемся подъ руку альбомѣ хозяйки. Тѣмъ не менѣе оно нигдѣ не было напечатано. Меня, впрочемъ, всегда удивляло впоследствии то странное вообще обстоятельство, что я не встрѣчала въ печати ничего изъ той массы стихотвореній всякаго рода, которыя имѣли были написаны въ Бессарабіи не только въ чужихъ домахъ, но главнымъ образомъ у себя на квартирѣ. И только теперь я случайно встрѣтила нѣкоторое объясненіе такой аномаліи. Вотъ что говоритъ г. *Смирнова* по этому поводу въ февральской книжкѣ *Свернаго Вѣстника* за 1893 годъ, на стр. 281-й своихъ *Записокъ*: „На дняхъ онъ (Пушкинъ) сжегъ одну изъ своихъ Кишиневскихъ тетрадей; у него есть предчувствіе, что онъ умретъ молодымъ и внезапно, и онъ говоритъ, что все то, чего онъ не рѣшается сжечь самъ, запечатано и будетъ уничтожено послѣ его смерти, если онъ не успѣетъ самъ этого сдѣлать“.... Жаль однако, что авторъ *Записокъ*, имѣя въ свое время полную возможность къ тому, не поинтересовался узнать истинную причину такого непостижимаго отношенія поэта къ Кишиневскимъ своимъ произведеніямъ, большинство которыхъ стояло не ниже многихъ другихъ его работъ позднѣйшаго времени“.

Окрестности Кисловодска.

VIII.

ь томительномъ ожиданіи скорого возвращенія въ Петербургъ, Пушкинъ мало-по-малу втягивался въ интересы Кишиневскаго общества и, повидимому, даже какъ будто мирился съ своею участью. По крайней мѣрѣ, гдѣ только собиралось большое общество, тамъ былъ уже непременно и онъ и отдавался весь времяпрепровожденію данной минуты. Танцовали ли,—онъ танцевалъ до упаду; играли ли въ карты,—онъ болѣе всѣхъ входилъ въ азартъ, разжигаясь напрасно надеждою на неожиданный большой выигрышъ, тѣмъ болѣе, что денежные дѣла его въ то время были очень плохи (кромѣ жалованья въ количествѣ 700 руб. въ годъ, онъ изрѣдка только получалъ изъ дому небольшія суммы); сидѣли ли за стаканами,—онъ старался не отстать даже отъ прославившихся уже кутиль; шель ли легкій свѣтскій разговоръ,—онъ былъ неистощимъ въ островахъ и во всѣ стороны сыпалъ игривыми эпитаграммами, велся ли ученый споръ,—Пушкинъ и въ немъ принималъ самое горячее участіе, весьма искусно направляя его такъ, чтобы возможно болѣе извлечь для себя изъ этого спора научныхъ свѣдѣній, въ необходимости которыхъ успѣлъ глубоко убѣдиться. Самолюбіе его не знало границъ; онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отставать отъ другихъ напротивъ—всюду и во всемъ старался быть *первымъ*. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, сказывалась его горячая африканская кровь, которая вѣчно въ немъ бурлила и никогда не давала ему покоя.

Не обходилось при этомъ, конечно, дѣло безъ временныхъ увлеченій, равно какъ не обходилось и безъ столкновеній, въ особенности послѣ того, какъ изъ Петербурга все приходили неутѣшительныя вѣсти, надежда на скорое возвращеніе въ столицу попрежнему оставалась только одной надеждой; положеніе при И. Н. Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какимъ-то двусмысленнымъ. „Большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ, не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же, имъ досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высокопоставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается,—и все ему проходить. Степенное Кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему, напр., небрежнаго наряда. Досадно имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубиною. Вдобавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ Кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрялся умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. *Языкъ мой—врагъ мой*,—пословица, ему хорошо знакомая. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него въ Россіи.“¹⁾ Одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ, пользуясь игрою слова *бессарабскій*, намекая на смуглую фізіономію поэта, выразился о немъ, что онъ *теперь—бтьсь арабскій*.

Едва ли не первымъ столкновеніемъ Пушкина было столкновеніе его съ *Θ. Θ. Орловымъ*, полковникомъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, въ концѣ октября 1820 года пріѣхавшимъ въ Кишиневъ къ брату ген. М. Θ. Орлову. Удалство *Θ. Θ. Орлова* было всѣмъ извѣстно. Послѣ одного изъ крупныхъ проигрышей, въ молодости, онъ рѣшилъ было покончить съ собой передъ трюмо, въ особомъ нарядѣ; но, вслѣдствіе слишкомъ большого заряда, пистолетъ разорвало, и пуля прошла черезъ подбородокъ въ шею. Въ отечественную войну онъ выдѣлился изъ среды другихъ своимъ безстрашіемъ и въ 1813 году подъ Бауценомъ или Герлицемъ потерялъ ногу. Разъ за обѣдомъ у брата подходитъ онъ къ *И. П. Липранди* и къ полковнику *А. П. Алексѣеву* и заявляетъ, что будетъ гораздо пріятнѣе куда-нибудь отправиться, нежели слушать

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1185—1886.

разговоръ „братца съ *Охотниковымъ* о политической экономіи“. Липранди и Алексѣевъ охотно приняли его предложеніе, при чемъ Теодоръ Теодоровичъ замѣтилъ, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушелъ—и тотчасъ же вышелъ подъ руку съ Пушкинымъ. Компанія отправилась безъ опредѣленной цѣли, куда идти. Предложеніе Алексѣева идти къ нему было единогласно отвергнуто, и рѣшили идти въ бильярдную *Гольды*. Здѣсь не было ни души. Спросили портеру. Орловъ и Алексѣевъ начали играть на бильярдѣ на интересъ и въ придачу на третью партію вазу жжонки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порѣшили пить *круговой*. Первая ваза кое-какъ сошла съ рукъ, но вторая сильно подѣйствовала на Пушкина. Пушкинъ развеселился, началъ подходить къ бортамъ бильярда и мѣшать игрѣ. Орловъ назвалъ его школьникомъ, а Алексѣевъ присовокупилъ, что школьниковъ проучиваютъ. Пушкинъ, перепутавъ шары, не остался въ долгу и на слова; кончилось тѣмъ, что онъ вызвалъ обоихъ на дуэль, а Липранди пригласилъ въ секунданты. Въ десять часовъ утра всѣ должны были собраться у Липранди. Было около полуночи. Липранди пригласилъ Пушкина ночевать къ себѣ. Дорогой Пушкинъ уже опомнился и началъ бранить себя за свою арабскую кровь. Липранди, между прочимъ, представилъ ему, что причина вызова не совсѣмъ хорошая, и что надо какъ-нибудь замять. — „Ни за что!—произнесъ Пушкинъ, остановившись: я докажу имъ, что я не школьникъ!“ — „Оно все такъ,—отвѣчалъ Липранди,—но все-таки будутъ знать, что всему виной жжонка, а притомъ я нахожу, что и бой не ровный.“ — „Какъ не ровный?“ опять остановившись, спросилъ Пушкинъ. Чтобы скорѣй разрѣшить его недоумѣніе и затронуть его самолюбіе, Липранди сказалъ: „Не ровный—потому, что, можетъ быть, изъ тысячи полковниковъ двумя меньше, да еще и какихъ—ничего не значить, а вы двадцати двухъ лѣтъ уже извѣстны“ и т. п. Пушкинъ молчалъ. Подходя уже къ дому, онъ произнесъ: „Скверно, гадко; да какъ же кончить?“ — „Очень легко,—отвѣчалъ Липранди: вы первые начали смѣшивать ихъ игру; они вамъ что-то сказали, а вы имъ вдвое, и, наконецъ, не они, а вы ихъ вызвали. Слѣдовательно, если они пріѣдутъ не съ тѣмъ, чтобы становиться на барьеръ, а съ предложеніемъ помириться, то вѣдь честь ваша не пострадаетъ“. Пушкинъ долго молчалъ и, наконецъ, сказалъ по-французски: „Это басни: они никогда не согласятся; Алексѣевъ—можетъ быть,—онъ семейный; но Теодоръ—никогда: онъ обрекъ себя на натуральную смерть,—все-таки лучше умереть отъ пули Пушкина, или убить его, нежели играть жизнью съ кѣмъ-нибудь другимъ“. Липранди не отчаявался въ успѣхѣ. Закусивъ, онъ уложилъ Пушкина, а самъ, не спавши, дождался утра и въ восьмомъ часу поѣхалъ къ Орлову. Здѣсь сказали, что онъ только-что выѣхалъ. Это нѣсколько озадачило Липранди, который опасался, чтобы

Орловъ не попалъ къ нему на квартиру раньше его самого, и поспѣшилъ къ Алексѣеву. Проѣзжая мимо своей квартиры, Липранди увидѣлъ, что у его квартиры нѣтъ экипажа, у подъѣзда же Алексѣева стоялъ. Едва Липранди показался въ дверяхъ, какъ Орловъ и Алексѣевъ оба въ одинъ голосъ объявили, что сейчасъ собирались къ нему посовѣтоваться, какъ бы покончить глупую вчерашнюю исторію. — „Очень легко, — отвѣчалъ имъ Липранди: пріѣзжайте въ 10-ть часовъ, какъ условились, ко мнѣ; Пушкинъ будетъ, и вы прямо скажете, чтобы онъ, такъ какъ вы, позабылъ вчерашнюю жонку“. Они охотно согласились. Но Орловъ не довѣрялъ, что Пушкинъ помирится на этомъ. Возвратившись къ себѣ, Липранди нашелъ Пушкина уже вставшимъ и съ свѣжей головой, обдумывавшимъ вчерашнее столкновеніе. На сообщенный ему результатъ свиданія, онъ взялъ Липранди за руку и просилъ, чтобы тотъ сказалъ ему откровенно: не пострадаетъ ли его честь, если онъ согласится оставить дѣло? Липранди повторилъ ему сказанное наканунѣ, что не они, а онъ ихъ вызвалъ на дуэль, и они просятъ мира: „такъ чего же больше хотѣть?“ Пушкинъ согласился и, казалось, успокоился. Видимо, онъ страдалъ только потому, что столкновеніе случилось за бильярдомъ, при жонкѣ: „а не то славно бы подрался, — ей-Богу, славно!“ Черезъ полчаса пріѣхали Орловъ и Алексѣевъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, — и всѣ трое были довольны. За обѣдомъ въ этотъ день у Алексѣева Пушкинъ былъ очень веселъ и, возвращаясь, благодарилъ Липранди и просилъ, что если когда представится еще такой случай, то чтобы не отказалъ въ своихъ совѣтахъ и проч. ¹⁾).

Слѣдующее столкновеніе произошло у Пушкина за карточнымъ столомъ, судя по обстановкѣ дуэли, въ маѣ или въ началѣ іюня 1821 г. Металъ банкъ одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба — *Зубовъ*. Игра шла сперва спокойно; когда же нѣсколько картъ Пушкина были убиты сряду, тогда онъ потребовалъ карты у банкмета, перетасовалъ ихъ, поставилъ удвоенный кушъ, примазалъ къ этому свой проигрышъ, — но карта была снова убита. Пушкинъ остановился и, обращаясь къ участвовавшимъ въ игрѣ, сказалъ: „Дѣло-то, какъ видно по всему, дрянъ, и не слѣдовало бы платить за подобнаго рода проигрыши....“ и бросилъ проигранныя деньги на столъ. Эти слова, сказанныя Пушкинымъ при другихъ офицерахъ-понтерахъ, прямо въ глаза Зубову, разнеслись тотчасъ же по городу и были причиною насмѣшекъ надъ нимъ. Слова: „дѣло-дрянъ“ вошли потомъ въ поговорку. На другой день утромъ Пушкинъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и, по обыкновенію, упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль, какъ зашелъ къ нему Зубовъ. — „Такъ дѣло-то дрянъ?“ — проговорилъ Зубовъ, уставивъ сверкающіе

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1413-1416.

глаза на Пушкина.—„Проѣхала!“ кивнувъ головою, отвѣчалъ Пушкинъ.—„Для васъ это, можетъ быть, и такъ,—сказаль Зубовъ, понижая голосъ,—но поймите, Александръ Сергѣевичъ, мое положеніе.... моя запятнанная честь!....“—„Запятнанная честь?—прервалъ, улыбаясь, Пушкинъ: да это давно извѣстно, что нѣтъ микроскопа, который бы такъ увеличиваль, какъ глаза человѣка, когда онъ разсматриваетъ самого себя.... Ну, запятнанная честь—и что дальше?“—„Пятно необходимо омыть!“—„Не шампанскимъ ли? Да у меня вотъ тутъ-то пустота,—проговорилъ Пушкинъ, ударяя по своему карману,—пустота степей африканскихъ“....—„Это не шампанскимъ оmyвается“, отвѣчалъ Зубовъ, приподнявъ голосъ.—„Ужъ, конечно, если не шампанскимъ, то кровью,—сказаль улыбаясь Пушкинъ: но во всякомъ случаѣ предварительно полюбуитесь, какъ моя пуля мнѣ послушна“.—Вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ, и пуля попала въ цѣль.—„Каково?“ спросилъ Пушкинъ.—„Оно-то такъ, А. С.,—отвѣчалъ Зубовъ,—но это собственно дѣлаетъ только честь вамъ“.—„О! когда идетъ дѣло собственно о вашей чести, то за чѣмъ же дѣло стало? будемъ стрѣляться“.—„Но я не въ такой степени золъ на васъ, А. С., чтобы дѣло могло дойти до серьезнаго“.—„Что вамъ пуля страшна, то это давно мнѣ извѣстно“, сказаль Пушкинъ.—Зубовъ опустилъ голову и молчалъ.—„Такъ какимъ же образомъ вы хотите безъ выстрѣла омыть кровью противника запятнанную честь свою?“....—Зубовъ не отвѣчалъ. Тутъ Пушкинъ плюнувъ проговорилъ: „Я ровно ничего не понимаю, чего вы отъ меня хотите“. Зубовъ поднялъ смущенные глаза на Пушкина, потомъ замѣтно что-то хотѣлъ сказать—и снова опустилъ ихъ....—„Понятно,—сказаль Пушкинъ, подходя къ Зубову,—мы стрѣляемся. Я вызовъ вашъ принимаю. Попадете ли вы въ меня, или не попадете, это для меня ровно ничего не значить; но для того, чтобы въ васъ больше было смѣлости, предупреждаю: стрѣлять въ васъ я совершенно не намѣренъ.... Согласны?“.

Мѣстомъ для дуэли назначили „Малину“, одну изъ мѣстностей за городомъ. Пушкинъ былъ отъ природы не трусливъ, и это чувство онъ старался въ себѣ воспитывать. У него въ записной книгѣ было внесено одно изъ „наставленій“ кн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусь ли ты; если нѣтъ, то старайся укрѣплять врожденную смѣлость частымъ обращеніемъ съ непріателемъ“. Въ квартирѣ своей, въ домѣ Инзова, Пушкинъ обыкновенно стрѣляль въ цѣль, начерченную углемъ на стѣнѣ.

На другой день Зубовъ съ тремя секундантами уже ждалъ на условленномъ мѣстѣ; вдали показался Пушкинъ съ однимъ только секундантомъ. Онъ шелъ тихими шагами, съ фуражкой въ рукѣ. Въ фуражкѣ были у него черешни, которыя онъ самъ ѣлъ и предлагаль,

по временамъ, своему спутнику. Наконецъ, противники приблизились другъ къ другу. Пушкинъ измѣрилъ глазами Зубова, и когда было отсчитано двѣнадцать шаговъ, сталъ на указанное мѣсто. Безпечно взглянувъ на противника и выплюнувъ косточку черешни, онъ подалъ знакъ къ началу. Зубовъ сталъ наводить пистолеть. Пушкинъ стоялъ, какъ вкопанный. Зубовъ снова сталъ прицѣливаться. Хладнокровіе Пушкина и въ эту минуту было изумительное. Выстрѣлъ раздался... пуля пролетѣла мимо. Противникъ уставилъ глаза на Пушкина, который не перемѣнялъ своего положенія.— „Что,—спросилъ Пушкинъ,—довольны ли вы?“—Зубовъ, вмѣсто отвѣта и не требуя выстрѣла, бросился къ Пушкину съ намѣреніемъ обнять его; но Пушкинъ, уклоняясь отъ объятій, сказалъ: „Къ чему?... это лишнее“,— и послѣ этихъ словъ сталъ удаляться. Положеніе Зубова въ эту минуту было очень странное. Онъ пошелъ вслѣдъ за Пушкинымъ и что-то говорилъ ему; но замѣтивъ, что Пушкинъ не обращаетъ вниманія на его слова, мало-по-малу отставалъ и поворотилъ въ другую сторону.

Этотъ поединокъ тогда же сдѣлался сказкою города, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общественномъ мнѣніи. Генералъ Инзовъ, когда доложили ему объ этомъ происшествіи, потребовалъ къ себѣ Пушкина и Зубова. На аудіенціи у Инзова Пушкинъ и Зубовъ изложили сущность дуэли и потомъ, когда Пушкинъ посѣтилъ семейство боярина *Варооломея*, то не стѣсняясь, въ присутствіи гостей, говорилъ: „Кишиневскій воздухъ замѣтно вредно на меня дѣйствуетъ: по совѣту моего *старшаго доктора* (такъ Пушкинъ называлъ генерала Инзова), мнѣ необходимо прожить нѣкоторое время гораздо южнѣе.“—И дѣйствительно, Инзовъ, не желая оставлять дѣло о поединкѣ безъ послѣдствій, удалилъ Пушкина на югъ Бессарабіи, въ г. Аккерманъ, вмѣнивъ ему эту ссылку въ наказаніе.

Къ новому 1822 году Пушкинъ уже опять былъ въ Кишиневѣ, а черезъ нѣсколько дней ему пришлось драться на дуэли съ полковникомъ и командиромъ егерскаго полка *С. Н. Старовымъ*, человекомъ достойнымъ и всѣми уважаемымъ, прославившимся выдающеюся личною храбростью какъ въ отечественную войну, такъ и въ битвахъ заграничныхъ. На святочномъ танцевальномъ вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, служившемъ обычнымъ мѣстомъ общественныхъ собраний, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ играть вальсъ; но Пушкинъ еще раньше условился съ *А. П. Полторацкимъ* начинать мазурку, захопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, и мазурка началась. Подковникъ Старовъ все это замѣтилъ и, подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ, по крайней мѣрѣ, извинился передъ нимъ.

Застѣнчивый молодой человѣкъ началъ мяться и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ.—„Ну, такъ я за васъ поговорю“, возразилъ полковникъ, и послѣ танцевъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣдствіе которыхъ на другой день долженъ былъ состояться поединокъ.

„Въ семь часовъ утра я,—разсказываетъ И. П. Липранди,—былъ разбуженъ Пушкинымъ, пріѣхавшимъ съ Н. С. Алексѣевымъ. Они разсказали случившееся. Мнѣ досадно было на Старова, что онъ въ свои лѣта поступилъ, какъ прапорщикъ, но дѣла отклонить было уже нельзя, и мнѣ оставалось только сказать Пушкину, что онъ будетъ имѣть дѣло съ храбрымъ и хладнокровнымъ человѣкомъ, не похожимъ на того, какимъ онъ, по ихъ разсказамъ, былъ вчера. Я замѣтилъ, что отзывъ мой о Старовѣ польстилъ Пушкину. Напившись чаю, Алексѣевъ просилъ меня ѣхать съ ними; я долго не соглашался, на томъ основаніи, что, если я поѣду, то Пушкинъ будетъ имѣть двухъ свидѣтелей, а Старовъ—одного: въ такомъ случаѣ должно было бы предупредить его вчера; но потомъ я разсудилъ, что бой будетъ не ровный, на томъ простомъ основаніи, что Пушкинъ былъ такъ молодъ, не опытенъ, и хотя въ минуты опасности, я думалъ, онъ будетъ хладнокровнымъ, но съ его чрезвычайной пылкостью, отъ самой ничтожной причины, онъ очень легко могъ выдти изъ подобнаго положенія. Секундантъ его, правда, обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, но въ такихъ случаяхъ былъ также не опытенъ, между тѣмъ какъ Старовъ былъ въ полномъ смыслѣ обстрѣленный, и что меня болѣе всего пугало, такъ это—необразованность его, какъ свѣтскаго человѣка и не знающаго значенія нѣкоторыхъ словъ, а одно такое, будучи произнесено безъ всякаго умысла, было бы достаточно, чтобы произвести взрывъ въ Пушкинѣ. За всѣмъ тѣмъ однакоже я обѣщаль быть, но съ условіемъ, что заѣду предупредить Старова, чтобы и онъ взялъ еще одного свидѣтеля; но если онъ не успѣетъ, то, конечно, повѣритъ мнѣ и самъ, въ чемъ я не сомнѣвался. Формальность при такихъ случаяхъ неотмѣнно должна быть выполнена, а такъ какъ остается еще полтора часа времени, то я заѣду съ отвѣтомъ къ Алексѣеву, мимо котораго должно будетъ ѣхать въ Рышкановку (село въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, гдѣ должна была состояться дуэль). Мы выѣхали вмѣстѣ; Старовъ, съ полчаса передо мной, уѣхалъ къ подполковнику *Дережинскому*, но и у него я никого не засталъ и поспѣшилъ къ Алексѣеву. Они, обдумавъ, признали, что безъ согласія Старова мнѣ быть на мѣстѣ не ловко, а потому согласились на предложеніе мое находиться на всякій случай вблизи, и мы отправились, ибо время уже подходило. На вопросъ Алексѣева объ условіяхъ, я просилъ его только одного (объ одномъ), чтобы барьеръ былъ не менѣ двѣнадцати шаговъ, и отнюдь

не соглашаться подходить ближе... тогда послѣдствія будутъ ужасны. Пушкинъ горѣлъ нетерпѣнїемъ; я ему что-то замѣтилъ, но онъ мнѣ отвѣчалъ, что неотмѣнно хочеть быть на мѣстѣ первый. Я остановился въ одной изъ ближайшихъ къ мѣсту мазанокъ. Погода была ужасная: мятель до того была сильна, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было видѣть предмета, и къ этому довольно морозно. Войдя въ мазанку, я приказалъ извозчику посматривать на дорогу или, скорѣй, прислушиваться колесъ, не поѣдетъ ли кто изъ города, и дать мнѣ знать; я все еще думалъ встрѣтить Старова,—но напрасно. Черезъ часъ я увидѣлъ Алексѣева и Пушкина возвращающимися и подумалъ, что успѣхъ остался за ними. Но вотъ что тутъ же я узналъ отъ нихъ. Первый барьеръ былъ на шестнадцать шаговъ; Пушкинъ стрѣлялъ первый и далъ промахъ, Старовъ тоже и просилъ поспѣшить зарядить и сдвинуть барьеръ; Пушкинъ сказалъ: „И гораздо лучше, а то холодно“. Предложеніе секундантовъ прекратить было обоими отвергнуто. Морозъ съ вѣтромъ, какъ мнѣ говорилъ Алексѣевъ, затруднялъ движеніе пальцевъ при заряданіи. Барьеръ былъ опредѣленъ на двѣнадцать шаговъ,—и опять два промаха. Оба противника хотѣли продолжать, сблизивъ барьеръ; но секунданты рѣшительно воспротивились, и такъ какъ нельзя было помирить ихъ, то поединокъ отложенъ до прекращенія мятели. Дрожки наши, въ продолженіе разговора до гребли въ городъ, ѣхали рядомъ и шагомъ, ибо иначе было нельзя. Я отправился прямо къ Старову. Заставъ его за завтракомъ, рассказалъ ему, гдѣ я былъ. Онъ упрекнулъ меня за недовѣріе къ нему и пригласилъ быть свидѣтелемъ, какъ только погода стихнетъ. Когда полковой адъютантъ вышелъ, и мы остались вдвоемъ, я спросилъ его, какъ это пришло ему въ голову сдѣлать такое дурачество въ его лѣта и въ его положеніи? Онъ отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, какъ все это сошлось; что онъ не имѣлъ никакого намѣренія, когда подошелъ къ Пушкину: „да онъ, братецъ, такой задорный“, присовокупилъ онъ.—„Но, согласись, съ какой стати было тебѣ, самому не танцующему, вмѣшиваться въ споръ двухъ юношей, изъ коихъ одному хотѣлось мазурки, а другому вальса?“ На это онъ мнѣ сказалъ, что всему виноватъ его офицерикъ, отказавшійся объясниться съ Пушкинымъ. На замѣчаніе мое, что если офицерикъ его былъ виноватъ, то онъ имѣлъ всю власть взыскать съ него и даже выгнать изъ полка, а прилично ли ему взять на себя роль прапорщика и привязаться къ молодому человѣку, здѣсь по волѣ Государя находящемуся и уже всѣмъ извѣстному своими дарованіями?—„Ну, ты бы убилъ его,—вѣдь всѣ были бы твоими врагами, въ особенности, когда бы узнали поводъ къ дуэли“ и пр. Это нѣсколько подѣйствовало на него, и онъ началъ было соглашаться, что ему не слѣдовало вмѣшиваться, и заключилъ тѣмъ, что теперь уже дѣлать нечего, надо

кончить, и просилъ меня, если я увижу Алексѣева, сказать ему, что не худо поспѣшить; покончить „можно въ клубной залѣ“, прибавилъ онъ.—Я ничего не говорилъ Пушкину, опасаясь, что онъ схватится за мысль стрѣляться въ клубномъ домѣ, но буквально передалъ Алексѣеву весь разговоръ, и онъ обѣщалъ повидаться въ тотъ же день съ Старовымъ. Вечеромъ Пушкинъ былъ у меня, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ же весель, такой же спорщикъ со всѣми, какъ и прежде. Въ слѣдующій день, рано, я долженъ былъ уѣхать въ Тирасполь и на другой день вечеромъ, возвратясь, узналъ миролюбивое окончаніе дѣла, и мнѣ казалось тогда видѣть (sic!) будто бы какое-то тайное сожалѣніе Пушкина, что ему не удалось подраться съ полковникомъ, извѣстнымъ своею храбростью. Однажды какъ-то Алексѣевъ сказалъ ему, что онъ вѣдь дрался съ нимъ, то чего же онъ хочетъ больше, и хотѣлъ было продолжать; но Пушкинъ, съ обычной ему рѣзвостью, сѣлъ ему на колѣни и сказалъ: „Ну, не сердись, не сердись, душа моя, и, вскочивъ, посмотрѣлъ на часы, схватилъ шапку и ушелъ“. ¹⁾

Возвращаясь изъ Рышкановки, съ дуэли, Пушкинъ, по дорогѣ, захѣхалъ къ А. П. Полторацкому и, не заставши его дома, написалъ повторявшійся впоследствии на всѣ лады экспромптъ:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не конченъ.

Между прочимъ, Пушкину весьма польстило, когда, во время примиренія, на слова его Старову: „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ“, послѣдній сказалъ: „И хорошо сдѣлали, Аександръ Сергѣевичъ; я долженъ сказать по правдѣ, что *вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете*“. Пушкинъ кинулся обнимать Старова и съ этихъ поръ считалъ своимъ долгомъ отзываться о немъ не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Въ поясненіе нужно сказать, что Пушкинъ былъ *очень чувствителенъ*, какъ говорили въ старину, къ своей поэтической дѣятельности и вообще къ литературѣ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о литературѣ, и въ сношеніяхъ его съ литераторами не было человѣка строже и взыскательнѣе Пушкина. Онъ съ большимъ вниманіемъ прочитывалъ все, что писали о немъ свои и иностранные журналы, и дѣлалъ замѣчательно вѣрную оцѣнку какъ своимъ произведеніямъ, такъ и произведеніямъ другихъ писателей.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10. стр. 1417—1421.

Въ первой половинѣ февраля у Пушкина произошло уже новое столкновение съ молдаванскимъ помѣщикомъ и членомъ верховнаго мѣстнаго совѣта *Теодоромъ*, или *Теодораки Балмиемъ*. ¹⁾ Жена Балша, дочь казеннаго князя *Морузи*, великаго ворника Богдана *Мариола*, лѣтъ подѣ 30, была довольно милостива собою, чрезвычайно остра и очень любила вести легкіе салонные разговоры. Она прекрасно владѣла французскимъ языкомъ, была съ большими претензіями и устраивала у себя изысканные танцевальныя вечера. Пушкинъ любилъ на первыхъ порахъ посѣщать вечера Балшъ. Разговоръ его, въ спокойномъ состояніи духа, ничѣмъ не отличался отъ разговора всякаго образованнаго человѣка, но становился блестящимъ и неудержимымъ потокомъ, какъ только прикасался, такъ сказать, къ какой нибудь струнѣ его сердца или къ мысли, глубоко его занимавшей. Бесѣда Пушкина въ подобныхъ случаяхъ, по свидѣтельству его брата, была замѣчательна почти не менѣе его поэзіи. Особенно передъ слушательницами любилъ онъ расточать всю гибкость своего ума, все богатство своей природы. Онъ называлъ это, на обыкновенномъ насмѣшливомъ языкѣ своемъ, *кокетничаньемъ съ женщинами*. Вотъ почему, не смотря на извѣстную небрежность его костюма, на неправильныя, хотя и энергическія, черты лица, Пушкинъ вселялъ такъ много привязанности въ сердцахъ, оставлялъ такъ много неизгладимыхъ воспоминаній въ душѣ всѣхъ, кто только ближе узнавалъ его.—На блестяще-остроумныя, подчасъ довольно *смѣлыя*, обороты его бесѣды Балшъ отвѣчала съ рѣдкою изворотливостью и находчивостью свѣтской женщины, въ одно и то же время поощряющей такой характеръ и тонъ разговора—и умѣющей удержать его въ должныхъ предѣлахъ приличія. Между Пушкинымъ и Балшъ началось видимое сближеніе. Но вотъ,—читаемъ въ дневникѣ И. П. Липранди,—„появилась въ салонахъ нѣкто *Албрехтша*; она была годами двумя старше Балшъ, но красивѣй, съ свободными европейскими манерами; много читала романовъ, многіе провѣряла опытомъ и любезностью своею поставила Балшъ на второй планъ; она умѣла поддерживать салонный разговоръ съ Пушкинымъ и временно увлекала его. У Балшъ породилась ревность; она начала дѣлать Пушкину намеки и, получивъ однажды отъ него отзывъ, что женщина эта (*Албрехтша*)—историческая и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Онъ сталъ съ ней сдержаннѣе и вздумалъ любезничать съ ея дочерью *Аничкой*, столь же острой на словахъ, какъ и мать ея,—но любезничалъ такъ, какъ можно было только любезничать съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Оскорбленное самолюбіе матери и ревность къ *Албрехтшѣ* (она приняла любезничанье съ ея

¹⁾ Балшъ впоследствии былъ назначенъ *гетманомъ*, т. е. *главнокомандующимъ* войсками Молдавіи.

дочерью—ребенкомъ въ смыслѣ, что будто бы Пушкинъ желалъ этимъ показать, что она имѣетъ уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности¹⁾ и стала при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ придираться къ нему. Въ то время въ кишиневскомъ обществѣ много говорили о пощечинѣ, данной въ театрѣ, въ креслахъ, однимъ молдаванскимъ аристократомъ прапорщику изъ молдаванъ же, выгнанному изъ вѣдомства путей сообщенія. Объ *удовлетвореніи* оскорбленный не обмолвился ни словомъ, и И. П. Липранди замѣтилъ Пушкину по этому поводу: „чего отъ нихъ требовать? У нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человекъ, да ихъ руками *отдубасить* протівника“. Это сказано было въ присутствіи нѣсколькихъ „значительныхъ“ молдаванъ, но изъ нихъ никто не выразилъ ни малѣйшаго протеста,—и съ тѣхъ поръ Пушкинъ началъ смотрѣть на молдаванъ „съ болѣе вѣрной точки зрѣнія и такъ сообразовать свой образъ обращенія съ ними“; съ этихъ же поръ онъ пересталъ носить при себѣ пистолеть, когда выходилъ изъ дому, а „вооружался желѣзной палкой въ осмнадцать фунтовъ вѣсу“. ²⁾ На одномъ изъ вечеровъ у вице-губернатора (молдавано-грека по происхожденію) *А. Е. Крупянскаго* Пушкинъ, въ разговорѣ съ г—жею Балшъ, сказалъ, между прочимъ, задѣвая молдаванъ: „Экая тоска! хоть бы кто нанялъ подраться за себя!“ Балшъ вспыхнула.—„Деритесь лучше за себя“, возразила она.—„Да съ кѣмъ же?“—„Да вотъ хоть съ Старовымъ: вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили“.—Нужно замѣтить, что въ городѣ далеко не всѣ знали о состоявшемся между Пушкинымъ и Старовымъ примиреніи, и о каждомъ изъ противниковъ ходили двусмысленные слухи. Нечего и говорить, какъ сильно уязвилъ Пушкина брошенный прямо въ лицо г—жею Балшъ намекъ.—„Если бы на вашемъ мѣстѣ былъ вашъ мужъ, я сумѣлъ бы поговорить съ нимъ!—съ запальчивостью отвѣчалъ Пушкинъ: а потому, ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ?“ Прямо отъ нея Пушкинъ направился къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызвалъ его и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ разспросить жену; но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей.—„Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену?“ сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомеріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша. Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха произошла страшная, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію М. Я. Крупян-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1422—1423.

²⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 10, стр. 1423—1424.

скаго и П. С. Пушина, командовавшего тогда дивизіей, за отъѣздомъ Орлова, Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый молдаванинъ и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?“ Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину и вслѣдъ затѣмъ вынулъ пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пушину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ блѣднаго, какъ полотно, и улыбающагося. Инзовъ посадилъ Пушкина подъ арестъ на двѣ недѣли. ¹⁾

Около этого же времени было у Пушкина и еще одно столкновение съ старшимъ членомъ управленія колоніями с. с. *И. Н. Лановымъ*, бывшимъ адъютантомъ кн. Потемкина. Человѣкъ не безъ образованія, Лановъ преклонялся предъ табелью о рангахъ и почитаніемъ старшихъ, будучи и самъ уже довольно преклонныхъ лѣтъ (65 лѣтъ отъ роду). Естественно, что Лановъ не выносилъ Пушкина, который ничего этого не признавалъ, состоялъ на какомъ-то особомъ положеніи при Инзовѣ и вѣчно школьничалъ, не разбирая ни чиновъ, ни возраста людей, съ которыми позволялъ себѣ тѣ или другія продѣлки. На высококомѣрное и даже презрительное отношеніе къ себѣ Ланова Пушкинъ отвѣчалъ острыми эпиграммами и невинными шутками и былъ очень доволенъ, когда возбуждалъ ими смѣхъ среди присутствующихъ. Не мало матеріала для этихъ эпиграммъ и шутокъ давала самая наружность Ланова, который былъ „средняго роста, плотнаго сложенія, съ большимъ брюхомъ, самодовольнымъ, широкимъ, краснымъ, лоснящимся отъ усерднаго поклоненія Бахусу лицомъ“. Лановъ почти каждый день обѣдалъ у Инзова, и потому долженъ былъ часто встрѣчаться за тѣмъ же столомъ съ Пушкинымъ. Одинъ разъ онъ обозвалъ расходившагося за обѣдомъ Пушкина *молокосомъ*; Пушкинъ, въ отвѣтъ, назвалъ его *виносомъ*. Это случилось передъ самымъ окончаніемъ стола. Инзовъ добродушно улыбался и, вставъ изъ-за стола, пошелъ къ себѣ; между тѣмъ Лановъ требовалъ отъ Пушкина поединка. Пушкинъ только хоталъ, особенно когда Лановъ продолжалъ настаивать, рассказывая при этомъ о своихъ поединкахъ при князѣ Таврическомъ. Лановъ нѣсколько успокоился тогда только, когда Пушкинъ принялъ, наконецъ, его вызовъ. Инзовъ, услышавъ неудержимый смѣхъ Пушкина, возвратился въ столовую и скоро помирилъ ихъ. Лановъ, изъ чинопочитанія къ Инзову, согласился оставить все безъ послѣдствій, а Пушкинъ былъ очень радъ, что ему не придется очутиться въ смѣшномъ положеніи.

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8—9, стр. 1168—1169.

Наконецъ, во второй половинѣ 1822 года, по словамъ Бартенева ¹⁾ и *Зеленецкаго* ²⁾ Пушкинъ, опять за картами, повздоривши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвой ударилъ его въ лицо. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаиль, а противника его въ Новоселицу. Поѣздка въ Измаиль, по Буджацкой пустынь, надолго осталась памятна Пушкину. Ему надоѣла кишиневская жизнь, надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевой жизнью. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ таборомъ. Весьма вѣроятно, что у цыганъ Пушкинъ и назывался *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось и безъ любви, о чемъ даетъ право предполагать необыкновенная искренность и жизненность поэмы— „Цыгане“: въ жилахъ поэта текла та же восточная кровь.

Но было бы большою ошибкою думать, будто Пушкинъ являлся какимъ-то задорнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ. Всякій разъ, какъ онъ становился лицомъ къ лицу къ небольшому кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ своихъ, байронизмъ его исчезалъ весь безъ остатка, какъ облако, разнесенное вѣтромъ по небу. „Они имѣли,—говоритъ П. В. Анненковъ,—постоянное счастье видѣть простаго Пушкина, безъ всякихъ примѣсей, съ чарующей лаской слова и обращенія, съ неудержимой веселостію, съ честнымъ и добродушнымъ оттѣнкомъ въ каждой мысли. Чѣмъ онъ былъ тогда—хорошо обнаруживается и изъ множества глубокихъ, неизгладимыхъ привязанностей, какія онъ оставилъ послѣ себя. Замѣчательно при этомъ, что онъ всего свободнѣе раскрывалъ свою душу и сердце передъ добрыми, простыми, честными людьми, которые не мудрствовали съ нимъ о важныхъ вопросахъ, не занимались устройствомъ его образа мыслей и ничего отъ него не требовали, ничего не предлагали въ обмѣнъ или прибавку къ дружескому своему знакомству. Сверхъ того, въ Пушкинѣ безпрестанно сказывалась еще другая замѣчательная черта характера: онъ никакъ не могъ пропустить мимо себя безъ вниманія человѣка со скромнымъ, но дѣльнымъ трудомъ, забывая при этомъ всѣ требованія своего псевдобайроническаго кодекса, учившаго презирать людей, безъ послабленій и исключеній. Всякое сближеніе съ человѣкомъ серьезнаго характера, выбравшимъ себѣ родъ дѣятельности и честно проходящимъ его, имѣло силу уничтожать въ Пушкинѣ до корня всѣ байроническія замашки и превращать его опять въ настоящаго, неподдѣльнаго Пушкина. Онъ становился тогда способнымъ понимать стремленія и завѣтныя наде-

¹⁾ „Русск. Арх.“, 1866 г., кн. 8-9, стр. 179-181.

²⁾ „Москвитянинъ“. 1854 г., № 9, стр. 6.

жды лица, какъ еще онѣ ни были далеки отъ его собственныхъ идеаловъ, и при случаѣ давать совѣты, о которыхъ люди, ихъ получившіе, вспоминали потомъ долго и не безъ признательности. Такимъ образомъ, душевная прямота, внутренняя честность и дѣльное занятіе, встрѣчаемая имъ на своемъ пути, имѣли силу отрезвлять его отъ навожденій страсти ¹⁾).

Вообще, Пушкинъ, по единогласному завѣренію почти всѣхъ его біографовъ, былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ.

г. Измаилъ теперь.

¹⁾ П. В. Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 210-211.

Типъ цыганки.

А. С. Пушкинъ

— на югъ Россіи.

IX.

Шлѣй рядъ столкновеній въ самое короткое время первоначальнаго пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ заставилъ мѣстное общество говорить о немъ. Имя Пушкина всѣми произносилось *особымъ* тономъ и съ *особымъ* выраженіемъ лица. Одни видѣли въ немъ просто распущеннаго

„повѣсу“, въ то время какъ другіе окружали его ореоломъ таинственности и видѣли въ немъ какого-то демоническаго героя. Дѣйствительные, обыкновенные случаи и происшествія, въ которыхъ принималъ такое или иное участіе Пушкинъ, при передачѣ изъ устъ въ уста, разрослись до чисто-сказочныхъ размѣровъ, слагались цѣлыя легенды о его похожденияхъ. Достаточно сказать, что, напр., одинъ разъ Пушкинъ игралъ въ карты всю ночь и проигрался до копейки. Возвратившись съ разсвѣтомъ на свою квартиру, онъ зашелъ въ бакалейную лавку купца *Петрова* и потребовалъ вина. Нужно было заплатить, а денегъ не было; тогда Пушкинъ предложилъ хозяину послать съ нимъ на квартиру приказчика за полученіемъ денегъ.—„Ничего, будетъ за вами,—сказалъ хозяинъ: вы не захотите нашего“.—„Да вѣдь вы меня не знаете“.—„Какъ не знаемъ—вы господинъ Пушкинъ“.—„Что я Пушкинъ—вы это знаете, но дѣло въ томъ: отдамъ ли я вамъ деньги, этого навѣрно вы никакъ не можете знать“, отвѣчалъ Пушкинъ и съ этими словами снялъ съ себя фуражку и положилъ ее передъ купцомъ. Потомъ добавилъ: „Замѣтно, вы, г. Петровъ,

хотите дѣйствовать противъ собственныхъ убѣжденій. Вѣдь вы очень хорошо знаете принятое всѣми народами правило: почитай всѣхъ честными и живи со всѣми, какъ съ плутами, а потому,—прибавилъ Пушкинъ, указывая на фуражку,—я вамъ оставляю ее въ обезпеченіе“.—„Куконицы“ (барышни) рассказывали потомъ въ своихъ семейныхъ кругахъ, какъ „коконашъ“ (молодой баринъ) *Пушка* (ружье) прогуливался по городу безъ „кушмы“ (шапки).

Составленію такого взгляда на себя среди представителей и особенно представительницъ кишиневскаго общества Пушкинъ еще болѣе способствовалъ тѣмъ, что чуть не на каждомъ шагу выкидывалъ „шалости“ одна другой забавнѣе, одна другой смѣлѣе,—и въ этомъ отношеніи былъ неистощимъ и поразительно изобрѣтателенъ. Е. Францова рассказываетъ, что однажды, находясь въ костелѣ во время какой-то весьма торжественной службы, Пушкинъ вдругъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ неподходящій къ случаю веселый мотивъ на органѣ за приглашеніе къ танцамъ. Недолго думая, онъ стремительно подбѣжалъ къ молоденькой хорошенькой полькѣ и, вѣжливо передъ нею расшаркиваясь, предложилъ ей сдѣлать съ нимъ туръ мазурки въ длинномъ проходѣ, между двумя рядами поставленныхъ другъ противъ друга скамеекъ. Робкая барышня, будучи въ костелѣ одна, страшно испугалась такой неожиданности и, предполагая, что имѣетъ дѣло съ ускользнувшимъ изъ-подъ присмотра, сумасшедшимъ, сорвалась съ мѣста и бросилась вонъ изъ костела. Тогда Пушкинъ, догадавшись о ея заблужденіи, вздумалъ продолжать свою шутку и дальше. Онъ также выбѣжалъ вслѣдъ за мчавшеюся по улицамъ полькой и, не обращая вниманія на удивленіе и испугъ встрѣчавшихся по дорогѣ прохожихъ, съ дикимъ ревомъ и злобными возгласами настоящаго сумасшедшаго, долго гнался за барышней, подобно вѣтру летѣвшею изъ улицы въ улицу. Наконецъ, она вбѣжала въ открытыя ворота какого-то дома, куда Пушкинъ за нею не послѣдовалъ, а остановился на улицѣ противъ дома, гдѣ скрылась молодая полька, тотчасъ же съ любопытствомъ подбѣжавшая съ нѣсколькими дамами къ раскрытому окну на улицу. Пушкинъ, видимо, этого ожидалъ, и едва барышня стала у окна, какъ онъ, граціозно съ нею раскланявшись, послалъ ей воздушный поцѣлуй, сопровождая его такимъ экспромптомъ:

Попросилъ я варшавянку
Туръ со мной протанцовать....
Убѣжала.... Но бѣглянку
Я успѣлъ таки догнать,
Поцѣлуй потомъ послать
И въ окошко ей сказать,
Что хочу ее обнять!....

Послѣднее обстоятельство, само собою разумѣется, доказало молоденькой полькѣ, что сыгравшій съ нею такую nepозволительную шутку незнакомецъ далеко не былъ тѣмъ сумасшедшимъ, за какого она его приняла.... Черезъ нѣсколько времени Пушкину опять пришлось случайно встрѣтиться съ тою же барышней, при чемъ онъ совѣмъ ея не узналъ, она же узнала его сразу. Дѣло происходило въ концертѣ, гдѣ полька была уже съ матерью и, какъ на грѣхъ, сидѣла неподалеку отъ своего недавняго мистификатора. Но нужно предварительно замѣтить, что Пушкинъ, всегда и всѣхъ, не стѣняясь, фиксировавшій взглядомъ своимъ, самъ не могъ выносить ничьего пристальнаго на себѣ взгляда и приходилъ въ страшное раздраженіе, если замѣчалъ или чувствовалъ, что на него кто-либо смотритъ. Когда полька узнала своего недавняго преслѣдователя, то сейчасъ же указала на него матери и затѣмъ стала пристально смотрѣть на Пушкина вмѣстѣ съ послѣдней. Замѣтивъ это, Пушкинъ, продолжая не узнавать барышню, началъ мало-по-малу приходить все въ большій и большій гнѣвъ и, наконецъ, не выдержавъ, быстро сдѣлалъ шага два впередъ, остановившись вплотную предъ барышней, которую съ своей стороны сталъ нагло разсматривать, сверкая на нее загорѣвшимися гнѣвомъ глазами. Но барышня, сидя рядомъ съ матерью и зная теперь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, нисколько не испугалась и продолжала съ насмѣшливой улыбкой глядѣть на стоявшаго передъ ней поэта, вполне, впрочемъ, увѣренная, что онъ ее тотчасъ же узналъ и, по всей вѣроятности, сильно влюбленъ въ нее. Все это происходило въ антрактѣ, когда половина публики вышла изъ залы, и продѣлки двухъ молодыхъ людей были очень замѣтны тѣмъ, кто остался неподалеку отъ нихъ. Наконецъ, Пушкинъ, потерявъ всякое терпѣніе, громко воскликнулъ, не узнавая продолжавшей раздражать его молоденькой и слишкомъ уже самонадѣяннѣй барышни:

Ваши глазки и вашъ носъ
Задаютъ такой вопросъ:
„Не женихъ ли ты свободный,
Vis à vis мой благородный?“
Отвѣчаю вамъ сейчасъ,
Не бояся вашихъ глазъ,
Повторить готовъ сто разъ:
„Да, женихъ,—но не для васъ!“....

Можно себѣ представить, какъ сконфузилась бѣдная полька, услышавъ такой ироническій экспромптъ, обратившій на нее всеобщее насмѣшливое вниманіе оставшейся въ залѣ публики. Къ счастью, на эстрадѣ тотчасъ же кто-то запѣлъ, и сразу нахлынувшая

толпа слушателей помѣшала сосѣдямъ молодой дѣвушки смущать ее своимъ дальнѣйшимъ пытливымъ оглядываніемъ и довольно громкимъ шушуканьемъ. Пушкинъ же, проговоривъ экспромптъ, тотчасъ же успокоился и, какъ ни въ чемъ не бывало, равнодушно усѣлся на свое мѣсто, спиной къ барышнѣ и ея матери. Послѣдняя дотога была озадачена и разсержена неприличною выходкой сосѣда, что въ первую минуту не только не нашлась, что отвѣтить ему, но даже оставалась стоять на ногахъ съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ до тѣхъ поръ, пока опомнившаяся дочь не потянула ее съ силой за платье. Тутъ она, не владѣя, какъ слѣдуетъ, русскимъ языкомъ, начала буквально осыпать Пушкина всякими бранными словами, тогда какъ онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Сосѣди хохотали вокругъ отъ души и этимъ еще больше подзадоривали расходившуюся старую польку, вообразившую, что Пушкинъ изъ страха не отвѣчаетъ ей больше ни словомъ, ни жестомъ. Наконецъ, она, выложивъ весь свой запасъ комично выговариваемыхъ по-русски оскорбительныхъ словъ, торжествующе оглядѣла сосѣдей и прибавила, почти дотрогиваясь рукой до спины неподвижно сидѣвшаго передъ нею поэта: „Алежь добже рѣбитъ этотъ нахальный гѣманъ, что не покажетъ намъ своего чернаго цыганскаго образа. Не дай Богъ въ нѣчи такое бы выснілось, то я бы страшно спугалась и спать не змѣгла бы... *Сзади* онъ, дали Бугъ, лучшій, чѣмъ *съ тууду* (спереди).“ Не успѣла старуха окончить эту фразу, какъ Пушкинъ медленно поднялся во весь ростъ и, не поворачиваясь къ ней лицомъ, выразительно и громко проговорилъ, при всеобщемъ гомерическомъ хохотѣ ближайшихъ сосѣдей обоего пола: „Моя любезная и милая сосѣдка! *вы будете сейчасъ же вполне удовлетворены*“.. Затѣмъ Пушкинъ самымъ хладнокровнымъ образомъ позволилъ себѣ такую школьническую выходку, сопровождая ее соответствующими словами по адресу польки, отъ которой долго потомъ вся зала буквально помирала со смѣху. Обѣ польки стремительно выскочили изъ залы, а слишкомъ уже напраказившій поэтъ, хотя и опустился было очень спокойно на стулъ, но до окончанія концерта все же не оставался. ¹⁾

Та же Е. Францова рассказываетъ еще и о слѣдующей забавной продѣлкѣ Пушкина. Проживала въ то время въ Кишиневѣ княгиня Ка....же (*Караджи? Катаржи?*), которая страшно не любила всѣхъ русскихъ вообще, а Пушкина особенно ненавидѣла за его остроумныя и тонкія надъ нею насмѣшки. Княгиня эта, уже очень старая, но сильно молодившаяся и требовавшая поклоненія своей *искусственной* красотѣ, была страшно богата, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне одинока, не имѣя

¹⁾ „Русск. Обозр.“ 1897 г., мартъ, стр. 25—27.

никого близкихъ.. Единственною привязанностію ея былъ нообыкновенно способный ученый попугай, который удивительно быстро заучивалъ всякія фразы на какихъ бы то ни было языкахъ. Любила его княгиня, что называется, до безумія и ухаживала за нимъ съ нѣжностью самой преданной матери. Не смотря на множество крѣпостныхъ обоого пола, она сама кормила его изъ своихъ рукъ и довѣряла уходъ за нимъ двумъ специально къ нему приставленнымъ дѣвушкамъ только на время своего отсутствія изъ дома. Огромный домъ княгини находился какъ разъ въ такомъ мѣстѣ, которое непременно долженъ былъ проходить Пушкинъ, спускаясь отъ Инзова или поднимаясь къ нему обратно, возвращаясь изъ города. И вотъ этимъ-то обстоятельствомъ вздумала воспользоваться княгиня, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отомстить поэту за его вѣчныя надъ собой издѣвательства; она научила попугая нѣсколькимъ браннымъ фразамъ, которыя онъ, находясь на балконѣ, громко произносилъ, едва Пушкинъ появлялся на улицѣ: конечно, попугай не могъ узнавать его въ лицо и начиналъ свою брань, вѣроятно, повинуюсь какимъ-нибудь особеннымъ указаніямъ своей госпожи. Но, самолюбивый, вообще, поэтъ на этотъ разъ, не извѣстно почему, нисколько не сердился на мстительную княгиню, и даже самъ со смѣхомъ рассказывалъ всѣмъ и каждому о ея недостойныхъ знатной дамы продѣлкахъ. Не разъ онъ нарочно водилъ подъ балконъ княгини знакомыхъ своихъ, вмѣстѣ съ нимъ отвѣчавшихъ на каждую фразу попугая самымъ веселымъ и безобиднымъ смѣхомъ. Такой образъ дѣйствія былъ совсѣмъ не по вкусу княгинѣ, вслѣдствіе чего она скоро прекратила свои демонстраціи. Какъ вдругъ,—о ужасъ!—днемъ и ночью оберегаемая птица внезапно исчезаетъ изъ дому, не извѣстно какъ и куда. Трудно себѣ представить, какой переполохъ произвела эта пропажа въ домѣ княгини. Не смотря на самые тщательные розыски всѣхъ дворовыхъ и городской полиціи, попугая нигдѣ не могли найти. Убитая искреннимъ горемъ, княгиня слегла въ постель и заболѣла такъ серьезно, что доктора долго не могли поручиться за ея выздоровленіе. Но время сдѣлало свое, и мало-по-малу княгиня, хотя и не забыла своего любимца, но окрѣпла снова настолько, что могла попрежнему находить удовольствіе въ воображаемомъ поклоненіи мужчинъ своей красотѣ. Полгода, впрочемъ, прошло, прежде чѣмъ она въ первый разъ послѣ удара рѣшилась показаться на одномъ многолюдномъ балу, гдѣ ее тотчасъ же окружила толпа заискивавшей у богатой старухи молодежи. Но вотъ въ залу медленно входитъ Пушкинъ и, почтительно поклонившись княгинѣ, безмолвно вынимаетъ изъ-подъ фрака пропавшаго попугая. Затѣмъ, прежде чѣмъ, пораженная точно громомъ, княгиня могла раскрыть ротъ отъ удивленія, Пушкинъ внушительно говоритъ нахохлившемуся попугаю:

— Попка! вотъ она, милая княгиня твоя...

— Неправда, не милая она, а злая, противная, раскрашенная старая вѣдьма!, злобно выкрикиваетъ на всю залу хорошо выученный поэтось попугай и въ страхѣ прячется снова подѣ фракъ своего новаго учителя и хозяина. Княгиню безѣ чувствъ вынесли изъ залы и отвезли въ каретѣ домой ¹⁾...

Одна молдаванская барыня любила снимать въ обществѣ, незамѣтно для присутствующихъ, башмаки, садясь на широкой молдаванской диванъ (тогдашніе башмаки походили на нынѣшніе туфли и легко снимались съ ноги). Пушкинъ на одномъ изъ собраний ухитрился стащить снятыя башмаки,—и барыня, когда ей пришлось встать съ дивана, чтобы не поставить себя въ неловкое положеніе, вынуждена была пройтись въ однихъ чулкахъ до дверей, гдѣ Пушкинъ подставилъ ей башмаки, добродушно извинившись за свою проказу.

Подобнаго рода *невинныя проказы* очень часто оживляли семейныя собранія, всѣмъ нравились и дѣлали Пушкина желаннымъ гостемъ. Всѣ, наприимѣръ, отъ души хохотали, когда онъ подойдетъ, бывало, къ ломберному столу и въ одну минуту нарисуетъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ (часто дѣлалъ онъ это въ гостиныхъ, на листѣ бумаги, карандашомъ) съ поразительно-уморительнымъ сходствомъ сестру кишиневскаго губернатора Катакази—*Тарсису* (престарѣлую дѣву) Мадонной и на рукахъ у нея младенцемъ генерала *Шульмана*, съ оригинальной большой головой, въ огромныхъ очкахъ, съ поднятыми руками и т. д. Или нарисуетъ жену вице-губернатора М. Е. Крупянского, у которой былъ восточный типъ,—похожа; расчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выйдетъ самъ онъ; на ту же голову накинеть карандашомъ чепчикъ,—получается опять Крупянская.

Имѣя успѣхъ среди женщинъ Кишиневскаго общества, Пушкинъ и самъ—на очень, впрочемъ, короткое время,—увлекался нѣкоторыми изъ нихъ. Больше другихъ увлекался онъ женою оберъ-берггауптмана *Марьей Еюровой Эйхфельдтъ* ²⁾, урожденною *Мило*; дочерью члена верховнаго совѣта, у котораго весьма часто устраивались танцевальныя вечера, *Пульхерицей* Вареоломей; дочерью боярина, первой кишиневской красавицей *Марьей Рали*, или *Земфираки*; дочерью предсѣдателя врачебной управы *Марьей Петровной Шрейберъ*; женою подполковника *Викторіей Ивановной Вакаръ*; миловидной и живой пѣвицей *Аникой Сандулаки*; женою полкового командира Охотскаго полка *Еленой Θεодоровной Солов-*

¹⁾ „Русск. Обозрѣн.“, 1897 г., мартъ, стр. 28—29.

²⁾ М. Е. Эйхфельдтъ, за воображаемое сходство съ *Ревеккой* Вальтеръ-Скоттовскаго романа; „Айвенго“, получила прозваніе еврейки; но ее не должно смѣшивать съ „еврейкой“ циническихъ эпиграммъ Пушкина.

киной и нѣк. др. Предметомъ временнаго каприза поэта была, между прочимъ, и пресловутая *Калипсо Полихрони*. Она бѣжала изъ Константинополя послѣ этеріи сначала въ Одессу, около же половины 1821 года, вмѣстѣ съ своею матерью, вдовой логоета, поселилась въ двухъ маленькихъ комнатахъ въ Кишиневѣ. Въ обществѣ она очень рѣдко показывалась; но Пушкинъ любилъ посѣщать убогую квартиру Полихрони и слушать оригинальныя, по сопровождавшимъ ихъ жестахъ и игрѣ глазъ, а также по напѣвамъ, турецкія пѣсни, которыя хорошо пѣла Калипсо. Изъ себя же Калипсо была скорѣе даже не красива. Она была чрезвычайно маленькаго роста, какая-то недоразвившаяся физически; длинное, сухое лицо ея, сверху до низу какъ бы раздѣленное на двѣ половины огромнымъ носомъ, всегда было нарумянено, по турецкому обычаю, господствующему и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ блистательной Порты; большіе огненные глаза, подведенные „сурьме,“ горѣли, какъ огонь; густые длинные волосы волнистыми прядями разсыпались по плечамъ и спинѣ. Калипсо умѣла говорить только по-гречески и по-румынски, и не извѣстно, какимъ образомъ могъ объясняться съ ней Пушкинъ, незнавшій ни греческаго, ни румынскаго языковъ.

Болѣе серьезнымъ увлеченіемъ Пушкина въ Кишиневѣ было увлеченіе его *Людмилой И-зи*. За нѣсколько лѣтъ до „ссылки“ Пушкина на югъ Россіи Людмила И-зи была простой кочующей по Бессарабіи цыганкой *Шекарой*. Необыкновенная красота Шекары совершенно свела съ ума молодого богатаго румына Бо-ско, и онъ въ концѣ концовъ женился на Шекарѣ, такъ какъ родители ея не согласились ни за какія деньги продать дочь въ сераль Бо-ско. Года черезъ полтора послѣ женитьбы Бо-ско на охотѣ неловко перепрыгнулъ черезъ оврагъ, сломалъ ногу и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого завѣщанія. Всѣ думали, что единственной наслѣдницей состоянія Бо-ско будетъ Людмила; но вскорѣ послѣ его смерти въ Кишиневъ пріѣхали родственники Бо-ско, съ неоспоримыми доказательствами на право полученія имѣнія. Такимъ образомъ, Людмила, этотъ избалованный роскошью ребенокъ, осталась нищей. Положеніе ея было безвыходное: Кишиневскій богачъ *И-зи*, уже давно ухаживавшій за Людмилой, воспользовался этимъ ея положеніемъ и предложилъ ей руку и сердце. Хотя Людмила и не любила И-зи, но выбирать было не изъ чего, и она приняла предложеніе. Прошло два мѣсяца послѣ свадьбы, какъ въ Кишиневъ пріѣхалъ Пушкинъ, вскорѣ сдѣлавшійся душею общества. Пушкина съ радостью принимали во всѣхъ „бонтонныхъ“ домахъ Кишинева, въ томъ числѣ и у И-зи. Пылкій потомокъ африканца, онъ съ перваго же взгляда влюбился въ Людмилу и съ чрезвычайной ревностью скрывалъ отъ всѣхъ свое чувство. „Былъ воскресный день,—разсказываетъ кишиневскій ста-

рожилъ художникъ-любитель *Градовъ*, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ: съ утра у меня сильно болѣла голова, и потому я послѣ обѣда легъ заснуть. Не успѣлъ я раздѣться и лечь, какъ въ мою дверь раздался сильный стукъ. Раздосадованный на непрошеннаго гостя, я надѣлъ туфли и, набросивъ на плечи халатъ, отворилъ дверь. Предо мной стоялъ Пушкинъ.—„Голубчикъ мой!—бросился онъ ко мнѣ: уступи для меня квартиру свою до вечера. Не спрашивай ничего, разскажу послѣ, а теперь некогда; здѣсь ждетъ одна дама,—да вотъ я введу ее сейчасъ сюда“ вскричалъ онъ и бросился къ дверямъ.—„Пушкинъ, подожди, ради Бога,“ произнесъ я, стараясь его удержать; но уже было поздно. Онъ отворилъ дверь, и въ комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черной вуалью, въ которой я однако съ перваго взгляда узналъ Людмилу. Положеніе мое было болѣе нежели щекотливое: я былъ, какъ уже выше замѣтилъ, въ домашнемъ дезабилье. Схвативъ сапоги и лежавшее на стулѣ верхнее платье, я стремглавъ бросился изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.“¹⁾—Впослѣдствіи все объяснилось. Пушкинъ и Людмила И-зи гуляли вдвоемъ въ одномъ изъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Кишинева садовъ. Мальчикъ, бывшій постоянно при этихъ tête à tête на-сторожѣ, далъ имъ знать, что ѣдетъ И-зи, который уже давно подозрѣвалъ связь Людмилы съ Пушкинымъ и старался поймать ихъ вмѣстѣ. Пушкинъ, испугавшійся не за себя, а за Людмилу, ускакалъ съ ней съ другой стороны и, чтобы запутать преслѣдователей, привезъ ее къ Градову. Однако это не помогло. На другой день И-зи заперъ Людмилу на замокъ и вызвалъ Пушкина на дуэль, которую Пушкинъ принялъ. Пушкинъ просилъ Градова быть секундантомъ. Дуэль назначена была на слѣдующій день утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь садъ *Романдина*; но о предстоящей дуэли кто-то донесъ генераль-губернатору Инзову, который приказалъ явиться Пушкину и И-зи. Пушкину Инзовъ приказалъ вести себя болѣе прилично, не принимать вызововъ на дуэли и арестовалъ его на десять дней на гауптвахтѣ; а И-зи вручилъ билетъ, въ которомъ значилось, что ему разрѣшается выѣздъ за границу вмѣстѣ съ женой на одинъ годъ. И-зи понялъ намекъ и на другой день выѣхалъ съ Людмилой изъ *Кишинева*. Такимъ образомъ, дуэль не состоялась.

Пушкинъ долго тосковалъ по Людмилѣ и утѣшился только съ переѣздомъ въ Одессу, въ 1823 году, когда его назначили чиновникомъ канцеляріи новаго намѣстника Бессарабіи и Новороссійскаго генераль-губернатора графа *М. С. Воронцова*. Не такова была судьба несчастной Людмилы. Послѣ исторіи съ Пушкинымъ мужъ началъ сильно ее притѣс-

¹⁾ „Одесск. Вѣстн.“ 25 мая 1880 г., № 116; В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи,“ стр. 89—90.

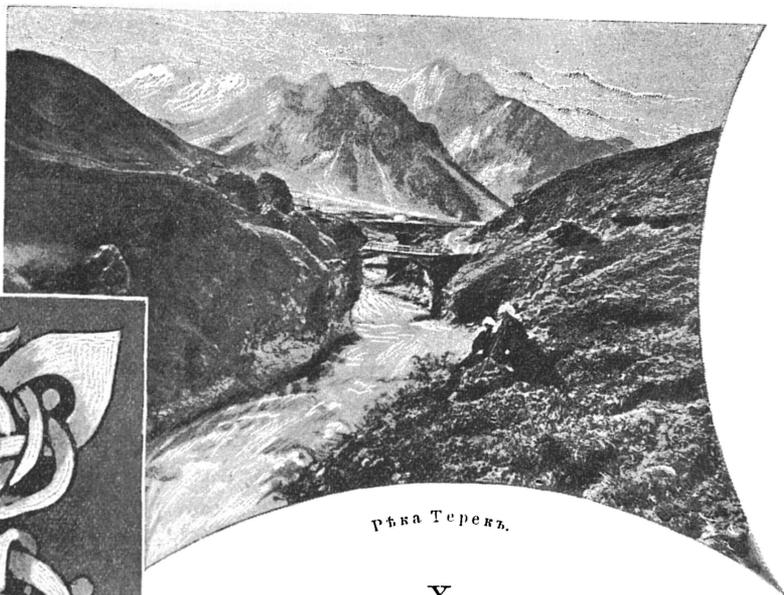
нять; она получила чахотку и умерла въ Кишиневѣ, куда возвратилась съ мужемъ послѣ отъѣзда Пушкина въ Одессу. Кромѣ того, на нее сильно подѣйствовалъ слухъ о новомъ увлеченіи Пушкина въ Одессѣ.

Людмила И-зи имѣла большое вліяніе на творческій духъ Пушкина. Подъ вліяніемъ этой прелестной цыганки Пушкинъ изучалъ бытъ цыганъ, массами бродившихъ тогда по Бессарабіи. Его „Цыгане“ были, между прочимъ, отчасти плодомъ любви къ Людмилѣ, которую онъ увѣковѣчилъ въ образѣ *Земфиры*. Предъ смертью Людмила не скрывала своей искренней и горячей любви къ Пушкину, что дало ему поводъ вложить въ уста Земфиры слѣдующія слова:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня,—
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня!
Ненавижу тебя,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя.

Красавица молдаванка.

рѣка Терекъ.

Х.

въ ноябрѣ 1822 года Пушкинъ во второй—и уже въ послѣдній—разъ побывалъ въ Каменкѣ у Раевскихъ и Давыдовыхъ. Встрѣтившійся здѣсь съ нимъ одинъ изъ его петербургскихъ знакомыхъ рассказываетъ слѣдующее о пребываніи и по поводу пребыванія въ это время въ Каменкѣ Пушкина: „Пріѣхавъ въ Каменку, я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ, какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я—мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю. Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день обѣдали внизу у старушки-матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, впослѣдствіи вышедшая въ Парижъ за генерала *Себастьяни*, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ воображалъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, покраснѣвши, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она, бѣдная, не знала, что дѣлать, и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя.“—„Я хочу наказать кокетку,—отвѣчалъ онъ: прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось

мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общегитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности неловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая *Каверина* и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ. При этомъ онъ рассказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. Зато, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ поэтовъ и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился, какъ я его знаю..... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ.“¹⁾

Поѣздка въ Каменку, какъ и слѣдовало ожидать, не только не умиротворила „мятежнаго“ духа поэта, но еще болѣе разстроила его. Если вдали отъ Каменскихъ друзей—и особенно отъ А. Н. Раевского—въ Пушкинѣ началъ было уже отчасти перегорать *русскій байронизмъ*, на что указываютъ нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній этого времени; то теперь, съ оживленіемъ пережитыхъ, полузабытыхъ впечатлѣній новымъ свиданіемъ и новыми бесѣдами, онъ опять овладѣваетъ Пушкинымъ съ первоначальною силою.

Посѣтивши Кіевъ, Пушкинъ всецѣло проникается здѣсь національнымъ чувствомъ и народностью и подъ этимъ впечатлѣніемъ создаетъ всѣмъ хорошо извѣстную „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ,“ которой одной было бы совершенно достаточно для того, чтобы признать его художникомъ первой величины.

Въ Кишиневъ Пушкинъ возвратился гнетущимъ и тяжелымъ чувствомъ; здѣсь уже не было М. Ѳ. Орлова, причисленнаго, по служебнымъ непріятностямъ съ корпуснымъ командиромъ *Сабантьевымъ*, къ арміи, а вскорѣ не стало и П. С. Пуцина, уволеннаго отъ службы по той же причинѣ. Съ удаленіемъ ихъ изъ Кишинева, кружокъ людей, съ которыми Александръ Сергѣевичъ отводилъ душу, какъ-то сразу опустѣлъ. Рвался раньше Пушкинъ въ столицу и со дня на день съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ петербургскихъ друзей благопріятныхъ вѣстей, теперь жизнь въ Кишиневѣ становится для него совсѣмъ не въ моту тѣмъ болѣе, что еще раньше посланное имъ са-

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., кн. 8—9, стр. 1182—1184.

мимъ къ завѣдывавшему въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. *Нессельроде* прошеніе такъ и осталось безъ отвѣта. Кишиневскія похождения его и непечатныя произведенія были хорошо извѣстны въ столицѣ, въ особенности благодаря легкомысленной, неосторожной болтливости брата, и надежда на Всемиловѣйшее прощеніе являлась до поры до времени сладкой, но несбыточной мечтой.

Опять начались „исторіи,“ сопровождавшіяся подчасъ и служебными непріятностями. Одну изъ такихъ „исторій“ сообщаетъ, между прочимъ, Е. Францова. Въ виду того, что сообщаемый ею эпизодъ, и собственно сопровождавшія его послѣдствія—нѣсколько не согласуются съ свѣдѣніями біографовъ Пушкина, и даже относительно показанія времени Е. Францова отчасти сама себѣ противорѣчитъ, оставляемъ крайне любопытный въ біографическомъ отношеніи рассказъ этотъ на ея полной отвѣтственности.

Приглашенъ былъ Пушкинъ вмѣстѣ съ Кириенко-Волошиновымъ въ деревню Паулешты, принадлежавшую помѣщику *Дино-Руссо*. Молодые люди не могли пріѣхать въ назначенный день и явились въ деревню двумя днями позже, такъ что ихъ тамъ уже не ждали. Подъѣзжая роскошнымъ лѣсомъ къ усадьбѣ, они рѣшили пройти оставшіяся двѣ—три версты пѣшкомъ, привязавъ къ дереву своихъ лошадей, за которыми думали потомъ послать кого-либо. Подходя продолжавшимся вплотъ до самаго двора лѣсомъ, они вдругъ услышали какіе-то раздирающіе душу женскіе крики, вслѣдъ за которыми прогремѣлъ имъ въ отвѣтъ сильный голосъ мужчины, оказавшагося самимъ хозяиномъ деревни. Молодые люди, еще ничего не видя, въ ужасѣ остановились на мѣстѣ и стали прислушиваться къ дальнѣйшему. Стихнулъ грозный голосъ мужчины, и снова начались рыданія женщины, сопровождаемая такими словами (приводимъ ихъ въ переводѣ съ цыганскаго):

— О, прости меня, господинъ мой, прости!... Дѣлай все, что хочешь, съ тѣломъ моимъ, но не портъ мнѣ лица моего грѣшнаго, которое далъ мнѣ святой мой Богъ!...

На это жалобное воззваніе женскаго голоса помѣщикъ хрипло, но громко заоралъ во все горло слѣдующее приказаніе:

— Молчи проклятая чертова дѣвка!... Не открывай своего поганого и злого рта!...

Все это слышали молодые люди уже подъ самымъ балкономъ, а вслѣдъ затѣмъ увидѣли такую картину: посреди балкона стояла привязанная къ столбу высокая и совсѣмъ нагая молодая женщина съ длинными, распущенными, волнистыми волосами, которые, какъ мантией, покрывали все тѣло ея немного ниже колѣнъ. Самъ помѣщикъ стоялъ тутъ же около нея и, обмакивая громадную кисть въ ведро съ дегтемъ, мазалъ ею, куда попало, несчастную женщину (видимо—крѣ-

постную цыганку), отчаянно вертѣвшую головой въ разныя стороны въ надеждѣ спасти отъ этой мазни хоть лицо... Кириенко-Волошиновъ не успѣлъ еще ничего разсмотрѣть, какъ Пушкинъ уже во весь духъ мчался по лѣстницѣ вверхъ. Скоро съ балкона раздался страшный, нечеловѣчскій ревъ хозяина усадьбы, на который издали бѣжали со всѣхъ сторонъ обоего пола дворовые. Когда Кириенко-Волошиновъ съ своей стороны очутился на томъ же балконѣ, то первое, что ему бросилось въ глаза, было блѣдное, какъ смерть, лицо Пушкина, спѣшно освобождавшаго молодую женщину отъ веревокъ. Затѣмъ тутъ же неподалеку онъ увидѣлъ распростертаго на полу помѣщика съ окровавленной головой и лицомъ и толстую желѣзную палку поэта, серебряный набалдашникъ которой изображалъ *мертвую голову*. ¹⁾

Вслѣдствіе жалобы Дино-Руссо, Инзовъ надолго послалъ Пушкина въ дальнія степи *слыдить* за истребленіемъ саранчи, ежегодно наводившей почти всю Бессарабію. Пушкинъ безропотно подчинился строгому требованію Инзова, но и здѣсь не обошелся безъ шутки. Вотъ какогорода донесеніе прислалъ онъ своему начальнику, который требовалъ письменнаго отчета отъ Пушкина изъ командировки:

„Имѣю честь донести вашему превосходительству, что, согласно строгому предписанію вашему, я имѣлъ величайшее неудовольствіе при-быть вчера въ тѣ степи безводныя, окруженныя лѣсами безплодными, гдѣ искренно желалъ бы видѣть собственную особу вашего превосходительства, вмѣсто себя самого. До самой ночи нетерпѣливо ждалъ я

¹⁾ На этого Дино-Руссо Пушкинъ написалъ потомъ довольно злую эпиграмму, начинавшуюся такъ:

Вы знаете-ль Кукѣно (господина) Діно?
Каковъ древнѣйшій славный родъ?
Ниняка луй о фѣсть (мать его была) скотина,
Бабака ярь о фѣсть унь (отецъ былъ также) скоть.
Всѣ въ Кишиневѣ увѣряють,
Что и прапрадѣдъ былъ съ хвостомъ,
Но только въ точности не знаютъ,
Свиньей родился, иль осломъ.
Изъ поколѣнья въ поколѣнье
Такимъ манеромъ дѣло шло,
И двухъ скотовъ соединенье
Себя на Дино превзошло:
Онъ былъ съ большою головою,
Съ огромнымъ вздутымъ животомъ,
Съ жестокой, звѣрскою душою,
Но съ человѣческимъ лицомъ.
Да, впрочемъ, незачѣмъ портрета
Еще точнѣ рисовать:
Знакома всѣмъ фигура эта,
Ее нельзя вѣдь не узнать....

страшнаго появленія одной изъ казней египетскихъ, которая должна была бы внести какое-нибудь развлеченіе въ мою здѣсь однообразно печальную жизнь на лонѣ румынской природы. Однако, не смотря на горячія мои молитвы ко Господу о скорѣйшемъ посланіи бича Своего на жирныя нивы народныя, саранча все же не появилась не только вчера, но даже и нынче ея до самаго вечера не было видно. Уже въ сумеркахъ началъ я съ радостью замѣчать на горизонтѣ огромныя тучи этихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ, съ быстротой вѣтра мчавшихся въ сторону привлекательно желтѣвшихъ посѣвовъ народа румынскаго... Итакъ, имѣю честь официально извѣстить особу вашего превосходительства, что столь усердно желаемое вашимъ покорнѣйшимъ слугой событіе, наконецъ, совершилось нынче, въ половинѣ восьмого часа по-полудни. Я собственными очами имѣлъ великое удовольствіе зрѣть, какъ сія, не имѣющая понятія о правахъ собственности, тварь все летѣла, летѣла, летѣла...

Цѣлая вслѣдъ затѣмъ страница была покрыта однимъ этимъ словомъ „летѣла“, и ничего больше на ней написано не было. Слѣдующая страница этого quasi—официальнаго донесенія начиналась такъ: „И вотъ гнусная саранча, наконецъ, къ самому моему носу тучами подлетѣла и на зрѣлыя почти нивы румынскія торжествуя сѣла. Тогда я, въ страхѣ быть ею съѣденнымъ по ошибкѣ, стремительно удалился отъ нея на почтительное разстояніе и уже оттуда сталъ ее *наблюдать издали, дабы имѣть возможность исполнить предписаніе вашего превосходительства въ точности.* Однако, какъ ни старательно напрягалъ я свое зрѣніе, а все же не могъ ясно разсмотрѣть дѣйствія этой безсозвѣстной твари. Поэтому, не могу съ достовѣрностью доложить вашему превосходительству, жрала ли она на самомъ дѣлѣ пшеницу, или такъ только присѣла на нее отдохнуть и лишь отъ скуки, въ родѣ меня, погрызвала по временамъ изъ нея зернышки. Въ одномъ могу съ полнымъ убѣжденіемъ завѣрить особу вашего превосходительства, а именно: вся эта несмѣтная туча саранчи обоего пола и разнаго, повидимому, возраста на хлѣбныхъ поляхъ сидѣла, сидѣла, сидѣла“...

Снова цѣлая страница была исписана словомъ „сидѣла“. Наконецъ, послѣдняя страница заключала въ себѣ слѣдующее: „Неразумные и жестокіе по природѣ своей пейзажи румынскіе (происходятъ отъ древнихъ римлянъ) вздумали было нещадно истреблять невооруженнаго ничѣмъ врага своего всякимъ, неблагогоднаго вида, орудіемъ, въ родѣ дубинъ, лопатъ и т. п. некрасивыхъ вещей. Но здѣсь я активно вступилъ, наконецъ, въ *данныя мнѣ вишимъ превосходительствомъ права* и бить саранчу не позволилъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что, согласно всѣмъ извѣстному правилу, „лежачаго не бьютъ“, а потомъ еще потому, что подобнаго рода поголовное избіеніе несопротивляющихся со-

зданій Господнихъ можетъ быть не угодно Самому наславшему ихъ на румынскій народъ Господу Богу. Не даромъ, вѣдь, какъ, вѣроятно, не безызвѣстно и самой особѣ вашего превосходительства, на прозрачныхъ крылышкахъ саранчи ясно написано мелкими римскими письменами: „я ёстемъ саранѣ, отъ Бога насланѣ“... Не угодно-ли послѣ этого противиться волѣ Господней и звѣрскимъ образомъ уничтожать безоружную, спокойную тварь, Самимъ Господомъ такъ или иначе отмѣченную?... я, по крайней мѣрѣ, убоился грѣха и, повторяю, не допустилъ до подобнаго безобразія...

P. S.

Что дѣлать дальше я не знаю,
Прошу инструкціи прислать,
Но только васъ предупреждаю:
Ее не дамъ я убивать!
Вернуться мнѣ, или остаться
Еще *следитъ* за саранчей?...
Затѣмъ позвольте подписаться
Покорнымъ вѣчно вамъ слугой.
Александръ Пушкинъ“...

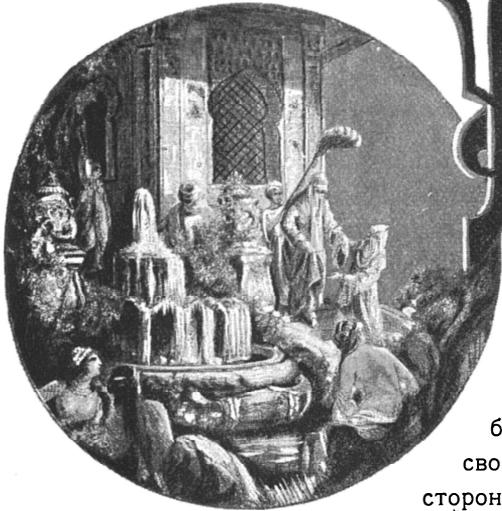

Дарыльское ущелье.

А. С. ПУШКИНЪ

НА ЮГЪ РОССІИ.

Бахчисарайскій фонтанъ.

ХІ.

влеченія страсти, остроумныя выходки живого ума, кажущаяся беспорядочность и беззаботная безопасность жизни, близко граничившія съ полнымъ легкомысліемъ, нисколько не мѣшали однако занятіямъ Пушкина поэзіей. Творческій геній его въ бурный періодъ кишиневской жизни росъ и мужалъ съ поразительной быстротою, хотя Александръ Сергѣевичъ не особенно спѣшилъ съ печатаніемъ новыхъ своихъ произведеній, такъ какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе рѣдкой своей художественной добросовѣстности, по возможности, не давалъ въ печать ни одного произведенія, котораго не считалъ вполне отдѣльнымъ; съ другой стороны, онъ имѣлъ въ виду издать ихъ отдѣльно книгою, а не печатать исподволь, въ журналахъ и альманахахъ. Въ Кишиневѣ имъ написано около 70 лирическихъ произведеній, двѣ пропавшія въ рукописи повѣсти въ прозѣ: 1) „Дука, молдавское преданіе XVII вѣка“ 2) „Дафна и Дабижа, молдавское преданіе 1663 г.“, и въ общемъ набросана поэма: „Бахчисарайскій фонтанъ“, окончательно отдѣланная потомъ уже въ Одессѣ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разборъ богатаго и весьма цѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отдѣла кишиневскихъ произведеній Пушкина, такъ какъ это значительно увеличило бы объемъ и безъ того уже слишкомъ растянувшагося нашего очерка; но не можемъ не сказать о происхожденіи поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ“ въ виду

того, что въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1890-й годъ (стр. 320—331) обнародованы *Ив. Ѳедоровымъ* нѣкоторыя данныя, проливающія *совершенно новый* свѣтъ на происхождение поэмы.

При появленіи въ свѣтъ поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ“, по словамъ П. В. Анненкова, всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились въ одну похвалу неслыханной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка, и только дальнѣйшее развитіе автора показало, что русскій стихъ еще болѣе можетъ быть усовершенствованъ“¹⁾. Въ поэмѣ, правда, сказалось въ значительной степени вліяніе Байрона на нашего поэта, въ особенности въ созданіи образа влюбленнаго крымскаго хана Гирея. Но это вліяніе было не настолько уже сильно, какъ его обыкновенно представляютъ, и сводится только лишь къ духовному родству Гирея съ нѣкоторыми героями Байрона, объясняемому постояннымъ чтеніемъ Пушкинымъ произведеній британскаго поэта.

О происхожденіи поэмы сохранились слѣдующія извѣстія въ письмахъ самого Пушкина: „... Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Ек. Н. Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des l'armes;“²⁾ радуюсь, что *Фонтанъ* мой шумитъ. Недостатокъ плана—не моя вина. Я суетѣрно перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны“³⁾.

До сихъ поръ обыкновенно, думали, что невольницею, въ которую такъ страстно влюбился Гирей, была гр. *Марія Потоцкая*, взятая въ плѣнъ крымскимъ ханомъ, поэтическую легенду о которой и сообщила Пушкину Ек. Н. Раевская. Но г. Ѳедоровъ вотъ что рассказываетъ о своемъ случайномъ знакомствѣ въ концѣ 1888 года съ ветераномъ войнъ 1821—1828, 1854 и 1877 гг. отставнымъ полковникомъ 85-лѣтнимъ *Х—ри*, грекомъ по происхожденію (умеръ въ январѣ 1890 г.).

Въ Одессу *Х—ри* впервые прибылъ въ 1813 г., тотчасъ по прекращеніи чумы и снятіи карантина. На вопросъ г. Ѳедорова: „А Пушкина вы помните?“ *Х—ри* отвѣчалъ: „Нѣтъ, меня въ то время не было въ Одессѣ, я былъ въ Аѣинахъ, но стихи его читалъ; стихи хороши, но не правдивы“.—„Да вѣдь стихи—фантазія поэта,—замѣтилъ на

¹⁾ „А. С. Пушкимъ. Матер. для его біогр. и оц. произв.“, стр. 97.

²⁾ Письмо къ бар. А. А. Дельвигу изъ с. Михайловскаго (дек. 1824 г.).

³⁾ Письмо къ А. А. Бестужеву отъ 8 февр. 1824 г.

это Федоровъ: это вѣдь не исторія“.—„Да, но все же странно читать, что въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* онъ назвалъ невольницу Гирея княжною *Маріей Потоцкой*, тогда какъ это была настоящая гречанка *Динора Хіонисъ*, первая красавица не только въ Салоникахъ, но и во всемъ Царьградѣ“.—„Откуда же вы это знаете?“ спросилъ Федоровъ.—„Какъ откуда! Динора, названная ханомъ *Диларою*, была даже мнѣ сродни. Она была падчерицей брата моего родного дѣда. На досугѣ я набросалъ на бумагѣ вкратцѣ эту исторію; только я писалъ по-гречески и для себя, не какъ писатель. Хотите, я подарю вамъ эту рукопись?“—„Сдѣлайте одолженіе. Въ Одессѣ есть много грековъ, которые сдѣлаютъ мнѣ переводъ вашихъ замѣтокъ“.—Старикъ вынулъ изъ ящика нѣсколько исписанныхъ листовъ и подалъ ихъ Федорову, прибавивъ:—„Умру—по крайней мѣрѣ, память обо мнѣ останется“.

Рукопись, послѣ перевода ея, была сличена Федоровымъ съ нѣкоторыми историческими документами и историческими извѣстіями о послѣднихъ крымскихъ ханахъ и съ мѣстными преданіями и затѣмъ обнародована имъ.

Это было въ 1764 году. Братъ родного дяди Х—ри *Діомидъ* женился въ Салоникахъ на красивой гречанкѣ, вдовѣ Хіонисъ. Первый мужъ ея—Хіонисъ былъ откупщикомъ скота въ Крыму, въ Кафскомъ (Феодосійскомъ) каймаканствѣ. Послѣ смерти мужа Марія Хіонисъ прибыла къ роднымъ въ Салоники, гдѣ и поселилась. У нея была дочь лѣтъ четырнадцати. Динора была въ полномъ смыслѣ красавица, знала русскій и татарскій языки, прекрасно пѣла, играла на арфѣ и вышивала золотомъ. Высокаго роста, превосходно сложенная, съ черными, длинными волосами, маленькимъ ротикомъ и полными губками, съ огненными выразительными глазами, она обращала на себя вниманіе всѣхъ мужчинъ, которые только видѣли ее. Засматривался на нее и ея отчимъ. Тогда мать Диноры, чуть не молившаяся на дочь, вдругъ страшно возненавидѣла ее. Могла бы въ концѣ концовъ разыгратъ потрясающая семейная драма, но, къ счастью, родной дядя Диноры, жившій въ Кафѣ (Феодосіи), узнавъ о печальномъ положеніи племянницы, вызвалъ ее къ себѣ въ Крымъ.

Въ гавани грузилось судно для отправки въ Запорожье маслинъ, изюму, оливы, вина и другихъ предметовъ потребленія. Товаръ сопровождали купецъ Еремей *Пирсосяниковъ*, изъ крѣпости св. Дмитрія, съ полтавскимъ купцомъ Михаиломъ *Кованькэ*. Судно должно было идти въ Азовское море, но съ остановкою въ Кафѣ. Этимъ случаемъ воспользовалась мать Диноры, чтобы отправить дочь на родину. Въ нѣсколько дней Динору снарядили въ дорогу. Мать ни за что не позволила отчиму сопровождать ее.

До Чернаго моря, т. е. до выхода изъ проливовъ, погода стояла благопріятная; но какъ только судно вошло въ Черное море, поднялась страшная буря. Судно потеряло мачты и паруса и, не слушая руля, гонимое восточнымъ вѣтромъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, прибыло въ Очаковъ. Пиросяниковъ и Кованько находились въ весьма затруднительномъ положеніи: выйти въ море въ бурную погоду, съ полуразбитымъ судномъ—было не мыслимо; на исправленіе аварии требовалось не менѣе мѣсяца,—а между тѣмъ, товары на суднѣ могли испортиться. Кромѣ того, какимъ путемъ переслать въ Кафу дѣвочку Динору?—Рано утромъ прибылъ на судно очаковскій паша *Сеидъ-Магметъ*. Пиросяниковъ и Кованько, предъявивъ пашѣ свои документы, начали просить его о пропускѣ товаровъ ихъ въ Запорожье. Паша не далъ согласія, но заявилъ, что конфискуетъ всѣ товары, если судно въ теченіе семи дней не отправится въ Козловскую таможду (нынѣ Евпаторію). Зашедши въ каюту и увидѣвши Динору, паша былъ пораженъ ея красотою. На вопросъ: кто эта дѣвушка?—Кованько объяснилъ пашѣ всѣ подробности, при чемъ высказалъ тѣ затрудненія, которыя представляются, при настоящемъ положеніи дѣла, относительно исполненія просьбы матери Диноры. Паша тотчасъ же смекнулъ, что можетъ получить не мало золота и почестей, если доставить Динору крымскому хану Крымъ-Гирею.

— Я отправляю свою ханымъ къ брату ея, тамаскому каймакану *Хаджъ-Казы-Атъ*,—сказалъ паша, обращаясь къ Кованько: если хочешь, то дѣвочку доставятъ въ Кафу благополучно. Завтра идетъ туда большое судно.

Переговоривъ между собою, Пиросяниковъ и Кованько изъявили согласіе. Динора не протестовала; ей хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до мѣста.

Очаковскій паша Сеидъ-Магметъ немедленно отправился самъ въ Бахчисарай съ Динорой, взявъ съ собою для услугъ послѣдней старую свою служанку. Ханъ *Гирей* страшно тосковалъ въ этомъ году: „шайтанъ“ едва „не слопалъ луны“ (затменіе), недавно умерла его любимая жена. Все ему наскучило, все надоѣло. По прибытіи въ Бахчисарай Сеидъ-Магметъ поспѣшилъ представить хану Динору, которая совершенно не знала, гдѣ она и куда попала. Крымъ-Гирей, взглянувъ на Динору, тотчасъ же понялъ, что предъ нимъ стоитъ „драгоцѣнная жемчужина“. Мрачное лицо его просіяло, и онъ, обратившись съ улыбкой къ очаковскому пашѣ, спросилъ, гдѣ тотъ досталъ такую „райскую гурію“. Сеидъ-Магметъ объяснилъ, что она—уроженка Кафы, дочь умершаго Хіониса, бывшаго откупщика скота, и теперь ѣдетъ къ дядѣ въ Кафу.

— И заѣхала къ намъ погостить? Спасибо. Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Динора,—отвѣчала смутившись послѣдняя.

Дилара,—повторилъ ханъ, или не разслыхавъ хорошо имени *Динора*, или же нашедши, что Дилара благозвучнѣе Диноры. Еще разъ бросивъ пытливый взглядъ на Динору, ханъ сказалъ: „отдохни, тебя доставятъ въ Кафу, когда пожелаешь“.—При этомъ онъ ударилъ въ ладони и знакомъ приказалъ Сеидъ-Магмету выйти въ другую комнату. На зовъ хана явился главный внучъ.

— Поди, пригласи сюда маленькую *Джанетъ* ¹⁾,—сказалъ ханъ внучу.

Внучъ вышелъ. Ханъ, обратившись къ Динорѣ, спросилъ, знаетъ ли она, гдѣ находится.

— У великаго каймакана,—тихо проговорила Динора.

Ханъ улыбнулся.

— У великаго и могущественнаго повелителя Крыма, у хана и царя Крымъ-Гирея,—сказалъ онъ, поглаживая бороду.

Динора поблѣднѣла.

— Не бойся, дѣвочка, я страшенъ для враговъ, а не для такихъ, какъ ты. Будь у меня здѣсь, какъ дома, ты мнѣ понравилась, и я сдѣлаю тебя самой счастливой женщиной.

Вошла молоденькая Джанетъ, вся въ ожерельяхъ. Ей было не болѣе десяти лѣтъ отъ роду.

— Вотъ устрой ее въ *Цвѣтной комнатѣ*,—сказалъ ханъ, указывая на Динору: ухаживай за ней, какъ бы за мною, и прикажи, чтобы всѣ ея желанія исполнялись безпрекословно.—Сказавши это, онъ круто повернулся и ушелъ.

„Цвѣтная комната“ называлась такъ потому, что вся была изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Верхняя часть оконъ застеклена была разноцвѣтными же стеклами. Рядомъ съ этой комнатой помѣщалась „ванная“, а рядомъ съ „ванной“—„диванная“ и затѣмъ комната хана, гдѣ онъ отдыхалъ послѣ пріема разныхъ лицъ въ кабинетѣ. „Цвѣтная комната“ предназначалась для первоначальнаго осмотра красивыхъ невольницъ, такъ какъ ханъ имѣлъ возможность изъ „диванной“ осматривать купающихся въ „ванной“, а изъ „ванной“—въ „цвѣтной“. Зная обычаи двора и ханскую прихоть, Динору прежде всего попросили выкупаться въ ваннѣ, и затѣмъ уже принесли ей роскошный обѣдъ. Три дня ханъ не посѣщалъ Диноры. Онъ только восторгался, подсматривая за нею или изъ „диванной“, когда она купалась, или изъ „ванной“ въ спальню ея. Крымъ-Гирей страстно влюбился въ Динору. Чувственныя побужденія его замерли подъ давленіемъ другого, болѣе высокаго, болѣе человѣческаго чувства. Хотя Пушкинъ въ „Бахчисарай-

¹⁾ Джанетъ была впоследствии женою послѣдняго хана *Шагинъ-Гирея*.

скомъ фонтанѣ“ и говоритъ, что „воля хана—его единственный законъ“, и далѣе—что „его душа любви не просить“; но на этотъ разъ поэтъ ошибся: душа и сердце хана запросили любви. Ему захотѣлось пережить эту высокую поэзію. Всѣ помыслы его сосредоточивались на Динорѣ. Каплю, только одну каплю любви чистой и искренней, не въ силу того, что онъ ханъ, не изъ боязни,—нѣтъ, а по влеченію—вотъ чего желалъ Крымъ-Гирей.

Динора, въ свою очередь, мучилась въ невѣдѣніи, когда ее отправятъ къ дядѣ. На всѣ ея вопросы окружавшіе двусмысленно улыбались отвѣчая: „Когда повелитель укажетъ“.

Динора очень тосковала. И Кафа и Салоники расположены у береговъ моря. Дѣвочка привыкла къ необозримо, величественному водному пространству, къ его ласкающему шуму, переливамъ, вѣчному движенію. Здѣсь же, изъ оконъ дворца, виденъ былъ только садъ и узкіе, угрюмые дворики съ фонтанами. Все давило своей мрачностью и тишиной. Самый городъ и дворецъ находятся въ глубокой и узкой долинѣ, окаймленной высокими и крутыми голыми скалами желтоватаго цвѣта. Ночью, при освѣщеніи луны, при однообразномъ журчаньи фонтановъ, мрачные кипарисы и тополи, похожіе на мертвецовъ, закутанныхъ въ саваны, наводили на впечатлительную душу невыносимую тоску. Динора въ три дня осмотрѣла весь садъ, всѣ фонтаны и всѣ устроенныя тамъ затѣи хана. Въ особенности часто просиживала она возлѣ глубокаго резервуара, питавшаго всѣ ханскіе фонтаны. По вечерамъ, когда ей не спалось, она отворяла окно въ садъ и не отходила отъ него иногда до свѣта; иногда же горячо молилась предъ небольшимъ образомъ, который ей позволили держать у себя возлѣ кровати, съ зажженной лампадой.

На четвертый день, когда Динора вечеромъ сидѣла возлѣ окна, въ комнату ея вошелъ ханъ. Неслышно ступая по мягкому коврику, онъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на голову. Динора вздрогнула и вскочила съ своего мѣста.

— Не пугайся, дѣвочка, неужели я такой страшный?—сказалъ онъ нѣжно.

— Когда меня отправятъ въ Кафу?

— А тебѣ здѣсь худо?—спросилъ ханъ.

— Дома лучше,—отвѣчала она.

— Что же тебя ждетъ у дяди? Я собралъ о немъ свѣдѣнія. Онъ человѣкъ небогатый, у него куча дѣтей, притомъ онъ больной. Оставайся здѣсь, я для тебя ничего не пожалѣю...

— Отпустите меня, что я буду здѣсь дѣлать,—взмолилась Динора.

— Полюби меня хотя немного, я осыплю тебя золотомъ и драгоценностями, ты будешь царицей души моей и царицей Крыма; я по-

ложу къ ногамъ твоимъ всѣ сокровища міра. Какъ солнце озаряетъ и оживляетъ міръ, такъ и ты оживишь меня. Я люблю тебя страстно. Пожалѣй меня; ты видишь, какъ за эти нѣсколько дней я измѣнился...

Динора стояла блѣдная, трепещущая, не зная, что сказать. Она когда-то слыхала о ханскомъ гаремѣ, о томъ, что ханы берутъ себѣ въ невольницы, кого захотятъ, и что этой чести добиваются многія. Но, вспомнивъ, что она христіанка, взглянувъ на страшное, изборожденное страстями лицо хана, она невольно отшатнулася отъ него съ крикомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, я христіанка!“

— Ты и будешь христіанкой, никто тебѣ не станетъ въ этомъ мѣшать. О милая! будь моею!—говорилъ ханъ и при этомъ обнялъ Динору и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Возьмите мое тѣло, убейте меня, но я души своей не оскверню!—вскричала она, и безъ чувствъ опустилась на коверъ.

Ханъ позвалъ прислужницъ и въ отчаяніи ушелъ. Прислужницы подняли Динору, уложили ее въ постель и привели въ чувство.

Отпустивъ служанокъ, Динора, вся потрясенная, присѣла къ растворенному окну. Прохладный воздухъ, напитанный запахомъ розъ и жасминовъ, врывался въ комнату, озаренную слабымъ свѣтомъ лампы. Блестящіе мраморы и причудливая мозаика едва виднѣлись въ тускломъ свѣтѣ. А тамъ, за окномъ, стройные кипарисы и тополи и величественныя чинары, осѣненные блѣдными лучами луны, какъ бы притаились, слушая унылое журчаніе фонтановъ. Взволнованная ханскими словами, Динора не могла даже дать себѣ отчета въ томъ, что она чувствовала. То ей представлялось величіе повелительницы; то вдругъ въ ней пробуждалось религиозное чувство; то, наконецъ, передъ ея глазами появлялось страшное, искаженное лицо хана, вызывавшее въ ней отвращеніе и какой-то невольный ужасъ.

Много передумала и перечувствовала Динора, сидя въ своей комнатѣ. Она сознавала, что у нея нѣтъ никакихъ средствъ и силъ для борьбы съ ханомъ. Умереть—вотъ единственный исходъ. Кстати, ханъ распорядился, чтобы въ ея комнату не ступала ни одна мужская нога, чтобы въ саду она могла гулять безъ чадры, и чтобы всѣ, завидѣвши ее, уходили и ни подъ какимъ видомъ не встрѣчались бы съ ней.—„Да, умереть—самое лучшее. Броситься въ бассейнъ—и конецъ!“ Но вдругъ, взглянувъ на образъ, она вспомнила, что самоубійство—страшное преступленіе; что душа самоубійцы будетъ блуждать всю вѣчность, не находя себѣ тамъ, въ томъ мірѣ, пріюта, и что, по уставу христіанской Церкви, она лишается погребенія.—„Нѣтъ, это не возможно!... Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать?! Бѣжать!?. Но куда убѣжишь отъ хана и его стражи?“

Долго еще сидѣла у окна измученная своими горькими думами, Динора; наконецъ, сонъ началъ одолѣвать ее, и она, помолвившись Богу, крѣпко заснула. Въ часъ или два ночи Динора инстинктивно открыла глаза, и въ слабомъ отблескѣ свѣта отъ мерцающей лампы ей показалась вдали какая-то тѣнь. Сначала она подумала, что разстроенное воображеніе рисуется ей еще неизгладившійся образъ хана. Притаивъ дыханіе, она вперила взоръ свой на стоявшій вдали предметъ. Каковъ же былъ ужасъ ея, когда она увидѣла медленно подвигавшагося къ ней хана! Страшенъ былъ онъ ей днемъ, а теперь, ночью, безъ чалмы, съ бритой головой, съ конвульсивно подергивавшимися губами, онъ казался Динорѣ свирѣпымъ, голоднымъ волкомъ, бросающимся на добычу. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, ханъ неровною подступью подошелъ къ алькову. Динора вскочила. Блѣдная, испуганная, она вся трепетала.

— Прости меня, царица души моей! прости меня, радость моего сердца! Я не въ силахъ былъ превозмочь себя; я у ногъ твоихъ: вотъ кинжалъ, убей меня,—убей—мнѣ будетъ легче.

Динора молчала.

— Возьми все, что пожелаешь, возьми всѣ мои богатства, возьми мою душу, проси, чего хочешь,—и нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы я не могъ дать тебѣ!

— Лучше убей меня, повелитель, этимъ кинжаломъ, и я буду счастлива.

— Не хочешь быть моею, не хочешь полюбить меня?!...

— Я въ твоей власти—тѣло твое, а душа принадлежитъ Господу моему.

— Мнѣ не нужно твоей души, мнѣ нужна твоя ласка; ну, хоть притворись, что любишь меня, поцѣлуй меня.—И ханъ прильнулъ пылающими устами къ плечу Диноры. Динора слабо вскрикнула и опустила, какъ подкошенная трава.

Черезъ полчаса ханъ возвращался въ свои комнаты медленной походкой. На мертвенно-желтомъ лицѣ его нельзя было прочесть ни радости, ни отчаянія. Точно призракъ злого духа, исчезъ онъ въ полумракѣ.

О возрастѣ Крымъ-Гирея въ это время нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но изъ историческихъ данныхъ видно, что въ 1734 году онъ былъ уже ханомъ; слѣдовательно, въ описываемый періодъ времени ему было, во всякомъ случаѣ, не менѣе *пятидесяти* лѣтъ. Въ такую пору жизни необузданная страсть низводитъ человѣка до степени дикаго звѣря, рвущаго и мечущаго все, что попадаетъ ему на глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ казнилъ двухъ придворныхъ слугъ, убилъ одного

евнуха и отрубилъ ухо первому своему капуджи-баши. Наконецъ, собравъ своихъ лучшихъ наѣздниковъ, онъ помчался черезъ Тамань къ берегамъ Кавказа, чтобы въ крови заглушить бушевавшія въ немъ страсти. А Динора?—Она была окружена клеветами Гирея, старавшимся представить ей хана высшимъ существомъ, героемъ, полубогомъ. Ей постоянно рассказывали о геройской удали, храбрости, богатствѣ и величіи Гирея. Вызванъ былъ изъ Кафы и больной ея дядя, который со слезами умолялъ Динору полюбить хана. Отуманенная словами окружающихъ, бѣдная дѣвочка не находила себѣ нигдѣ покоя. Куда бы она ни взянула, о чемъ бы ни заговорила, вездѣ на первомъ планѣ выдвигался ханъ.

Черезъ днѣ недѣли ханъ возвратился изъ похода. Существуетъ преданіе, что у Крымъ-Гирея, какъ это пишетъ и Пушкинъ, въ числѣ другихъ женъ, была черкешенка *Зарема*. Не смотря на свою молодость и красоту, она любила Гирея и до появленія Диноры вполне властвовала и надъ ханомъ и надъ всѣмъ его дворомъ. Хитрая и ревнивая, Зарема употребляла всѣ старанія, чтобы какъ-нибудь поговорить наединѣ съ Динорой. Она видѣла, что съ прибытіемъ послѣдней утратила всякое вліяніе, и что Гирей забылъ о ея существованіи.

Гирей, по возвращеніи своемъ изъ похода, былъ встрѣченъ Динорою ласково и привѣтливо. На радости, онъ созвалъ весь гаремъ, приказалъ пригласить также танцовщицъ и музыкантовъ-цыганъ, которые играли на ближайшемъ балконѣ. Танцы не прекращались до глубокой ночи. Въ заключеніе ханомъ роздано было множество подарковъ; Динорѣ же онъ поднесъ великолѣпное ожерелье изъ крупныхъ изумрудовъ и брильянтовъ. Зарема, конечно, находилась въ числѣ присутствующихъ. Она плясала передъ ханомъ и старалась очаровать его; но онъ ни на минуту не отходилъ отъ Диноры, самъ угощалъ ее лакомствами и не спускалъ съ нея глазъ. Зарема пылала злобой. Въ головѣ ея созрѣла мысль—умертвить Динору во что бы то ни стало.

На другой день, вечеромъ, когда ханъ, послѣ сытнаго обѣда, заснулъ въ своей спальнѣ, Динора гуляла въ саду. Солнце скрылось уже за вершиною окрестныхъ обрывовъ; муэззины гнусливо выкрикивали съ сорока воздушныхъ минаретовъ извѣстное изреченіе: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его“; городской шумъ началъ стихать. Динора сѣла на мраморную стѣнку главнаго бассейна съ водою и погрузилась въ глубокія, невеселыя думы.

Въ это время крадучись, какъ кошка, завидѣвшая мышъ, неслышно подошла Зарема. Динора вздрогнула, какъ бы инстинктивно почуявъ врага. Зарема, сохраняя присутствіе духа, мило улыбнулась и усѣлась рядомъ съ Динорой. Не успѣла послѣдняя опомниться, сообразить, какъ должна

себя держать съ первой женой хана, съ своимъ непримиримымъ врагомъ, какъ Зарема, играя дорогими четками, будто нечаянно уронила ихъ. Четки упали къ ногамъ Диноры и рассыпались. Динора наклонилась, чтобы поднять упавшія четки. Въ это мгновеніе Зарема изо всей силы толкнула ее назадъ, такъ что Динора опрокинулась въ глубокой бассейнъ, наполненный водою.

Послышался глухой крикъ, всплескъ воды,—и затѣмъ все стихло. Отъ бассейна, по темной и узкой аллеѣ, быстро проскользнула какая-то тѣнь.

Черезъ полчаса ханъ, гуляя въ саду, случайно подошелъ къ бассейну. Возлѣ мраморнаго края бассейна лежала шитая золотомъ женская туфля. Ханъ съ удивленіемъ поднялъ ее и заглянулъ въ бассейнъ: на поверхности воды плавалъ бѣлый платокъ. Ханъ бросился въ комнату Диноры,—комната оказалась пустою. Тогда ханъ поднялъ на ноги всю дворцовую прислугу; принесли огни, багры,—и изъ глубины бассейна вытащили мертвую Динору.

Крымъ-Гирей упалъ безъ чувствъ на землю.

Долго лежалъ онъ въ глубокомъ обморокѣ, но, наконецъ, пришелъ въ себя. Горю его не было предѣловъ. Этотъ бездушный челоуѣкъ, истребитель десятковъ тысячъ народа, рыдалъ, какъ ребенокъ, надъ трупомъ Диноры.

Динора была погребена внѣ ограды ханскаго кладбища. Еще и понынѣ можно видѣть полуразрушенный памятникъ, представляющій изъ себя восьми-угольную турбину, съ надписью: „Да будетъ милость Господа Бога надъ Динорою. 1178 г.“ (1764 г.); на другой сторонѣ надпись: „Молитву за упокой души Диноры-бикечъ“ (боярыни, госпожи).

Послѣ похоронъ Диноры, или Дилары, какъ назвалъ ее ханъ, маленькая Джанетъ принесла ему нѣсколько крупныхъ бирюзовыхъ камней съ дырочками, найденныхъ ею возлѣ бассейна. По тщательномъ осмотрѣ одежды покойной Диноры, одно зернышко было найдено въ сборкахъ ея платья. Ханъ вспомнилъ, что камни эти составляютъ часть четокъ, подаренныхъ имъ Заремѣ. Тотчасъ же посланъ былъ главный евнухъ къ Заремѣ съ приказаніемъ отобрать и принести хану ея четки для сличенія. Виновная объяснила, что она давно потеряла четки. Сдѣланъ былъ тщательный обыскъ,—и у Заремы нашли разорванные четки. Участь ея была рѣшена.

Въ ночь на слѣдующій день Зарема умерла: ей дали выпить чашку отравленнаго кофе,—и черезъ часъ ея не стало. Тѣло ея похоронено было тайкомъ и въ отдаленномъ мѣстѣ, такъ, чтобы ханъ не зналъ даже ея могилы.

Въ теченіе всего времени, пока воздвигался памятникъ надъ могилою Диноры, ханъ безотлучно находился при работахъ. Сидя подъ

тѣню чинарь, онъ по цѣлымъ часамъ оставался недвижимымъ. Осунувшійся, пожелтѣвшій, какъ пергаментъ, съ включенной бородой, съ притупленнымъ, блуждающимъ взглядомъ, онъ напоминалъ заживо погребеннаго. Казалось, онъ давно умеръ, но смерть случайно или по ошибкѣ прошла мимо, не замѣчая его. Когда памятникъ былъ оконченъ, ханъ, помолившись возлѣ него, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ,—и на другой день его нашли въ постели мертвымъ.

Магометане признаютъ естественно умершими только тѣхъ, которые умираютъ хотя послѣ непродолжительной болѣзни. Всякую скоростижную смерть—отъ разрыва сердца, отъ апоплексического удара и т. п.—они считаютъ или порчей, или отравой. Въ хроникѣ записано, что ханъ Крымъ-Гирей умеръ отъ яда.

Окрестности Патигорска.

Памятникъ Пушкину.

Домъ Пушкина.

XII.

Въ концѣ апрѣля 1823 года Пушкинъ взялъ отпускъ у Инзова и отправился на мѣсяцъ въ Одессу. Около этого времени состоялось назначеніе на постъ Новороссійскаго генераль-губернатора гр. *М. С. Воронцова*. Пушкина уже болѣе ничто не привлекало въ Кишиневъ, и онъ подалъ прошеніе о перечисленіи въ канцелярію М. С. Воронцова, въ Одессу, а въ іюль мѣсяцъ состоялось и самое перечисленіе. По словамъ *Ф. Ф. Вишеля*, когда полученъ былъ указъ о перечисленіи Пушкина въ канцелярію гр. Воронцова, И. Н. Инзовъ съ грустью сказалъ: „Вѣдь я могъ бы удержать его; онъ былъ присланъ ко мнѣ, *попечителю*, а не бессарабскому намѣстнику“. Опасаясь иногда слишкомъ эксцентрическихъ выходокъ Пушкина, Инзовъ, какъ говоритъ *А. Скальковскій*, далъ будто бы ему, въ качествѣ *негласнаго дядьки*, скромнаго чиновника своей канцеляріи *В. С. Писаренко*¹⁾, при чемъ Пушкинъ поселился сначала въ *Hôtel du Nord*, на Итальянской улицѣ, гдѣ нынѣ домъ *Сикарда*, а потомъ въ домъ бар. *Рено*, на углу Дерibasовской и Ришильевской улицъ, гдѣ занималъ угольный фасъ съ балкономъ, откуда открывался чудный видъ на море. „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни,— читаемъ въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 25 августа 1823 года: вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Рестораціи и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между

¹⁾ „Одесск. Вѣстн.“, 1880 г., № 168; см. В. А. Яковлевъ, „Отз. о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 149—153.

тѣмъ прїѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь: мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Прїѣхаль въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и, выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ, и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ... Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ не возможно при нынѣшней цензурѣ, ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю законъ Божій и 4 первыя правила, но служу я не по волѣ своей—и въ отставку идти не возможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу, и полно; крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. (которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли-бы для слуги). Прощай, душа моя,—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня“.

„Хандра“, о которой Пушкинъ говоритъ въ послѣдней строкѣ приведеннаго письма, чѣмъ дальше, тѣмъ стала сказываться все больше и больше. Одесса была не Кишиневъ, и Воронцовъ—не Инзовъ. Въ Одессѣ и при Воронцовѣ нельзя было вести себя такъ, какъ въ Кишиневѣ при Инзовѣ. Всегда спокойный и всегда отлично обнимавшій всякое дѣло съ перваго взгляда гр. Воронцовъ въ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными никогда, не допускалъ ни фамильярной короткости, ни излишней суровости; вслѣдствіе этого, подчиненные графа относились къ нему хотя и безъ страха, но съ должнымъ и вполне заслуженнымъ почтеніемъ. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ, онъ любилъ видѣть вокругъ себя приличное образованное общество, какимъ, дѣйствительно, всегда и былъ окруженъ. Разумѣется, происхождение и образование Пушкина давали ему и право и возможность съ достоинствомъ занимать почетное мѣсто въ этомъ обществѣ; но избалованный снисходительностью Инзова и своихъ кишиневскихъ прїятелей и знакомыхъ онъ почувствовалъ себя сразу же не на мѣстѣ. Пришлось съ первыхъ же дней жизни въ Одессѣ снять свой излюбленный архалукъ и фесъ и облачиться въ европейскій костюмъ; одна только историческая желѣзная палка осталась неразлучной его спутницей, какъ предметъ воспоминанія о „вольности“ кишиневской.

Сначала Пушкинъ вель себя очень смирно въ Одессѣ, и весь погрузился въ серьезныя занятія. Онъ переводить Аріосто, занимается изученіемъ итальянскаго и, кажется, испанскаго языковъ, воспроизводитъ Данта, отдѣлываетъ „Бахчисарайскій фонтанъ“, пишетъ „Цыганы“ и первыя *три* главы „Евгенія Онѣгина“, изучаетъ Гёте и Шекспира, съ жадностію покупаетъ и читаетъ книги, углубляется въ различные литературныя вопросы въ перепискѣ съ своими друзьями и задумываетъ цѣлый рядъ статей о вліяніи на русскую литературу *Ломоносова, Карамзина, Дмитріева* и *Жуковскаго*, которыя *должны были начать* собою *русскую критику* и т. п. Въ Одессѣ же Пушкинъ посвящаетъ цѣлые дни, а потомъ и цѣлые трактаты выясненію вопроса о романтизмѣ въ литературѣ и стряхиваетъ съ себя мало-по-малу байронизмъ (частію въ „Цыганахъ“, въ особенности же въ „Евгеніи Онѣгинѣ“) и т. д. Однимъ словомъ, съ переѣздомъ въ Одессу въ Пушкинѣ совершается коренной нравственный переломъ, а равно постепенно совершается въ высшей степени важный переломъ и въ самомъ его творчествѣ.

Не обошлось, конечно, и безъ сердечныхъ увлеченій: кипучая африканская натура поэта не могла сказаться и въ эту пору его жизни.

Мы не говоримъ уже о такихъ мимолетныхъ увлеченіяхъ, какъ увлеченіе знаменитой красавицей гречанкой Мавроени, уѣхавшей потомъ изъ Одессы и вышедшей замужъ за греческаго консула *Мано*,— Пушкинъ пережилъ здѣсь настоящій глубокой романъ, которому онъ удѣлилъ впослѣдствіи нѣсколько грустныхъ поэтическихъ минутъ даже наканунѣ своей женитьбы.

Въ одинъ изъ своихъ приѣздовъ въ Одессу изъ Кишинева Пушкинъ какъ-то познакомился и сблизился съ довольно образованнымъ негоціантомъ *Ризничемъ*, родомъ изъ адриатическихъ славянъ—далматинцемъ или кроатомъ. Въ 1822 году Ризничъ уѣхалъ въ Вѣну и весной 1823 года воротился оттуда съ молодой женой, дочерью одного вѣнскаго банкира, по фамиліи *Ритъ*, полу-нѣмкой, полу-итальянкой, а, можетъ быть, и полу-еврейкой. Г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея жгучія очи, удивительной формы и бѣлизны шея и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки, чтобы скрыть нѣсколько большія ступни ногъ. Все это придавало ей оригинальность и увлекало очень и очень многихъ. Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества г-жа Ризничъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, принята не была; зато всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домѣ ея мужа. Главную роль въ домѣ играла молодая хозяйка:

она вела самую живую, одушевленную бесѣду и цѣлые вечера просиживала иногда за вистомъ, до котораго была страстной охотницей.

Въ числѣ посѣщавшихъ домъ Ризнича были: А. С. Пушкинъ, *В. Туманскій* и Исидоръ *Собаньскій*, не молодой, но богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній. Пушкинъ и Собаньскій всѣхъ болѣе ухаживали за г-жею Ризничъ, всѣхъ болѣе были близки къ ней и всѣхъ болѣе пользовались ея вниманіемъ и довѣріемъ. На сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника—золото. Первое стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, это „Элегія“ 1823 года. Въ ней, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, выражается сильно возбужденное состояніе души поэта, которое могло имѣть свой источникъ только въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, *Элегія* носитъ на себѣ самые рѣзкіе и очевидные слѣды своего возникновенія изъ дѣйствительной жизни. Это—исповѣдь души пылкой, молодой, терзаемой ревностію, или, пожалуй, вызовъ на объясненіе. Есть полное основаніе предполагать, что рассказъ Льва Сергѣевича въ „Биографическихъ извѣстіяхъ“ о братѣ („Москвитянинъ“, 1853 г.), какъ, „въ бѣшенствѣ ревности, онъ пробѣжалъ пять верстъ, съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ, по 35-градусному жару“, указываетъ именно на ревнивыя преслѣдованія г-жи Ризничъ со стороны А. С. Пушкина.

Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу, безъ мужа, со своимъ ребенкомъ. Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по-русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе 1824 г.: „Иностранкѣ“ („На языкѣ, тебѣ невнятномъ...“) писано къ ней. При этомъ Левъ Сергѣевичъ въ своихъ „Извѣстіяхъ“ говоритъ, что „иностранка, которая, отъѣзжая за границу, просила поэта, написать ей что-нибудь въ память ихъ самыхъ близкихъ двухъ-лѣтнихъ (однолѣтнихъ) отношеній, и которой написано стихотвореніе „*Иностранкѣ*,—очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія“.

Въ одно время съ г-жею Ризничъ уѣхалъ за границу и соперникъ Пушкина—Собаньскій. Онъ настигъ ее на пути, недалеко за русскою границею, провожалъ до Вѣны и вскорѣ потомъ оставилъ навсегда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по всей вѣроятности—въ началѣ 1825 г., г-жа Ризничъ умерла,—кажется, въ бѣдности и, кажется, въ Генуѣ, въ домѣ матери своего мужа. Не извѣстно, когда извѣстіе о смерти любимой женщины могло дойти до Пушкина въ с. Михайловское; но весьма вѣроятно, что элегія 1825 г.: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ написана къ умершей Ризничъ. Въ виду же того, что стихотворенія: „Заклинаніе“ (1828 г.) и „Для береговъ отчизны даль-

ной“ (1830 г.), по мнѣнію П. В. Анненкова, будучи взяты вмѣстѣ съ элегіей—„Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, составляютъ одну трехчленную лирическую пѣснь, обращенную къ какому-то неизвѣстному лицу или, можетъ быть, къ двумъ лицамъ, умершимъ за границей, приходится допустить, что на долю легкомысленной красавицы-иностранки, плѣнившей Пушкина въ Одессѣ, выпалъ жребій возрастить въ русской поэзіи *пять* прекрасныхъ поэтическихъ цвѣтковъ Пушкинской музы 1).

Разъ Пушкинъ окунулся въ омутъ одесской будничной жизни, со всѣми ея мелочами и дразгами, онъ не могъ не раздражаться. Особенно раздражало Пушкина и возбуждало его безсильный гнѣвъ сколько учтвое, столько же и высокомѣрно-презрительное отношеніе къ его званію поэта и вообще писателя, которое видѣлъ онъ въ окружавшихъ представителяхъ дѣлового и чиновнаго міра, выдвинутаго на первый планъ новымъ устройствомъ власти и управленія въ краѣ. Жизнь Пушкина для этого міра казалась безсодержательною, пустою и безцѣльною; его занятія поэзіей и вообще литературой—предосудительнымъ бездѣльемъ. Къ служебнымъ своимъ обязанностямъ Пушкинъ относился крайне небрежно, тогда какъ гр. Воронцовъ требовалъ безусловной служебной исполнительности и въ Пушкинѣ видѣлъ прежде всего и главнымъ образомъ *чиновника*, а не поэта. Началась глубокая, но тѣмъ болѣе упорная и ожесточенная борьба. Въ публикѣ, кромѣ вообще предосудительнаго характера произведеній Пушкина, стали все чаще и чаще появляться язвительныя эпиграммы, слишкомъ уже задѣвавшія не только высокопоставленныхъ въ городѣ лицъ, но и самого гр. Воронцова.

Ко всему этому прибавлялся еще и крайній недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Что переживалъ въ это время Пушкинъ, лучше всего можно видѣть изъ одного изъ *отчаяннѣйшихъ* писемъ къ брату—въ январѣ 1824 года: „.....Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича (Дмитріева?) о своемъ отпускѣ черезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемиловивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что на противъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать по-смотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣжь. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растеть тринь-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудроно довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому-нибудь *В. Козлову* (извѣстному слѣпцу-поэту), которому льстятъ

1) „Новоросс. Телегр.“, 1879 г., № 1333; „Одесск. Вѣстн.“, 1856 г.; см. В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 127—128, 137—148 и „Русск. Вѣстн.“, т. 6, вып. 1, стр. 203.

и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais tu? На сей вопросъ *Ламартина* отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печеть, портной шьеть, Козловъ пишетъ, лѣкарь морить—за деньги, за деньги за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма“. 8 Февраля Пушкинъ пишетъ А. А. Бестужеву (Марлинскому) съ большою искренностью, хотя все же не безъ нѣкотораго циническаго преувеличенія, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ онъ писалъ *для себя*, а напечаталъ потому, что были нужны деньги. Но вотъ Пушкину удается, наконецъ, блистательно выпутаться изъ тяжелаго денежнаго вопроса. Въ то время какъ за „Кавказскаго плѣнника“ *Гиндичъ* прислалъ ему всего 500 руб. асс., за „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкинъ получилъ отъ кн. *П. А. Вяземскаго* 3000 р. асс. „Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ,—писалъ ему по этому поводу Пушкинъ отъ 8 марта 1824 года,—за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не за чѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола“. Въ то же время Пушкинъ получилъ весьма лестное предложеніе нѣкоего *Сленина*, предложившаго заплатить за „Евгенія Онѣгина“ столько, сколько пожелаетъ самъ поэтъ. Это предложеніе переполняетъ Пушкина самыми радужными надеждами и благородною гордостью, и онъ серьезно увѣряетъ кн. Вяземскаго въ слѣдующемъ письмѣ (мартъ—апрѣль), что вопросъ о гонорарѣ за стихи для него—вопросъ о всей будущей судьбѣ и о независимости.

Это послѣднее обстоятельство, это неожиданное открытіе, что судьба его находится уже теперь въ его же собственныхъ рукахъ, вполне зависитъ отъ его занятій поэзіей, имѣло громадное, рѣшающее значеніе въ послѣдовавшихъ вскорѣ послѣ того событіяхъ жизни Пушкина.

Гр. Воронцовъ, имѣя въ виду дать возможность Пушкину выдвигнуться по службѣ, обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства въ Петербургѣ, зачислилъ его въ экспедицію объ изслѣдованіи саранчи на мѣстахъ ея появленія въ Новороссіи. Пушкинъ, подозрительно и даже враждебно относившійся къ графу вслѣдствіе предшествовавшихъ служебныхъ недоразумѣній съ нимъ, счелъ эту командировку за явное

издѣвательство надъ собой, за желаніе унизить въ глазахъ общества, и рѣшительно отказался, а затѣмъ и совсѣмъ подалъ въ отставку.

„Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ!—писалъ онъ по поводу пресловутой командировки правителю канцеляріи *А. И. Казначееву* (впослѣдствіи сенатору), самому горячему покровителю своему, 25 мая 1824 года: будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и приѣмлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія. Семь лѣтъ я службой не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради бога, не думайте, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто—мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого. Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я минутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицы. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности потому, что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова такъ же, какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другого начальника, кромѣ его сіятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной. Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь. Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая, вѣрно, не продлится?“

А. И. Казначеевъ всячески успокоивалъ Пушкина и дружески предостерегалъ его отъ необдуманнаго шага. Но Александръ Сергѣевичъ, отчасти вслѣдствіе врожденной горячности, отчасти же подстрекаемый недоброжелателями, прикинувшимися на этотъ разъ самыми искренними друзьями его, приходилъ все въ большой и большой азартъ, позволяя себѣ рѣзкую запальчивость по отношенію къ графу не только въ разговорахъ, тотчасъ же, конечно, услужливо передававшихся ему, но и въ письмахъ. „Весьма сожалью,—читаемъ въ черновомъ письмѣ его къ А. И. Казначееву на французскомъ языкѣ,—что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронуть вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія, я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи?—Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово, ради самого понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее, съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ уже я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи, ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, уже кажутся мнѣ товаромъ, по-столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ перваго пришлага пошляка изъ англичанъ (*le premier galopin anglais*), который пріѣзжаетъ къ намъ безопасно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье (*sa nonchalante platitute et son baragoin*). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, сумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставляю его въ покоѣ наслаждаться триумфомъ, потому что такъ же мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ..“

Еще больше невыдержанности выражается въ письмѣ къ *А. И. Тургеневу* отъ 14 іюля: „Вы ужъ узнали, думаю,—читаемъ здѣсь,—о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что

я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дожидаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдаванскаго боярина; правда,—но зато добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ испанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужъ, вѣрно, не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ. Удаюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риемой.“

Насколько необдуманно-запальчивъ и рѣзокъ былъ Пушкинъ, настолько благородно-выдержаннымъ и покровительственно-снисходительнымъ показалъ себя гр. Воронцовъ во всемъ этомъ инцидентѣ, основанномъ на печальномъ недоразумѣніи со стороны Пушкина. Такъ какъ Пушкинъ числился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда получалъ и жалованье, притомъ же былъ присланъ на югъ по Высочайшему повелѣнію, то дѣло объ отставкѣ его должно было идти не иначе, какъ черезъ министерство же иностранныхъ дѣлъ. 23 марта 1824 года гр. Воронцовъ просилъ особымъ представленіемъ управлявшаго въ то время названнымъ министерствомъ гр. *Нессельроде* доложить государю о необходимости отозвать Пушкина изъ Одессы; при чемъ свидѣтельствовалъ, въ самомъ началѣ представленія, что, заставъ уже Пушкина въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ Пушкинѣ стараніе показать „скромность и воздержанность,“ какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствій главнаго его порока—самолюбія. „Здѣсь есть много людей,—приводимъ собственныя слова гр. Воронцова въ переводѣ,—а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затменію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца лорда Байрона (qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très peu recommandable—lord Byron)—и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему не возможно отказать.“ Вотъ

почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ, къ генералу Инзову, не пособилъ бы ничему: Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но ужъ безъ наблюденія; да и въ Кишиневѣ онъ нашель бы еще *между молодыми греками и боларами довольно мною дурныхъ примѣровъ*. „Только въ какой-либо другой губерніи могъ бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ *заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей*.“ Въ концѣ графъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Такимъ образомъ, и послѣ всего изложеннаго выше дѣло Пушкина обстояло еще очень хорошо; но и на этотъ разъ не знавшій удержу языкъ Александра Сергѣевича оказался его врагомъ, сослужилъ ему очень плохую службу. Пушкинъ въ мартѣ же этого года написалъ какому-то *неизвѣстному лицу въ Москву* пріятельское письмо, въ которомъ легкомысленно и полушутливо говоритъ: „читаю Библию; Святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы *и беру уроки чистою аеизма*. Здѣсь есть англичанинъ, глухой философъ, единственный умный *аеизм*, котораго я еще встрѣтилъ. 1) Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. *Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобная*.“ Письмо это тотчасъ же стало ходить по рукамъ въ Москвѣ; въ особенности, говорятъ, носился съ нимъ А. И. Тургеневъ, такъ что оно скоро сдѣлалось извѣстнымъ властямъ и совершенно неожиданно рѣшило участь Пушкина. 1) Гр. Нессельроде, въ отвѣтъ на представленіе гр. Воронцова, писалъ ему на французскомъ языкѣ отъ 11 іюля, что „правительство вполне согласно съ его *заключеніями* относительно Пушкина, но, къ сожалѣнію, пришло еще къ убѣжденію, что послѣдній нисколько не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ первое время его публичной дѣятельности. Доказательствомъ тому можетъ служить препровожаемое у сего письмо Пушкина, которое обратило вниманіе московской полиціи по толкамъ, имъ возбужденнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, правительство приняло рѣшеніе исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (*pas son inconduite*); а чтобъ не

1) *Гунчинсонъ*, въслѣдствіи ревностный пасторъ англиканской церкви въ Лондонѣ; съ нимъ Пушкинъ познакомился у гр. Воронцова.

2) Въ послѣдствіи самъ Пушкинъ писалъ В. А. Жуковскому изъ с. Михайловскаго отъ 24 ноября 1824 года: „мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! *Я сосланъ за строчку глупаго письма*.“

оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средствъ свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него строжайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова.“¹⁾

Это представленіе гр. Нессельроде было передано гр. Воронцовымъ, находившимся въ Крыму, гдѣ его задержала на нѣкоторое время лихорадка, правителю дѣлъ походной канцеляріи *А. И. Левшину*, а этимъ послѣднимъ отослано тогдашнему Одесскому градоначальнику гр. *А. Д. Гурьеву* для надлежащаго исполненія. Такъ какъ правительству уже было извѣстно о существованіи заговора на югѣ и о его широкихъ развѣтвленіяхъ, то гр. Гурьевымъ была отобрана отъ Пушкина подписка слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ—маршрутъ, составленный съ очевидною цѣлью лишить возможности Пушкина побывать въ Кіевѣ и его уѣздахъ и повидаться съ скомпрометированными уже знакомыми—какъ русскими, такъ и поляками.

30-го іюля 1824 года почтовая тройка увезла Пушкина изъ Одессы на далекій сѣверъ, въ глушь Псковской губерніи, въ с. Михайловское. При отъѣздѣ онъ получилъ 389 руб. прогонныхъ денегъ и 150 рублей недоданнаго раньше жалованья. Пушкинъ оставилъ Одессу, очень недовольный своею здѣсь жизнью; въ ноябрѣ—декабрѣ мѣсяцѣ онъ съ желчью писалъ, между прочимъ, *Д. М. Княжевичу* изъ с. Михайловскаго: „здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни италіанской оперы, ни вась, друзья мои. Но за то нѣтъ ни *саранчи*, ни *милордовъ Уоронцовыхъ*.“

¹⁾ П. В. Анненковъ, „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 258—259.

г. Одесса.

XIII.

ъ ряду произведеній, написанныхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, первенствующее мѣсто, конечно, должно быть отведено, безспорно, поэмѣ: „Цыгане.“ Александръ Сергѣевичъ писалъ эту поэму одновременно съ *первыми тремя* главами романа—„Евгеній Онѣгинъ.“ а именно: съ іюля 1823 года по 8-ое декабря написаны *первыя двѣ* главы „Евгенія Онѣгина,“ а 8-го февраля ночью начата *третья* глава; въ промежуткѣ же времени между созданиемъ 2-й и 3-й главы романа написана была поэма, при чемъ совершенно закончена и отдѣлана она была уже въ с. Михайловскомъ, 10-го октября 1824 года.

Поэма: „Цыгане“ имѣетъ цѣлую длинную исторію, о которой мы здѣсь, скажемъ, такъ какъ она мало кому извѣстна.

О происхожденіи поэмы А. О. Смирнова въ „Запискахъ“ своихъ говоритъ: „Пушкинъ рассказывалъ свои Wanderungen у цыганъ въ Молдавіи; тамъ въ одномъ таборѣ онъ слышалъ рассказъ объ убійствѣ женщины, которымъ воспользовался для поэмы; онъ нашелъ своего Алеко и Земфиру подъ шатромъ.“ ¹⁾ Дѣйствительно, Пушкинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ собственными глазами слѣдовъ преступленія, въ свое время взволновавшаго всю Бессарабію, еще въ 1821 г. написалъ въ Кишиневѣ поэму, послужившую первообразомъ „Цыганъ.“

Однажды Пушкинъ, по словамъ Е. Францовой, ²⁾ въ 1821 году, послѣ цѣлой ночи, проведенной въ разговорахъ съ Кириенко-Волошиновымъ, предложилъ послѣднему прогуляться на разсвѣтѣ по окрестностямъ Кишинева, тогда еще окруженнаго роскошными лѣсами.

¹⁾ „Сѣверный Вѣстникъ,“ 1893 г., кн. 2, стр. 168.

²⁾ „Русск. Обозрѣн.“, 1897 г.; янв., стр. 28—40; февр. стр. 535—559; мартъ, стр. 5—22.

Горячо о чемъ-то бесѣдуя, пріятели машинально двинулись по тому направленію, гдѣ протекала небольшая рѣчонка, подъ названіемъ Быкъ, и куда они еще ни разу раньше въ прогулкахъ своихъ не за- хаживали. По другой сторонѣ этой рѣки каждое лѣто стоялъ какой- нибудь цыганскій таборъ, обыкновенно на зиму отправлявшійся въ другія, болѣе удобныя для зимней стоянки, мѣста. Въ это же лѣто тамъ расположился какой-то, какъ говорили въ Кишиневѣ, *особенный*, по своему богатству, таборъ, издалека сюда зачѣмъ-то пріѣхавшій очень недавно. Говорили еще, что въ этомъ огромномъ, по числу великолѣп- ныхъ ковровыхъ шатровъ, таборѣ было очень много такихъ красивыхъ цыганокъ, какихъ еще не видывали въ Бессарабіи раньше. Кромѣ того, между молодыми городскими аристократами часто слышались въ кан- целяріи Инзова оживленные разговоры про какую-то необыкновенную красавицу *Арифу*, жену цыгана-музыканта *Урлана*, который сла- вился своею чудною игрою на скрипкѣ. И вотъ теперъ Пушкинъ и Кириенко-Волошиновъ случайно направили прогулку свою въ то имен- но мѣсто, о которомъ много слышали раньше, не придавая никакого значенія этимъ слухамъ. Погрузившись въ интересную бесѣду дорогой, они долго не обращали вниманія на странные, дикіе звуки, по време- намъ приносимые вѣтромъ съ той стороны, гдѣ стоялъ таборъ. Лишь подошедши на небольшое разстояніе къ табору, скрытому отъ глазъ въ этомъ мѣстѣ густою грушевою рощей, они внезапно остановились, пораженные громкими криками изъ-за рощи, и затѣмъ спѣшно про- шли черезъ нее по проѣзжей дорогѣ навстрѣчу доносившимся звукамъ. Скоро они отчетливо уже могли различать раздиравшіе душу стоны и вопли цыганокъ, густые и громкіе возгласы цыганъ, отчаянный визгъ цыганятъ, протяжный, жалобный ревъ медвѣдей на цѣпи, непрерыв- ное завыванье собакъ и всякаго рода иныхъ прирученныхъ и дикихъ животныхъ, безъ которыхъ въ тѣ времена немыслимъ былъ никакой цыганскій таборъ. Пріятели, покружившись нѣкоторое время по не- знакомой имъ рощѣ, прорѣзанной по всѣмъ направленіямъ массой до- рогъ и дорожекъ, отыскали, наконецъ, главный входъ въ таборъ и, съ трудомъ протиснувшись сквозь густую толпу людей и животныхъ, очутились въ самомъ его центрѣ. Цыгане страшно галдѣли, всѣ давили другъ друга, желая пробраться куда-то впередъ, откуда неслись еще болѣе ужасные вопли и стоны. Подхваченные толпой, Пушкинъ и Кириенко-Волошинъ внезапно были ею же и задержаны передъ невысокимъ, но довольно обширнымъ холмомъ, сплошь покрытымъ гу- стою, ярко-зеленою растительностью. На одномъ концѣ этого холма на- ходился огромный темно-сѣраго цвѣта камень, похожій на обломокъ скалы, какъ бы упавшій неизвѣстно откуда и давно уже наполовину вросшій въ рыхлую землю. На камнѣ сидѣлъ, вдвое согнувшись, ста-

рый цыганъ, съ длинными, по обычаю, волосами, сѣдыми, какъ лунь, и такую же сѣдою, густою бородою. По временамъ старикъ подымалъ свою огромную голову вверхъ и страшно что-то выкрикивалъ по-цыгански, сжимая правую руку въ кулакъ и кому-то грозя ею въ сторону лѣса. Затѣмъ онъ снова внезапно опускалъ на грудь голову и впадалъ въ прежнюю неподвижность и апатію. Вокругъ старика находилось нѣсколько молодыхъ и старыхъ цыганокъ, тоскливо слѣдившихъ за происходившими въ немъ переменами и рабски ему во всемъ подражавшихъ: какъ только начиналъ онъ кому-то грозить, онѣ тоже сейчасъ же вскакивали на ноги и начинали стонать и кричать, размахивая руками въ ту самую сторону, куда посылалъ свои угрозы старикъ; и тотчасъ же опускались вокругъ него на землю, какъ только онъ снова принималъ прежнее положеніе на обломкѣ скалы. Пушкинъ случайно какъ-то глянулъ въ сторону—и судорожно схватился за руку Кириенко-Волошинова: неподалеку отъ старика лежало тѣло убитой цыганки поразительной красоты, наполовину скрытое въ густой травѣ; одна рука трупа была плотно прижата къ груди, тогда какъ другая лежала, вытянувшись во всю длину, на травѣ, сжимая окостенѣвшими пальцами большой охотничій ножъ, который обыкновенно бываетъ щегольски заткнутъ за широкій кожаный поясъ у молодыхъ цыганъ (этотъ обычный у каждого ножъ служитъ имъ не столько для охоты, сколько для ловкаго разрѣзанія цѣлаго жаренаго на вертелѣ барана, во время частыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, когда цыгане ѣдутъ не отдѣльными семьями, а цѣлыми группами вмѣстѣ). По всей вѣроятности, жертва убійцы уже въ самую послѣднюю минуту ожесточенной съ нимъ борьбы вырвала изъ рукъ его этотъ ножъ, закоренѣвшій теперь въ ея рукѣ. Расширенными отъ ужаса глазами Пушкинъ, не шевелясь, глядѣлъ на убитую, тогда какъ товарищъ его въ то же самое время уже видѣлъ и другую, не менѣе страшную, картину: нѣсколько дальше, внизу, подъ самымъ холмомъ, скорѣе валялось, чѣмъ лежало, тѣло высокаго роста мужчины, какъ бы нарочно кѣмъ-то сброшенное съ холма лицомъ внизъ. Бѣлокурые, волнистые волосы, бархатный щегольской костюмъ и, наконецъ, бѣлыя, выхолонныя руки аристократически-правильной формы ясно говорили о нецыганскомъ происхожденіи его... Какъ окаменѣлые, стояли теперь оба пріятели, съ непередаваемой тоской переводя взглядъ съ одного трупа на другой и затѣмъ снова и снова подолгу останавливая глаза на старикѣ, съ цѣлью угадать его роль въ этой потрясающей драмѣ.

Старикъ этотъ былъ начальникъ табора *Манолій*; а убитая красавица—цыганка—его дочь Аргира, жена Урлана. Горе Манолія было настолько сильно, что бѣдный разсудокъ его не выдержалъ страшнаго потрясенія, и цыганъ не переставалъ выкрикивать дикія угрозы по

адресу виновныхъ въ убійствѣ его дочери. На убѣжденія Кириенко-Волошинова уйти, пока будетъ производиться дознаніе приближавшейся уже къ мѣсту убійства полиціей, и на обѣщаніе цыганъ привести ему потомъ для расправы Урлана и его мать *Арджинту* Манолій, въ безумномъ изступленіи, съ пѣной у рта закричалъ раздирающимъ душу голосомъ: „Урлана приведете вы, Урлана дадите мнѣ разорвать, Урлана?! Врете вы, врете всѣ, я не вѣрю вамъ, вы боитесь его и не посмѣете даже розыскивать... О, знаю я васъ, трусовъ безсовѣстныхъ, знаю, какъ дрожите всѣ передъ нимъ и не смѣете подумать о томъ, чтобы его отыскать и привести ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ!.. Знаю, знаю, ужъ вы доказали мнѣ раньше храбрость свою, когда дали проклятому убѣжать на глазахъ своихъ... Ну, да ничего, этого самъ я найду, куда бы ни скрылся онъ... Да, не тревожьтесь, я самъ найду эту язву смердящую, этотъ гнойный нарывъ, эту ползущую мерзкую гадину, предъ которой даже Арджинта ничто... О, я найду это подлое отродье, этого выродка племени нашего, хуже котораго еще не производила земля съ той поры, какъ она существуетъ!.. О, какъ сладко мнѣ будетъ вырвать изъ груди это гнусное сердце, которое, какъ негодный, изгнившій отбросокъ, зашвырну я въ глубокую яму для нечистотъ, чтобы никакая собака не могла себя этой мерзостью опоганить!“...

При послѣднихъ словахъ безумный случайно подбѣжалъ къ тому краю холма, подъ которымъ валялось въ кустахъ тѣло бѣлокураго господина, очевидно, раньше имъ не замѣченное.

Старикъ взвизгнувъ, отскочилъ, какъ ужаленный, весь дрожа, и затѣмъ съ непередаваемою яростью набросился на толпу, упрекая ее въ томъ, что никто не догадался раньше оттащить убитаго подальше отъ его дочери.

— И вы, безсовѣстные,—кричалъ онъ,—допустили, чтобы эта польская тварь такъ близко и долго лежала у того же холма, гдѣ покоилось тѣло моей безгрѣшной Аргирь?!.. О разбойники! теперь вѣрю я, что вы также участвовали въ томъ противъ нея заговорѣ, которымъ руководила Арджинта, надѣлявшая, конечно, и васъ графскими золотыми за ваши имъ обоимъ услуги!... О Боже мой! что они сдѣлали съ тобой, дитя мое, радость жизни моей!...

Послѣднія слова безумнаго уже едва доносились до слуха обоихъ пріятелей, спѣшно уходившихъ изъ табора, не имѣя силы больше переносить тяжелаго, раздиравшаго душу вида страданій несчастнаго старика, котораго теперь врядъ ли могли увести въ лѣсъ цыгане.

На другой день Кириенко-Волошиновъ и Пушкинъ пришли въ таборъ, и здѣсь имъ указали на не очень еще старую цыганку *тетку Смаранду*, которая можетъ все рассказать про *Манолакія*, или Манолія и Аргирю. Кириенко-Волошиновъ, по просьбѣ Пушкина, взялся

записать рассказъ тетки Смранды и затѣмъ перевести его, такъ какъ Пушкинъ не зналъ цыганскаго языка. На полянку былъ принесенъ коверъ и низенькій столикъ. Скоро явилась Смранда. Безъ всякаго стѣсненія передъ „господами“, Смранда, вѣжливо поздоровавшись съ ними, усѣлась на коврѣ, поджавъ ноги, и начала безцеремонно набивать свою трубку, которую тотчасъ же закурила. Пристально взглянувъ раза три на пріятелей своимъ острымъ, пронизательнымъ взглядомъ, цыганка, замѣтивъ обычный у молдаванъ и цыганъ низенькій круглый столикъ, какихъ въ каждомъ домѣ по нѣсколько, отрывисто спросила: „Зачѣмъ?“ — и, получивъ объясненіе, съ любопытствомъ произнесла:

— А на что же ему нужно все это?

Выслушавъ и на это отвѣтъ, она долго внимательно вглядывалась въ Пушкина, видимо сильно ее заинтересовавшего, и, наконецъ, вымолвила рѣшительно:

— Нѣтъ, какъ хочешь, а не можетъ быть, чтобы въ немъ совсѣмъ-таки не было цыганской крови.

— Неужели же ты потому только, что лицо у него темное, думаешь, что онъ изъ цыганъ?—насмѣшливо спросилъ Кириенко-Волошиновъ, тутъ же передавая Пушкину замѣчаніе цыганки.

— Ну, что-жъ,—смѣясь выговорилъ послѣдній: пусть себѣ утѣшается этимъ... А кстати,—прибавилъ онъ,—не погадать ли намъ отъ нечего дѣлать, прежде чѣмъ начнется рассказъ? Все-таки развлеченіе, и посмѣяться будетъ надъ чѣмъ...

Говоря это, онъ положилъ себѣ на ладонь два червонца и протянулъ руку къ цыганкѣ, которой Кириенко-Волошиновъ передалъ желаніе пріятеля. Но Смранда съ негодованіемъ оттолкнула руку эта и вымолвила насмѣшливымъ тономъ:

— Положи свои червонцы въ карманъ; мнѣ не нужны они, и я не такая гадальщица, какихъ ты, вѣроятно, не разъ встрѣчалъ между нашими женщинами. Я могу кое-что узнавать изъ будущаго нѣкоторыхъ людей,—но далеко, впрочемъ, не всѣхъ,—и не по рукѣ, которая ничего мнѣ не можетъ сказать о нихъ... Нѣтъ, не по рукѣ, а по лицу твоему вижу я, что тебя ожидаетъ въ жизни твоей, которая... которая... Цыганка, нѣсколько разъ обрываясь, повторяла послѣднее слово, продолжая пристально вглядываться въ лицо скептически улыбавагося Пушкина, и все не могла рѣшиться закончить начатую фразу, забывая, что послѣдній ни слова не понялъ изъ всего, ею сказаннаго.

— Да говори же, наконецъ, все, что ты видишь; не бойся его огорчить. Во-первыхъ, онъ не вѣритъ никакимъ предсказаніямъ и только забавляется ими; и, во-вторыхъ, я, вѣдь, знаю ужъ, чего ему не слѣдуетъ говорить, а потому мнѣ ты спокойно можешь все передать... Говори же скорѣй, не заставляй его выйти, наконецъ, изъ терпѣнія:

сама видишь, какъ начинается онъ волноваться, — проговорилъ Кириенко-Волошиновъ, самъ чрезвычайно заинтересованный ожидаемымъ предсказаніемъ.

— Вижу, вижу, какъ загорается въ немъ его цыганская кровь, и потому съ еще большею сердечною болью разбираю въ лицѣ его то ужасное будущее, которое грозитъ ему именно изъ-за этой горячей въ немъ крови,—приговорила цыганка вздыхая, и, продолжая фиксировать Пушкина, начала говорить, словно на самомъ дѣлѣ съ трудомъ разбирая какія-то ей одной видимыя на лицѣ его письма:

— Вотъ онъ все выше и выше подымается надъ всѣми его окружающими,—говорила она, не сводя съ Пушкина глазъ и какъ бы для самой лишь себя, а не для жадно слушавшаго ее Кириенко-Волошинова: вотъ онъ стоитъ уже такъ высоко, какъ никогда и никто ожидать не могъ этого... Самые важные люди, зная близость его *къ такому лицу, которое я назвать не хочу*, въ немъ заискиваютъ... Вотъ встрѣчаетъ онъ ту, которой лучше бы ему не видѣть совсѣмъ... И какъ такой умный, какъ онъ, человѣкъ, который притомъ раньше всегда сознавалъ свои наружные недостатки, можетъ рѣшиться взять въ подруги себѣ такую красавицу... писанную! Вотъ они уже мужъ и жена... Нѣтъ границъ его счастью и удачамъ во всемъ остальномъ... Какъ не замѣчалъ онъ раньше, что не пара она ему по наружности, такъ не замѣчаетъ теперь, что внутренно она на сто верстъ далека отъ него... Не стоить она подошвы отъ его стараго сапога, а онъ передъ ней себя за ничто считаетъ и молится на нее, и благодарить ее за всякую ласку, какъ высшее существо, до него незаслуженно снизошедшее... Вотъ онъ въ полѣ стоитъ, а передъ нимъ воинъ какой-то съ оружіемъ на-готовѣ... Вокругъ нихъ деревья безъ листьевъ, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, и снѣгъ подъ ногами скрипитъ, и снѣгу повсюду огромныя глыбы навалены... Холодно... Вотъ онъ сбрасываетъ что-то съ себя,—видно, жарко ему, несмотря ни на что, потому что кровь въ немъ цыганская кипитъ и бурлитъ, по жиламъ по всѣмъ переливается свинцомъ растопленнымъ и жжетъ его, какъ огнемъ, внутри и снаружи... Тотъ, другой, спокойно стоитъ и прицѣливается... Конечно... Едва донесли его домой полумертваго, а онъ и въ послѣднюю минуту о ней только думаетъ...

— И что она только наврала тебѣ такимъ трагическимъ тономъ—хотѣлось бы знать, да и за настоящее пора бы приняться,—нетерпѣливо перебилъ гадальщицу Пушкинъ, выжидательно глядя на смущенно перелистывавшаго тетрадь Кириенко-Волошинова.

Послѣдній въ точности перевелъ все, за исключеніемъ сцены въ лѣсу, которая самого его сильно разстроила и заставила такъ поплѣднѣть, что этого не могъ не замѣтить Пушкинъ.

— Ну, а дальше что она еще говорила?—со смѣхомъ спросилъ онъ, послѣ того какъ Кириенко-Волошиновъ, окончивъ свой переводъ до извѣстнаго мѣста, охотно съ нимъ согласился, что пора заставить цыганку рассказывать про Аргиру.

— Да чего-жъ тебѣ еще дальше? Ну, женился ты на красавицѣ писанной и счастливо жизнь съ нею прожилъ, да и все тутъ,—растерянно отвѣтилъ Кириенко-Волошиновъ не зная, куда глаза дѣть.

— Эхъ, полно, Димитрій! ты вратъ не умѣешь, да и къ чему, когда тебѣ хорошо извѣстно, что, что бы она ни сказала, меня это не можетъ смутить ни на единую минуту... Ну, да Богъ съ тобой, можешь не говорить дальнѣйшаго, я его самъ тебѣ когда-нибудь лучше этой цыганской сивиллы въ подробностяхъ расскажу,—закончилъ Пушкинъ вставая и направился къ городу черезъ таборъ, ни слова больше не говоря въ объясненіе такой неожиданной выходки своей.

— Пстой, а какъ же съ рассказомъ теперь?—удивленно спросилъ Кириенко-Волошиновъ, едва догнавъ его при выходѣ изъ табора.

— Да что же мнѣ сидѣть здѣсь, ни слова не понимая? Ты и одинъ можешь все перевести на русскій языкъ и дать мнѣ потомъ тетрадку,—спокойно отвѣтилъ Пушкинъ и ушелъ.

Передаемъ здѣсь въ самыхъ существенныхъ чертахъ очень длинный рассказъ Смранды объ Аргирѣ и отцѣ ея Маноліи, который приходился Смрандѣ двоюроднымъ братомъ.

Манолій въ юности женился на случайно приставшей изъ Румыніи къ табору красавицѣ *Земфирь*. Черезъ годъ, подаривши мужу дочь Аргиру, она бѣжала съ возлюбленнымъ, по всей вѣроятности, на родину. Цѣлый годъ пропадалъ Манолій въ напрасныхъ поискахъ за женой, которую любилъ до безумія. Аргира осталась на попеченіи Смранды, пока не вернулся, наконецъ, изъ напрасныхъ поисковъ отецъ. Она была дотога безобразна, что никто не могъ смотрѣть на нее безъ отвращенія. Къ уродству присоединилась еще и страшная болѣзненность, сопровождавшаяся какими-то особенно мучительными припадками.

Первые дни по возвращеніи Манолій не хотѣлъ даже видѣть дочери; но скоро такъ привязался къ несчастному уродцу, что души въ немъ не чаялъ. Манолій былъ весьма богатъ и не жалѣлъ денегъ на лѣченіе дочери; но ничто не помогало, и когда Аргирѣ исполнилось 16 лѣтъ, она сама пугалась своей наружности и пряталась отъ людей. Но вотъ доктора, бесплодно испробовавши всевозможныя средства, посоветовали Манолію „отвезти ее куда-то къ морю купаться и еще тамъ чѣмъ-то лѣчить ее.“ Два года никто въ таборѣ ничего не зналъ и не слыхалъ ни о Маноліи, ни объ Аргирѣ. Къ концу третьяго лѣта, когда таборъ стоялъ у Измаила, гдѣ у Манолія для зимы былъ свой домъ, онъ вернулся въ сопровожденіи необыкновенной краса-

вицы, въ которой никто не могъ признать прежняго уродца—Аргирю, въ 16 лѣтъ выглядывавшую хилымъ, жалкимъ 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

Въ Аргирѣ, такъ долго жившей въ полномъ отчужденіи отъ всѣхъ, проснулось теперь какое-то болѣзненное желаніе жить и веселиться. Въ таборѣ часто устраивались танцы и игры на воздухѣ, въ которыхъ принимали участіе пріѣзжавшіе изъ города молдаване-аристократы,—и никто не отдавался этимъ увеселеніямъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ Аргира, прозванная всѣми „жемчужиною табора.“ Молодежь сходила съ ума отъ нея; но красавица была неуязвима, и поклонники мало-помалу должны были отстать отъ нея. Не отставалъ только одинъ богатый и самый блестящій изъ всей золотой молодежи аристократъ-молдаванинъ *Петракій Янко*, надъ которымъ втихомолку подсмѣивались отвергнутые поклонники Аргире. Почтительно и безмолвно любилъ онъ „жемчужину табора“ больше двухъ лѣтъ сряду, ни разу не оскорбивъ ее ни однимъ такимъ словомъ, котораго не могъ бы сказать дѣвушкѣ своего круга.

Разъ Петракій, возвращаясь съ охоты, зашелъ въ таборъ и, уединившись съ Аргирой и ея подругой *Негрицей* въ любимое мѣсто Аргире въ лѣсу, сообщилъ, что умеръ его отецъ, и теперь онъ можетъ свободно располагать собою. На увѣренія и клятвы Петракія и на мольбы выйти замужъ Аргира отвѣчала, что любить его, только лишь какъ брата. На красавицу не подѣйствовала даже угроза Петракія, что онъ убьетъ себя изъ бывшаго у него въ рукахъ ружья. Выстрѣлъ грянулъ,—и стоявшій на колѣняхъ предъ Аргирой Петракій упалъ къ ней на руки.... Въ ту же минуту по близости раздался страшный, нечеловѣческій вопль, и появилась Негрица, которая отъ всѣхъ таила свою страстную любовь къ Петракію. Какъ безумная, схватила она валявшееся шестиствольное ружье, прицѣлилась имъ въ Аргирю, выстрѣлила въ нее—и въ тотъ же моментъ убила себя на повалъ въ сердце... Къ счастью, первый выстрѣлъ Негрицы не попалъ въ цѣль, и Аргира осталась невредимою. Больше года, однако, она проболѣла, и первое время доктора долго не могли ручаться за жизнь ея... Съ той поры кончились всѣ развлечения „жемчужины табора.“ Она рѣдко показывалась, выходя изъ шатра лишь къ могиламъ погибшихъ, хотя и безъ ея воли, но все же изъ-за нея, двухъ несчастныхъ самоубійцъ. Остальное время Аргира безвыходно проводила въ шатрѣ съ Маноліемъ лѣтомъ и въ купленномъ имъ въ городѣ домикѣ зимой, изрѣдка развлекаясь игрою отца на скрипкѣ,—а игру на скрипкѣ она любила болѣе всего на свѣтѣ.

Прошло три года со времени несчастія въ таборѣ, и Аргира считалась уже *старой дѣвой* между цыганками, которыя выходятъ обыкновенно замужъ въ 14 лѣтъ, а то даже и раньше. Аргирѣ было уже 28 лѣтъ.

Въ таборѣ всѣ думали, что Аргира ни замужъ не выйдетъ, ни безъ замужества любви ни къ кому не почувствуетъ во всю свою жизнь.

Однажды, среди лѣта, въ таборѣ случайно зашелъ странствующій невзрачный цыганъ-музыкантъ, какихъ много ходитъ по Бессарабіи по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и въ одиночку. Его звали Урланомъ; съ нимъ ходила повсюду и мать его—старуха Арджинта, которая занималась знахарствомъ, ворожбой, колдовствомъ и всякими иными, не любившими свѣта, дѣлами. Урланъ такъ хорошо игралъ на скрипкѣ, что его часами слушали самые важные господа и платили ему большія деньги за это. Зашелъ онъ въ таборѣ мимоходомъ, да и остался въ немъ навсегда, плѣненный Аргирой. Въ свою очередь, и Аргира, которая почти не выходила изъ шатра, теперь, чуть, бывало, услышитъ первые звуки скрипки, какъ уже и бѣжитъ къ Урлану, отъ котораго ни на мигъ не отходитъ, пока онъ играетъ. Дальше—больше,—наконецъ, дошло до того, что она и безъ скрипки начала бѣгать за музыкантомъ повсюду. Между тѣмъ, въ таборѣ начали доходить нехорошіе слухи не только про мать Урлана, которую скоро всѣ и сами узнали, но и про Урлана, будто бы не разъ уже побывавшаго въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ матерью. Но Аргира и слушать не хотѣла ничего дурного про своего возлюбленнаго, и отецъ по неволѣ долженъ былъ согласиться на бракъ, который вскорѣ и состоялся. Мало этого,—къ величайшему горю Манолія, молодой зять его тотчасъ же послѣ свадьбы увелъ жену свою въ другой таборѣ, стоявшій, впрочемъ, неподалеку отъ табора Манолія. Арджинта поставила свой шатеръ отдѣльно отъ всѣхъ, посреди лѣса, и тамъ, говорили, безъ всякой уже помѣхи, продолжала заниматься всякими темными дѣлами, приносившими ей много золота отъ окрестныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, въ домахъ которыхъ она сумѣла сдѣлаться *своимъ* человѣкомъ. Въ это самое время въ одномъ селеніи, неподалеку отъ Аккермана, появился богатый и знатный полякъ, называвшій себя графомъ *Чарницкимъ*. Арджинта, по обыкновенію, проникла въ домъ и къ этому поляку и скоро тамъ свила гнѣздо свое. Между тѣмъ, спустя годъ, у Аргире родилась дѣвочка, на которую она не могла налюбоваться и не спускала ея съ рукъ. Это не особенно нравилось Урлану, и онъ все чаще и чаще сталъ уходить изъ дому говоря, что маленькая *Зоцца* мѣшаетъ будто бы ему играть своими вѣчными криками. Скоро молодой мужъ сталъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ пропадать изъ дому, нисколько не заботясь о женѣ, и въ какихъ-нибудь два съ чѣмъ-то года успѣлъ промотать всѣ деньги, которыя Аргира получила отъ отца, отдавашаго ей больше половины изъ того, что самъ онъ имѣлъ. Затѣмъ начались всякія вымогательства со стороны Урлана, который дошелъ дотого, что если жена не рѣшалась выпрашивать послѣднее у отца, то онъ билъ ее, напившись пьянымъ. Однако Аргира продол-

жала попережнему любить Урлана, беззавѣтно и до послѣдней возможности покрывала его предъ отцомъ и предъ всѣми, стараясь всячески, чтобы никто не увидѣлъ жестокаго съ ней обращенія мужа. Наконецъ, уже и этого нельзя было болѣе дѣлать, и бѣдный Манолій съ ума сходилъ отъ горя и отчаянія, заставившихъ его въ одинъ годъ сдѣлаться сѣдымъ старикомъ. Въ это-то печальное время, къ довершенію всѣхъ бѣдъ несчастной красавицы, къ ней мало-по-малу начала исподоволь „подъѣзжать съ графомъ“ Арджинта, которая вздумала воспользоваться семейными смутами въ шатрѣ собственнаго сына. Аргира, разумѣется, и слушать не хотѣла лъстивыхъ рѣчей свекрови, которая, будто бы изъ сожалѣнія къ ней, предлагала утѣшить ее любовью польскаго графа, на самомъ дѣлѣ безумно ее полюбившаго съ первой съ ней встрѣчи. Получивъ серьезный отпоръ отъ невѣстки, пригрозившей жалобой мужу, Арджинта оставила ее въ покоѣ, притихнувъ въ ожиданіи благопріятнаго случая, чтобы инымъ какимъ-нибудь способомъ добиться своего. Какъ вдругъ таборъ вздумалъ весною перекочевать въ окрестности самаго Кишинева. Манолій захотѣлъ сопровождать дочь и, какъ вліятельный въ своемъ таборѣ человекъ, успѣлъ уговорить всѣхъ братьевъ двинуться вслѣдъ за таборомъ Урлана. Арджинта сначала осталась было на прежнемъ мѣстѣ одна; но не прошло и недѣли, какъ она также разставила свой шатеръ верстахъ въ двухъ-трехъ отъ табора Манолія. Скоро тайно переѣхалъ въ Кишиневъ и польскій богачъ и поселился на окраинѣ города, въ роскошнѣйшемъ домѣ, стоявшемъ почему-то пустымъ. На дняхъ ночью заболѣла Зоица тѣми же самыми припадками, которыми такъ мучилась и мать ея въ дѣтствѣ. Страшно испуганная этимъ, молодая женщина стремительно бросилась въ шатеръ *Харміоны*, сосѣдки, разбудила ее и умоляла посидѣть съ ребенкомъ, пока сама она сбѣгаетъ за знахаркой-сверковью, уже не разъ помогавшею Зоицѣ и раньше. Но, выскочивъ, какъ угорѣлая, изъ шатра, она вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась съ полупьянымъ мужемъ.

Узнавъ, въ чемъ дѣла, Урланъ сначала попробовалъ было, по обыкновенію, успокоить жену безжалостной встряской, стараясь втолкнуть ее обратно въ шатеръ; но видя, однако, что на этотъ разъ ему не совладать съ безотвѣтною женой, продолжавшею отъ него съ крикомъ вырываться, Урланъ придумалъ другое:

— Ну, хорошо, я самъ пойду за нею,—вымолвилъ онъ, втолкнувъ, наконецъ, обезумѣвшую отъ страха Аргирю въ шатеръ: только помни,—угрожающе прибавилъ онъ,—что если ты сдѣлаешь хоть шагъ изъ шатра, то я не позволю матери помочь твоему проклятому выродку.—Съ этими словами полупьяный мужъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ по дорогѣ къ лѣсу, тогда какъ Аргира съ рыданіями возвратилась къ ребенку.

Прошло болѣе часу, а Урлана все не было. Аргира не могла больше выдержать и, забывая страшную угрозу Урлана, стремглавъ выбѣжала изъ шатра и помчалась по дорогѣ къ жилищу свекрови. Оказалось, что Урланъ и не думалъ заходить къ матери.—Узнавъ, чего отъ нея требуется, хитрая старуха увѣрила молодую мать, что для спасенія Зоицы ей необходимо поступить слѣдующимъ образомъ:

— Ты должна,—говорила она,—смирно сидѣть въ лѣсу на томъ мѣстѣ куда я тебя посажу, все время, пока я буду разыскивать съ фонаремъ нужный мнѣ корень. Можетъ быть, мнѣ придется долго искать его и далеко отойти отъ тебя; но тебѣ бояться здѣсь нечего, и ты ни въ какомъ случаѣ не должна ни оглядываться, ни призывать меня къ себѣ, такъ какъ иначе нечистая сила возьметъ верхъ надо мной, и я ни за что не смогу найти нужный корень. Мало этого: если ты, испугавшись какихъ-нибудь ея штукъ, вздумаешь бѣжать, то знай, что застанешь Зоицу не иначе, какъ мертвою въ постелькѣ.

Такъ онѣ и сдѣлали.—Не смотря на свойственную цыганкамъ храбрость, Аргира все больше и больше трусила по мѣрѣ того, какъ свекровь съ фонаремъ удалялась въ глубь лѣса, гдѣ вскорѣ и скрылась безслѣдно. Но, твердо вѣря въ могущество колдовства, которымъ Арджинта могла спасти дѣвочку, несчастная мать изо всѣхъ силъ старалась превозмочь овладѣвавшей ею страхъ, чтобы какъ-нибудь не повредить этимъ Зоицѣ. Такъ сидѣла она, вся дрожа, въ ночной темнотѣ, и съ ужасомъ прислушивалась ко всякимъ лѣснымъ шорохамъ, не смѣя пошевелинуться на камнѣ, гдѣ усадила ее знахарка. Арджинта же, между тѣмъ, во весь духъ летѣла къ жилищу Чарницкаго, ключъ отъ спальни котораго былъ у нея въ карманѣ.

— Бѣги скорѣе,—молвила она, едва переводя духъ,—и хватай ее безъ единого слова. Она подумаетъ, что это—нечистая сила, и сопротивляться не станетъ..

Затѣмъ старуха наскоро сообщила графу свой планъ и прибавила, когда онъ уже уходилъ:

— Другого болѣе удобнаго случая никогда не представится. Я же тутъ сейчасъ все устрою съ твоей прислугой, чтобы ты могъ этою же ночью увезти ее, куда хочешь....

Урланъ, между тѣмъ, пьянствовалъ въ компаніи и подрался съ однимъ пріателемъ, намекнувшимъ на гр. Чарницкаго. Хотя Урланъ и не любилъ жены, однако имъ тотчасъ же овладѣла безумная ревность, и онъ бросился домой,—жены нѣтъ; онъ къ матери,—и тамъ нѣтъ. Онъ въ лѣсъ. Встрѣтившись съ Чарницкимъ, Урланъ покончилъ съ нимъ, а затѣмъ и съ женою, какъ послѣдняя ни старалась увѣрить мужа въ своей невинности....

Окончивши свой рассказъ, Смаранда весело вымолвила, любопытно заглядывая въ тетрадку, куда Кириенко-Волошиновъ еще продолжалъ что-то вписывать:

— Значить, все, что я тебѣ рассказала, твой странный пріятель потомъ въ книжкѣ помѣститъ,—вѣдь такъ?—спросила она.

— Можетъ быть, помѣститъ, а можетъ и нѣтъ,—отвѣтилъ Кириенко-Волошиновъ, вставая и прощаясь съ цыганкой, лицо которой вдругъ какъ-то еще больше потемнѣло, принявъ серьезное выраженіе.

— Охъ, бѣдный онъ, бѣдный!—задумчиво выговаривала она: не на счастье, а только на горе родился онъ!..

Отдавъ Пушкину на-чисто переписанный переводъ, а оригиналь оставивши у себя, Кириенко-Волошиновъ послѣ того не видалъ Александра Сергѣевича болѣе двухъ недѣль. Но вотъ какъ-то вечеромъ разстроенный чѣмъ-то Пушкинъ стремительно вбѣжалъ къ нему въ комнату и, бросивъ на столъ какой-то довольно объемистый свертокъ, сердито промолвилъ:

— Чепуха какая-то вышла!.. Впрочемъ, можешь все же переписать, если хочешь и если что-либо тамъ разберешь. Я дотога спѣшилъ освободиться отъ до смерти надоѣвшей мнѣ пачкотни, что, по окончаніи, многого и самъ не могъ разобрать.... Нѣтъ ли чаю, дружище? изнемогаю отъ жажды....

Однако раздраженный чѣмъ-то поэтъ такъ волновался, бѣгая изъ угла въ уголь, что чаю дожидаться не могъ и скоро выбѣжалъ изъ комнаты, не простившись съ хозяиномъ. Тогда послѣдній медленно развернулъ свертокъ и прочелъ на первомъ листѣ слѣдующія, написанныя крупными буквами, слова:

„Бессарабскіе кочующіе цыгане“.
(Дѣйствительное происшествіе).

Дальше слѣдовало подробное изложеніе рассказа Смаранды и того, что Пушкинъ видѣлъ своими глазами. Все это было передано въ формѣ *поэмы*, съ сохраненіемъ даже всѣхъ подлинныхъ собственныхъ именъ. Кириенко-Волошиновъ съ большимъ трудомъ разобралъ и четко переписалъ поэму, а затѣмъ, самъ не отдавая себѣ отчета въ послѣднемъ своемъ поступкѣ, не извѣстно зачѣмъ, подписалъ подъ нею не фамилію Пушкина, а свое собственное полное имя, отчество и фамилію. Въ такомъ видѣ переписанная поэма лежала нѣсколько дней на столѣ, тогда какъ черновую Кириенко-Волошиновъ положилъ въ тотъ же ящикъ, гдѣ уже было не мало оставленныхъ Пушкинымъ стихотвореній и рисунковъ всякаго рода.

Какъ-то Пушкинъ снова зашелъ къ пріятелю и, увидѣвъ перепи-
санную поэму, разсѣянно принялся ее перелистывать. Вдругъ онъ громко
захохоталъ и, указывая на подпись, сквозь смѣхъ произнесъ:

— Эге-ге, милый мой! это зачѣмъ же ты присвоилъ себѣ мое не-
удачное дѣтище? Вѣдь, это, любезный ты мой, у насъ плагиатомъ зо-
вется, и за это можетъ достаться тебѣ не шутя!... Давай-ка мы сей-
часъ же поправимъ ошибку...

И, обмакнувъ въ чернила перо, Пушкинъ задумался на нѣсколько
минуть и затѣмъ живо написалъ подъ фамиліей Киріенко-Волошинова
слѣдующее шутливое стихотвореніе:

Я, пѣвецъ молдавскихъ грацій,
Здѣсь, подъ сѣнію акацій
(Ихъ такъ много тутъ кругомъ),
Всѣхъ хочу завѣрить въ томъ,
Что пріятель мой Димитрій,
Человѣкъ хотя и хитрый,
Но не склонный на обманъ...
Нѣтъ, поэму про цыганъ
Онъ случайно подписалъ,

Какъ, зачѣмъ—и самъ не зналъ...
Да, не онъ создалъ поэму
Про туземную богему.
Онъ ее переписалъ,
Но отнюдь не сочинялъ.
Авторъ я—стиховъ кропатель
И большой его пріятель;
Посему, журить его
Мнѣ не значитъ ничего...

Подъ этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ подписалъ такъ:

„Нечиновный чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ не-
культурнаго, но зѣло полного гордости края Александръ Пушкинъ“.

Самая поэма, судя по отрывку въ 14 страницъ, приведенному
Е. Францовой *по памяти*, представляетъ собою скорѣе *пробу пера*,
первый набросокъ, къ которому Пушкинъ, такъ много посвящая время
на окончательную отдѣлку своихъ произведеній, никогда болѣе
почему-то не возвращался. Но въ *колыбельной пѣснѣ* Аргиры, даже въ
настоящемъ ея видѣ, мѣстами нельзя не узнать чуднаго поэтиче-
скаго, такъ сказать, рѣзца Александра Сергѣевича. Вотъ эта пѣсня:

Дѣтка милая, родная,
Твой отецъ ушелъ опять.
Остаюсь съ тобой одна я
Съ грустью мужа поджидать.
Спи же, дѣтка, баю, баю;
Не гляди, какъ я страдаю.
О мой Богъ, за что, жестокой,
Разлюбилъ совсѣмъ онъ насъ,
И дочурки черноокой
Онъ не любитъ чудныхъ глазъ?

Что намъ дѣлать?—Баю, баю,—
Ничего о томъ не знаю.
Раньше, помнишь, онъ старался
Насъ обѣихъ ублажать;
Какъ любилъ, ласкалъ и клялся
Никогда не покидать!...
Спи, мой ангелъ, баю, баю,
Спи, вѣдь тихо я качаю.
Было счастье, но какъ скоро
Все исчезло безъ слѣда;

Только горя и позора
 Слѣдъ останется всегда.
 Спи, Зоица, баю, баю,
 Спи, тебя я обожаю.
 Онъ съ пріятелями вѣчно
 Лишь проводить день и ночь,
 Забываетъ, безсердечный,
 И жену свою и дочь.
 Спи, дочурка, баю, баю,
 Ахъ, я всѣхъ ихъ презираю!
 Имъ играетъ онъ. Лишь тайно
 Слышу я его въ тѣ дни,
 Какъ узнать могу случайно,
 Гдѣ собираются они.

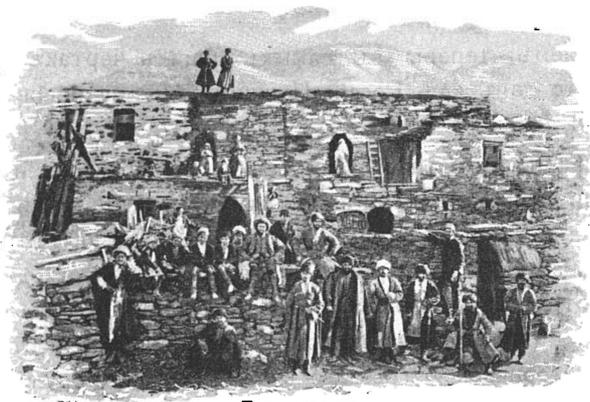
Спи, алмазь мой, баю, баю;
 Зла ему я не желаю.
 Что-за пѣсни, что-за звуки
 Онъ изъ скрипки извлекалъ,
 Какъ меня, весь полонъ муки,
 На свиданье вызывалъ!
 Спи, голубка, баю, баю;
 Горе ждетъ тебя, я знаю.
 А теперь совсѣмъ не хочетъ
 Ни одной мнѣ пѣсни спѣть;
 Надо мной всегда хохочетъ,
 Не умѣетъ пожалѣть...
 Пусть смѣется!.. Баю, баю,
 Я люблю, не проклинаю!¹).

Поэма: „Бессарабскіе кочующіе цыгане“, послужившая *прототипомъ* поэмы: „Цыгане“, по тщательномъ ея сличеніи съ этою послѣднею, ничего почти общаго съ нею не имѣетъ, какъ ничего почти общаго не имѣетъ преступленію Урлана съ преступленіемъ *Алеко*. Въ то время какъ первая поэма является фотографическимъ воспроизведеніемъ въ стихахъ дѣйствительнаго происшествія, вторая представляетъ собою плодъ высокаго свободнаго творчества ²) и вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію П. В. Анненкова, „высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-

¹) Въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу отъ 23 марта 1821 года Пушкинъ говоритъ: „...кончилъ я новую поэму *Кавказскій Пльнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ея не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?“—Плодомъ этого „перевариванія воспоминаній“ и „набора новыхъ“ были слѣдующія поэмы, кромѣ „Бахчисарайскаго фонтана“ и „Цыганъ“: 1) „Вадимъ“, оставшаяся неоконченною, 2) „Бессарабскіе кочующіе цыгане“, 3) *сатирическая поэма*, планъ и наброски которой приводитъ П. В. Анненковъ въ V-й главѣ своей монографіи—„А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, и дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны, 4) печальной памяти *кошунственная поэма* и, наконецъ, 5) „Братья разбойники“, которую Пушкинъ сжегъ, и теперешній текстъ ея представляетъ собою только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у друга Пушкина Н. Н. Раевского.

²) О происхожденіи первыхъ стиховъ „Цыганъ“ *М. Шонинъ*, внукъ Стамати (*этериста Статаки*, постельника, взявшаго на откупъ всѣ бессарабскія почты?), общаетъ слѣдующее сохранившееся въ Кишиневѣ преданіе. Одинъ разъ Пушкинъ отправился гулять за городъ, по направленію къ нынѣшнимъ садамъ *Рамандина* (Лихнякевича), Катаражи и др. Въ то время здѣсь не было домовъ, и весь скатъ былъ занятъ лѣсомъ. Здѣсь, на опушкѣ, расположились цыгане. Когда Пушкинъ подошелъ

философской темой". На „Цыганах“, правда, „мелькают еще лучи байронической поэзии, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальность замысла, возмужалость и зрѣлость таланта дотога бросались въ глаза современникамъ Пушкина, что они признали въ поэмѣ совершенно свободное, независимое созданіе, не смотря на нѣкоторые признаки его родства съ чужою мыслию“, ¹⁾ тѣмъ болѣе, что въ поэмѣ Пушкинъ неожиданно коснулся важнаго соціальнаго вопроса, котораго, впрочемъ, далеко не исчерпалъ, такъ какъ подобный вопросъ въ области романтизма, собственно говоря, и не могъ даже быть обрабатываемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ своими „Цыганами“ прощался съ чисто-романтическимъ творчествомъ и круто перешелъ къ воспроизведенію живой дѣйствительности, къ самобытному творчеству въ народномъ духѣ.

Тыпы грузинъ.

къ нимъ, къ нему бросились нѣсколько взрослыхъ цыганъ и мальчишекъ съ цѣлю не то ограбить, не то выпросить себѣ чего-нибудь. Пушкинъ перепугался и быстро повернулъ назадъ къ городу.—„Пера и чернилъ!“ закричалъ онъ, вбѣгая въ домъ Стамати,—и тутъ же написалъ всѣмъ извѣстные первые стихи поэмы: „Цыгане шумною толпою по Бессарабіи кочуютъ“.... (В. А. Яковлевъ, „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, стр. 80).

¹⁾ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 239—240.

Прощаніе Пушкина
съ моремъ
(съ картины Айва-
зовскаго).

А. С. Пушкинъ

— на югъ Россіи.

XIV.

одведемъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ краткій итогъ тому, что далъ югъ Россіи Пушкину въ теченіе свыше 4-лѣтней жизни его здѣсь.

Пребываніе Александра Сергѣевича на югѣ Россіи познакомило его съ самыми разнообразными картинами природы и жизни. Суровая дикость Кавказа съ столь же суровымъ воинственнымъ бытомъ; поэтическая „очаровательная“ картина Крыма, его историческія, восходящія ко временамъ весьма глубокой древности, преданія; восточная нѣга его жителей; степная „пустынная“ природа Бессарабіи, съ яркою пестротою ея населенія, съ историческою громкою славою русскаго оружія, съ полными таинственности воспоминаніями о знаменитомъ римскомъ поэтѣ Овидіи, въ положеніи котораго Пушкинъ находилъ сходство съ собственнымъ своимъ положеніемъ; наконецъ, европейская, хотя и „прозаическая“, жизнь молодой Одессы: все это доставило обильнѣйшій матеріалъ для поэтической дѣятельности Пушкина, обогативъ его самыми разнообразными—часто очень сильными—впечатлѣніями, заняло его умъ, обогатило массою новыхъ свѣдѣній. Въ изображеніи кавказскихъ горцевъ, крымскихъ татаръ, бессарабскихъ цыганъ онъ постепенно и незамѣтно для себя учился, такъ сказать, примѣнять колоритъ мѣста и времени, который составляетъ важнѣйшую заслугу французскихъ и англійскихъ романтиковъ, и въ которомъ Пушкинъ почти не имѣетъ себѣ соперниковъ. Обвинять Пушкина въ томъ, что онъ нерѣдко находилъ поэзію въ дружеской пирушкѣ, или нерѣдко также поддавался

обаянію женской красоты—по меньшей мѣрѣ наивно. Пушкинъ въ это время переживалъ періодъ скептицизма и мучительныхъ сомнѣній во всемъ, а больше всего въ самомъ себѣ. Но такой періодъ есть необходимое испытаніе, чрезъ которое неизбежно проходитъ и въ которомъ какъ нельзя лучше очищается всякій выдающійся изъ ряда другихъ человѣкъ. Пушкинъ *долженъ* былъ пережить его—и пережилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *долженъ* былъ выйти изъ него побѣдителемъ—и дѣйствительно вышелъ. Не говоря уже обо всемъ прочемъ, обратимъ хотя бы вниманіе на легкомысленное отношеніе его къ религіи, печальнымъ памятникомъ котораго осталось нѣсколько непечальныхъ кощунственныхъ его произведеній. Насколько необдуманно-легкомысленнымъ былъ онъ въ годы жизни своей на югѣ Россіи, настолько впослѣдствіи глубоко и искренно проникся высокими истинами вѣры и иначе не говорилъ о предметахъ ея, какъ съ чувствомъ величайшаго благоговѣнія. Одинъ разъ Глинка засталъ Пушкина въ его квартирѣ съ Евангеліемъ въ рукахъ. „Вотъ единственная книга въ мірѣ: въ ней все есть“, восторженно сказалъ Пушкинъ.—„Увѣряютъ, что вы невѣрующій“, замѣтилъ на это Глинка. Пушкинъ расхохотался и сказалъ, пожимая плечами: „Значитъ они меня считаютъ совершеннымъ кретиномъ. ¹⁾ На вопросъ А. Тургенева: „Гдѣ ты искалъ Бога и гдѣ Его нашель?“ Пушкинъ отвѣчалъ: „Въ моей совѣсти, хотя я и приобрѣлъ репутацію неисправимаго скептика и маловѣра за то, что написалъ скверную эротическую поэму, навѣянную чтеніемъ Грессе, Пирона и Парни, который сводилъ съ ума до меня и дядю моего Василія, и Дмитріева, друга Вяземскаго, и даже *Батюшкова*, что совершенно не понятно... Ты хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога?—Кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о Немъ, я искалъ Его въ книгѣ, въ которой и нашель *Пророка*, во имя котораго, кажется, можно бы и отпустить мнѣ мои грѣхи. Но мои добрые друзья и мои знаменитые критики, забывая о томъ, что я сдѣлалъ хорошаго, помнятъ только о *глупостяхъ ривемплетствовавшего мальчишки*“²⁾).

Съ 30-хъ годовъ религіозное настроеніе сдѣлалось господствующимъ въ душѣ Пушкина и выразилось въ нѣсколькихъ его высокохудожественныхъ произведеніяхъ, хотя далеко не обнаружилось вполне. И настроеніе это не было слѣдствіемъ, такъ сказать, минутной вспышки чувства; напротивъ, оно является результатомъ глубокаго пониманія религіи, серьезнаго размышленія о ней и внимательнаго, вдумчиваго изученія христіанскихъ произведеній. Къ такому взгляду приводятъ насъ свидѣтельства друзей Пушкина, которые говорятъ, что въ по-

¹⁾ „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893 г., кн. 4, стр. 231.

²⁾ „Сѣверн. Вѣстн.“, 1893 г., кн. 8, стр. 269—270.

слѣднее время поэтъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. Съ какимъ благоговѣніемъ Пушкинъ относился къ Евангелію, говорятъ его же собственныя слова. По поводу одного переводнаго сочиненія Пушкинъ говоритъ: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли и примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра, изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется *Евангеліемъ*—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!“ Черновыя тетради Пушкина наполнены выписками изъ Четій-Миней и Пролога. Въ 1835 г. онъ помогаетъ и со-вѣтомъ и дѣломъ своему лицейскому товарищу князю *Эрнстову* въ составленіи „Словаря историческаго о святыхъ, прославляемыхъ въ Рос-сійской Церкви“ и дѣлаетъ о немъ, по выходѣ въ свѣтъ, печатный отзывъ. Самъ составляетъ для народа сохранившееся въ подлинной рукописи житіе преп. игумена Саввы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3, преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святой обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожахъ, новаго чудотворца“ и т. п. А кто не знаетъ тѣхъ трогательныхъ христіанскихъ чувствованій, какими преисполнена была душа Пушкина на смертномъ одрѣ,—чувствованій, приводившихъ въ глубокое сердечное умиленіе всѣхъ окружавшихъ его въ эти знаменательныя минуты и исторгавшихъ изъ глазъ ихъ потоки слезъ?...

Простился Пушкинъ съ югомъ Россіи,—простился и съ своимъ бурнымъ, мрачнымъ прошлымъ; простился съ моремъ чуднымъ стихо-твореніемъ: „Къ морю“,—простился и съ „властителемъ“ своихъ „думъ“ Байрономъ, чтобы „провозвѣщать“ съ этихъ поръ „любви и правды чистые глаголы“, „пробуждать“ сладкозвучной своей „лирой добрыхъ чувства“ въ людяхъ, доставлять имъ высочайшее наслажденіе „прелестью живой стиховъ“, „призывать милость къ падшимъ“, „глаголомъ жечь сердца людей“. Невольно припоминается при этомъ безхитростная, но мѣткая характеристика Пушкина, сдѣланная въ свое время *А. Ту-манскимъ*, сблизившимся съ Александромъ Сергѣевичемъ въ Одессѣ:

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.

Не измѣнилъ онъ назначеню,
Главы предъ рокомъ не склонялъ,
И, вѣрный тайному влеченю,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая мѣръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннической вѣкъ,
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣнью славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеніи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

Гурагъ.